ИЗБОРСКИЙ КЛУБ. РУССКИЕ СТРАТЕГИИ. №3 (111), 2023

Изборский клуб

русские стратегии

№3 (111), 2023

Александру Проханову – 85

Проханов и Изборское сознание

Содержание:

2 Александр ПРОХАНОВ.
Ловец истории

18 Александр ПРОХАНОВ.
Изборское сознание

22 Александр ДУГИН.
Глашатай

24 Сергей КУРГИНЯН.
Особенный дар

26 Станислав КУНЯЕВ.
Мы выжили в нелёгкие времена

28 Геннадий ЗЮГАНОВ.
Провидец и воин

32 Владимир БОРТКО.
О Проханове и всё ещё не снятом фильме

34 Юрий ПОЛЯКОВ.
Человек — загадка

38 Екатерина ГЛУШИК.
Прошу слова

42 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Из эксцентриков в эквилибристы

50 Вардан БАГДАСАРЯН.
Наступит ли Завтра?

54 Сергей БАРАНОВ.
Изборское сознание: ответы на вызовы русского времени

60 Фёдор ПАПАЯНИ.
Деятельная мечта

62 Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Чудо Русского мира и изборское сознание

74 Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Архитектор изборского сознания

76 Андрей ФУРСОВ.
Русский писатель в минуты роковые

86 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Проханов — код русского времени

88 Захар ПРИЛЕПИН.
Проханов Ковчег

94 **Действующий пророк**
(беседа Виталия АВЕРЬЯНОВА и Михаила КИЛЬДЯШОВА)

104 Александр ПРОХАНОВ.
Главы из нового романа

123 **Библиотекарь**

124 **Хронология мероприятий клуба**

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** **№3 (111), 2023 год**

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора — Андрей КОБЯКОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7 (910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 04.05.2023
Отпечатано в ООО «Типография “Печатных Дел Мастер”»
Тираж 700 экз. Заказ № 232057

/ Александр ПРОХАНОВ /

Ловец истории

Верую в поток бесконечной русской истории

Мне отпущена огромная длинная жизнь. И время моего проживания в мире кажется мне непрерывным. Световод моей жизни от рождения к смерти непрерывно тянется, пропуская сквозь себя потоки моих жизненных энергий, моих жизненных коллизий, бесчисленную череду потрясающих по своей яркости и неповторимости событий.

Но эти непрерывность и единство световода являются иллюзорными. Случаются перепады, разрывы, когда твоя судьба словно останавливается, замирает, и ты пребываешь в безвременье, которое длится, быть может, секунду. Когда случаются перебои сердца и твоя жизнь перескакивает из одного времени в другое, а другое — в третье, в четвёртое. И трудно уловить, когда случается этот перебой: то ли прочитан над тобой восхитительный стих? Или луч солнца упал на розовую колокольню? Или во сне, когда в ночи набрасывается на тебя безымянное чудовище и начинает терзать когтями? И ты просыпаешься наутро другим человеком.

Таких периодов в моей жизни теперь, когда она завершается, я мог бы насчитать пять или шесть. И первый из них — это моё восхитительное детство, которое я провёл с мамой и бабушкой в Москве, в Тихвинском переулке, напротив колокольни старой разрушенной церкви.

Мой отец погиб в 1943-м под Сталинградом в ночь перед Рождеством, и всю мою огромную жизнь в рождественскую ночь я стараюсь представить себе, как отец с трёхлинейкой бежал по заснеженной сталинградской степи. Он упал, и в его раскрытых глазах замерзали слёзы.

Тогда, в раннем детстве, я ощущал смерть отца как горе по материнским плачам: когда она говорила об отце, у неё дрожали губы. Её слёзы для меня были невыносимы.

В 1944 году мама повела меня в Парк культуры, где на набережной была развёрнута трофейная выставка. На неё свезли немецкие пушки, транспортёры, зенитки, танки. Я помню немецкий танк — страшный, чёрный, в ржавой окалине, с огромной дырой в башне. Эту пробоину оставил русский снаряд, оплавив броню, и я помню белый серебряный блеск этой брони среди чёрного грязного металла башни. Глядя на эту пробоину, я испытывал радость, удовлетворение, понимая, что существует сила, отомстившая за отца.

Однажды бабушка привела с рынка двух военных, приехавших с фронта в отпуск. Их усадили за наш круглый стол, накормили обедом. После окопов и блиндажей им нравился наш уютный красивый дом. В благодарность за гостеприимство они положили на стол тряпичный кулёк, развернули тряпочку, и там был немецкий крест, чёрный, с серебряной каймой, со свастикой в центре. И нагрудный знак — венок из дубовых листьев, перечёркнутый карабином. С тех пор этот трофейный крест — в моей семье, и я думаю: быть может, он снят с того, кто убил моего отца.

В детстве я был окружён прекрасной роднёй: бабками, дедами, тётками — это огромный род, который уцелел после всех напастей, расстрелов, лагерей, бегства за границу. Но всё, что уцелело и осталось здесь, в России, окружало меня, наполняло любовью и силой. Когда я читаю Чехова или Бунина, в их героях нахожу и угадываю черты моей родни. Иногда эти черты, очень слабо, проскальзывают в героях Толстого.

Есть тонкие переходы, когда чувство семьи переливается в чувство рода, а чувство рода

переливается в ощущение народа — огромного, безымянного, бесконечного, из которого ты появился на свет и который тебя примет обратно, когда настанет пора «приложиться к народу своему».

В моём детстве было множество впечатлений, которые сопутствуют мне во всей моей долгой жизни. И одно из таких впечатлений — это Сталин на Мавзолее. Мальчиком, затесавшись в колонны демонстрантов, я прошёл по Красной площади среди шаров, знамён, транспарантов, грохочущей музыки. И когда на мгновение разомкнулась колонна, я увидел на Мавзолее Сталина. Теперь он мне кажется миражом, который появился среди розового и голубого на один только миг, а потом колонна сомкнулась и унесла меня дальше по Красной площади к Василию Блаженному. Это была встреча со Сталиным. И, встретившись с ним тогда, я уже больше не разлучался.

Я помню каждый предмет, каждую безделушку на дедовском огромном столе под зелёным сукном. Хрустальные кубы чернильниц, бронзовые подсвечники в виде медведей, карабкающихся наверх по деревьям. Помню запах книг, когда я раскрывал наш старинный книжный шкаф с фамильной библиотекой. Так пахли подшивки журналов «Весы», «Аполлон», дореволюционные собрания сочинений Гоголя, Лермонтова.

И среди множества этих звуков, запахов, цветов, голосов, огорчений и радостей детства всегда со мной была разрушенная колокольня Тихвинского храма, которая смотрела на меня сквозь окно, наблюдая за мной. И весной — розовая, с крохотными деревцами на кровле, окружённая голубиными стаями, и в осенних дождях — сумрачная, серая, затуманенная, и лунными зимними ночами — под шапкой снега — она знала обо мне всё. Смотрела на тетрадки, где я выводил неумелые каракули, на листы бумаги, где я писал свои первые наивные стихи. Она смотрела на мёртвую бабушку, которая лежала на огромном дедовском столе. Эта колокольня была моей наставницей, молчаливой попечительницей. Она взращивала меня, и, быть может, многому, чем я владею, я научился у неё, у моей любимой Тихвинской колокольни.

Всегда со мной была разрушенная колокольня Тихвинского храма, которая смотрела на меня сквозь окно, наблюдая за мной. И весной — розовая, с крохотными деревцами на кровле, окружённая голубиными стаями, и в осенних дождях — сумрачная, серая, затуманенная, и лунными зимними ночами — под шапкой снега — она знала обо мне всё. Эта колокольня была моей наставницей, молчаливой попечительницей. Она взращивала меня, и, быть может, многому, чем я владею, я научился у неё, у моей любимой Тихвинской колокольни.

Случайности играют переломную роль в судьбе человека. Случайность — это препятствие, на которое натыкается жизнь и меняет своё русло. Моя жизнь усеяна случайностями, иногда прекрасными, иногда — ужасными.

Юношей я смотрел в открытую форточку, в которой трепетал и струился студёный апрельский воздух, и в этом воздухе в форточке возникали ревущие сверкающие самолёты, летящие на парад. С каждым годом эти эскадрильи становились всё больше, самолёты — всё грандиознее и прекраснее. Это побудило меня поступить в авиационный институт, стать радиоинженером, и я начал конструировать противотанковые ракеты.

Случайностью была болезнь мамы, которая с группой архитекторов собиралась поехать на экскурсию в Псков. Она уступила мне своё место, и я случайно на первом курсе авиационного института попал в Псков, который стал для меня чудом. Это чудо было голубое, белое и ослепительное. Голубыми были цветущие поля льна, озёра и реки. Белоснежными были восхитительные псковские церкви. Ослепительными и чудесными были люди, с которыми я подружился в Пскове.

Все они были гораздо старше меня, они уцелели в войне. Раненые, оглушённые, они вернулись, чтобы жить, творить, восполнять своей жизнью и творчеством ужасные траты войны. Это были люди возвышенного и восторженного миросознания, это были люди русского ренессанса. Реставраторы разрушенных храмов Скобельцын и Смирнов. Чудесный однорукий Гейченко, воссоздавший пушкинское Михайловское. Гроздилов — археолог, что искал в Пскове берестяные грамоты. Творогов — знаток древних рукописей и собиратель дворянских библиотек. Они приняли меня в свой творческий круг, своими жизнями, поступками, наставлениями учили и пестовали меня. И по сей день я благоговею перед их могилами.

Помогая моим друзьям-реставраторам, я обмерял церковные развалины и на стенах этих развалин читал намалёванное чёрным: «Мин нет».

В старой кузне я помогал кузнецу ковать подковы, держал клещами алый кусок железа, а кузнец мял его ударами молотка, вышибая искры. А за стенами кузни, привязанный ремнями, стоял жеребец, при каждом ударе вздрагивая огромным фиолетовым оком.

С археологами я раскрывал уложенный камнями жальник — древнее погребение, и под цветущими травами, из влажной земли, из глубины всплывал скелет усопшей женщины: её череп, полный земли, с бронзовым височным кольцом, её хрупкие кости, которые когда-то были прелестным телом, гулявшим среди трав и ручьёв.

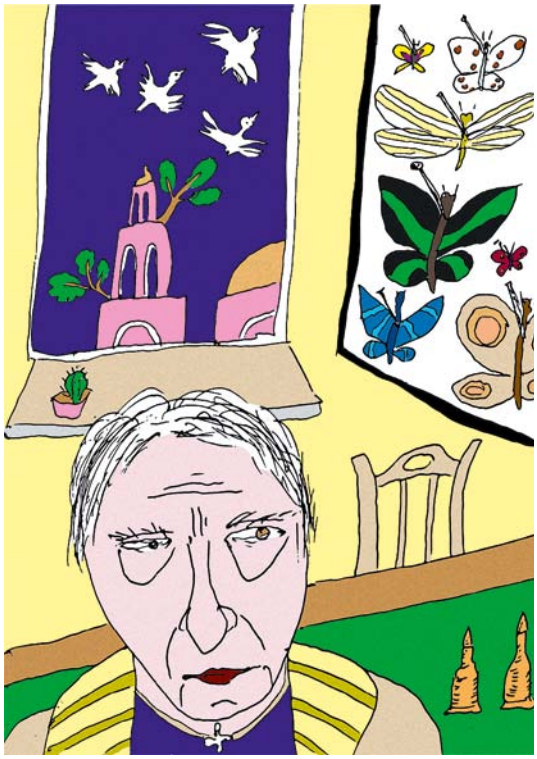
В храме Псково-Печерского монастыря я впервые поцеловал из рук священника большой медный крест и ощутил сладость этого поцелуя.

Каменная кровля разрушенной церкви поросла травой. В этой траве росла земляника. На кровле церкви появилась девушка. Её темные волосы блестели, как стекло. У неё были румяные щёки, и она ела землянику. Глядя на неё, я вдруг увидел преображение мира: вода в озере стала ослепительно-синей, как одеяние на ангелах рублёвской «Троицы», трава стала изумрудной. Мои глаза обрели неведомую зоркость, и я увидел каждую красную ягоду земляники под ногами девушки, а сама она стала драгоценной, восхитительной и любимой.

Псков одарил меня первой любовью. Одарил мужской возвышенной дружбой. Одарил русской святой красотой. 65 лет назад я приложился к иконе, имя которой Псков. С тех пор каждый год я приезжаю в Псков, чтобы вновь приложиться к этой иконе.

В юности я заболел странным недугом. Этим недугом явилась потребность изображать всё, что я видел: радугу в хрустальной чернильнице на моём столе, горький запах клейкой тополевой почки, прилипшей к моей ладони, звуки голосов мамы и бабушки, которые я слышал сквозь неплотно прикрытую дверь. Этот недуг разрастался с годами и превратился в болезнь писательства — стремление изобразить окружавший меня мир, перенестись в него, покинуть реальность и жить в изображённом мною мире.

Всю мою жизнь я занимаюсь писательством и переношу явления внешнего мира



в мир моих романов, искусственно созданный. И я не ведаю, какой из этих двух миров является подлинным и где подлинный я сам: из плоти и костей, живущий в этом внешнем громадном мире, или тот, прозрачный, как мираж, что блуждает в лабиринтах моих романов, населяя искусственный, созданный в моём воображении мир.

Эта потребность писать стала столь велика и неотступна, что я бросил мою военную инженерную профессию, бросил Москву, родных, прежних друзей и знакомых и уехал в деревню — подмосковное Бужарово, где стал лесным объездчиком. И три года прожил в русской деревне, работая лесником среди русской природы. Наблюдал, как зелёные леса становятся золотыми. Как на прокалённую чёрную морозную землю падает первый снег, как бушуют в полях метели и над крышами изб горят стоцветные небесные светила. Как выступают из-под снега белые и голубые подснежники и в тёплом вечернем небе над кромкой леса летит тёмно-красный вальдшнеп.

Под моим началом было пять лесников, все старше меня, все умнее и многоопытнее. Все — неповторимо русские, деревенские, такие же, какими были их отцы и деды — русские крестьяне, среди которых я, городской юноша, вдруг оказался. И которые мне, городскому юноше, открыли могучую, полную трудов и горестей восхитительную русскую жизнь, ту,

которая вдруг заставляет человека восклицать: «Я — русский! Какой восторг!»

Я жил в крохотной избушке, за печкой, где умещались кровать и стол, за которым я сидел и писал мои первые рассказы и повести. С хозяйкой тётей Полей мы играли в карты, пели русские песни. Когда случались морозы, она шла в сарай, снимала с насеста замерзающих кур, приносила в избу, чтобы они не застыли, я спускал их в подпол, и ночью из подпола вдруг начинал петь петух. Сквозь сон я слышал его глухие подземные крики и понимал, как устроена земная жизнь, в центре которой, в самой сердцевине Земли, живёт и поёт петух.

Тётя Поля была моей Ариной Родионовной, которой я читал свои первые рассказы. Из вечера в вечер она рассказывала мне свою долгую жизнь, где был суровый неведомый мне муж, почившие в младенчестве дети, немецкие танки на деревенской улице, от грохота которых рассыпались кровли. О чуде Пресвятой Богородицы под Москвой, которая вдруг явилась и погнала немцев прочь от столицы. О Ново-Иерусалимском монастыре, земли вокруг которого носили имена евангельских гор, селений и рек. Здесь были Фавор, река Иордан, Геннисаретское озеро и Гефсиманский сад.

Я носился по лесам и полям на своих красных охотничьих широких, как лодки, лыжах, не задумываясь, что ношусь по местам, где ступала нога Христа. Ношусь по лесам и деревенским околицам, где лёг костьми священный парад 1941 года, с Красной площади ушедший воевать под Волоколамск и под Истру.

Однажды в лесной глуши, среди осин и берёз я наткнулся на остов немецкой штабной машины, у которой не было ни мотора, ни приборов, ни сидений, а только чёрный ржавый каркас. Из этого каркаса вырастала в небо огромная берёза. Я вдруг подумал, что вся немецкая армия — и этот «Мерседес», и танки, и пушки, и оружейный ствол, убивший моего отца, — натолкнулись на эту берёзу, и берёза подбила их всех, остановила и погнала обратно.

Я не знаю, сохранился ли по сей день остов «Мерседеса», или его источили русские мхи и лишайники, съели русские муравьи. Но сегодня, когда Запад снова грозит нашествием, я вспоминаю этот «Мерседес» и эту берёзу.

Однажды на опушке леса я встретил художницу, которая масляной краской нарисовала пейзаж. Эта художница стала моей женой. И в последующие годы, когда ещё не родились мои дети, мы странствовали с женой по Русскому Северу. Я собирал волшебные русские песни, она рисовала поморов, которые доставали из бирюзовых вод огромных, сверкающих, как зеркала, рыбин. Мы привозили в наш московский дом старомодные домотканые юбки, алые сарафаны, холщовые полотенца с малиновыми вышивками, где скакали кони, сидели на ветвях волшебные птицы и распускала ветви Берегиня — древо русского познания добра и зла.

...Я знал и мог спеть сто русских народных песен, видел столько русских монастырей и храмов, перечитал столько древнерусских грамот и летописей, я так любил жену и детей, так чувствовал русскую природу и неисповедимость русских дорог, что однажды мне явился ангел. Это было на Оке, в заливных лугах под Лопасней. Он встал передо мной из раскалённых трав, из кипящих серебряных вод — огромный, поднебесный, напоминавший столб света. Он поднял меня на руках, вознёс над миром, показал мне мир со всеми океанами, материками, островами и произнёс какое-то слово. Я не мог понять, что это за слово. Но оно было огромным, прекрасным и всеобъемлющим.

Ангел был могущественным. Но это могущество было могуществом любви и красоты. Мгновение он держал меня на руках и опустил на землю. После этого я живу как человек, увидевший ангела. Быть может, в этого ангела превратилась старая тихвинская колокольня или та берёза, пронзившая остов немецкой штабной машины. Но этот ангел рассказал мне,

что есть бесконечная благая, восхитительная жизнь, где нет бед, уродства, тьмы, а одна красота и любовь и где нет смерти.

Я пустился в странствия. Кем я только не был, чем не занимался! В геологической партии с радиометром в руках среди тувинских красных багульников я искал уран. В Хибинах среди синих полярных снегов водил караваны туристов, наблюдая вечернюю светомузыку гор. Я был поводырём слепых, был их глазами, рассказывая о красотах русских храмов и русских озёр.

Тогда же я опубликовал мои первые рассказы в провинциальных газетах. И вдруг — о чудо! — меня пригласила самая влиятельная, самая высоколобая, самая экстравагантная газета тех лет — «Литературная газета», чтобы я украсил её чопорные чёрно-белые аналитические материалы своими расписными, как палехские шкатулки, очерками о народных искусствах и промыслах. И, оказавшись в этой газете одиноким чудаком, сказителем и скоморохом, я вдруг попал на Даманский во дни кровавого советско-китайского конфликта.

Там была Уссури ещё подо льдом, где гремели могучие воды. Были далёкие рыжие сопки на китайском берегу в неопавших дубах. Были кровавые лёжки на снегу, где лежали раненые и убитые советские пограничники. Были сгоревшие бэтээры с пробоинами и красные кумачовые гробы, где лежали недвижные, с заострившимися носами убитые пограничники.

На вертолётах к ним доставили матерей, и те вбегали в палатку, где стояли гробы. Искали среди мертвецов своих сыновей, падали на них и рыдали: «Коля, Коленька, мой родный сыночек, да какой же ты стал большой! Так, что и в гробик не влазишь...», «Петя, Петенька, мальчик мой дорогой, а наша собачка Жучка пятерых щенков родила...». Они причитали, падали без чувств, солдат выливал на них из жестяной кружки ледяную воду. Они приходили в себя и снова рыдали над гробами.

И я понял, что именно так рыдали над гробами своих сыновей и мужей все русские женщины на протяжении всех неоглядных русских веков. Что русская история — это не только та, что связана с народными песнями, монастырями и сказаниями. Но русская история — вот она, здесь, сейчас, на этой приграничной заставе, залитой кровью, где всё дышит большой и ужасной войной.

И там, с Даманского, опубликовав в газете мой приграничный репортаж, я начал другую жизнь. Из мира исторических мечтаний, воспоминаний и упований, из восхитительных суждений историков и поэтов я кинулся в окружавший меня грохочущий мир советской цивилизации, могучей советской техносферы, пленявшей меня, писателя, своими фантастическими образами. Эти образы отсутствовали в современной литературе, где господствовали «деревенщики», тосковавшие по уходящей русской деревне, или городские писатели-трифонианцы, скорбевшие по разгромленной Сталиным ленинской большевистской элите. Мне хотелось описать новую реальность, используя для этого новую, создаваемую мною эстетику.

На вертолётах на Даманский доставили матерей, и те вбегали в палатку, где стояли гробы. Искали среди мертвецов своих сыновей, падали на них и рыдали. И я понял, что именно так рыдали над гробами своих сыновей и мужей все русские женщины на протяжении всех неоглядных русских веков. Что русская история — это не только та, что связана с народными песнями, монастырями и сказаниями. Но русская история — вот она, здесь, сейчас, на этой приграничной заставе, залитой кровью, где всё дышит большой и ужасной войной. И там, с Даманского, опубликовав в газете мой приграничный репортаж, я начал другую жизнь.

В Воронеже на авиационном заводе я видел, как строится первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолёт Ту-144 — белоснежный остроклювый журавль. Распахивались ворота грандиозного цеха, самолёт из сумерек выкатывал на солнце и взмывал в голубое небо.

На угольных карьерах работали громадные шагающие экскаваторы, вгрызаясь стальными фрезами в угольные пласты, кроша победитовыми зубьями хрустящий уголь. И мне казалось, что в этих сверкающих чёрных кусках шелестят первобытные папоротниковые леса, летают громадные черноглазые стрекозы.

На Мангышлаке, в городе будущего — Шевченко, я видел возводимые среди пустыни восхитительные дома и атомную станцию на берегу Каспийского моря с опреснителем, похожим на сверкающего, в блестящих доспехах рыцаря. Мы закладывали в каменистую почву взрывные шашки, микровзрывы

выламывали в камне лунки, мы насыпали в эти лунки привезённую с материка плодородную землю, сажали яблони. Я подносил трубку, из которой била опреснённая атомной станцией вода, поливал землю. Пила земля, пила яблоня, пил я, припадая губами к студёной воде.

Я видел пуски исполинских ТЭЦ, когда нажатие рубильника заставляло вращаться громадные турбины и вся степь вокруг разбегалась бриллиантовыми ночными огнями.

Я плыл по туркменскому каналу, куда из пустыни на водопой приходили верблюды. В сибирской тайге я видел строительство великих комбинатов, видел, как от Тынды на восток ложатся первые рельсы Байкало-Амурской магистрали.

Я видел, как строится моя страна, как возводятся на ней заводы и гидростанции, зарождаются новые города на Оби и целинная степь покрывается золотыми, до горизонта, хлебами, среди которых, словно красные корабли, плывут самоходные комбайны. Я чувствовал динамику страны, динамику советской жизни, её новизну и величие и слышал одряхлевшие, мёртвые, набившие оскомину слова идеологических постулатов, звучавшие с трибун съездов и в передовицах партийных газет.

Мне казалось, что для новой рождающейся технократической советской реальности нужны другие слова и образы, в ней возникают другие смыслы, и эти смыслы связаны с чем-то высоким, необъятным, манящим из будущего, с тем, что позднее назовут космическим мышлением, философией Николая Фёдорова с его «общим делом» и учением о бессмертии.

...Мирная, гражданская техносфера, которую я постигал и изображал, постепенно расширялась и превращалась в техносферу военную. Так вышло, что я был единственным советским писателем, кому удалось описать советскую атомную триаду.

На бомбардировщике Ту-16 я поднимался с аэродрома в Орше, с грузом ядерных бомб летел в сторону Германии, и на штурманских картах значилась цель, которую мы должны были поразить, — немецкий город Целле, мощный промышленный и транспортный узел.

На атомной подводной лодке я уходил из заполярной базы в Гремихе. Моряки называли Гремиху городом летающих собак, ибо зимой здесь были такие бураны, что они поднимали в воздух собак и переносили на сотни метров.

В Белоруссии под городом Лида я посещал стратегическую ракетную часть засекреченных в ту пору «Тополей» и с тяжёлой кавалькадой машин, перевозивших ракеты, двигался по ночным дорогам под звёздами, меняя дислокацию, приближаясь к той точке, откуда был возможен пуск межконтинентальной ракеты по американским городам.

В этих поездках мне хотелось описать ощущения человека, погружающегося в ракетную шахту, где пахло маслами, лаками, кислотными и сладкими запахами ракетного топлива. Я знал, что ракета — живая. Она живёт, дышит и терпеливо ждёт той минуты, когда вырвется из шахты в огромных клубах огня и полетит через океаны.

Погружаясь в подводной лодке, я вдруг начинал испытывать странную сонливость. Моряки объясняли мне, что такое бывает с непривычки у человека, помещённого в ограниченное пространство, где много металла и мало кислорода. Участвуя в военно-морских манёврах, когда с авианосца поднимались штурмовики вертикального взлёта и уходили в туман бомбить неведомые цели, я чувствовал громадное напряжение мира, который сжимался, как стальная пружина. От этого сжатия хрустели континенты, трепетали народы, и мир, затаив дыхание, ждал, когда с чудовищным свистом начнёт распрямляться эта пружина.

Государство открывало мне свои глубинные и потаённые сферы. Мне удавалось увидеть то, что не могли видеть другие, побывать там, где не бывал советский писатель. Злые языки говорили, что я разведчик, что выполняю задания ГРУ, что мои материалы в «Литературной газете» есть утончённая форма милитаристской пропаганды. Я никогда не был в партии. И моего имени вы не найдёте в картотеках ГРУ или КГБ. Государство видело во мне государственника и открывало мне свои катакомбы. И я благодарен моему государству. Ни разу во вред ему не воспользовался добытыми мною знаниями. Это были знания художника, умевшего описать воздушный бой реактивных самолётов или ночную тревогу на военном аэродроме, когда в сумерках к самолётам бежали экипажи и в бомбовом отсеке при свете фонарей подвешивали ядерные заряды.

Я был государственником, воспевавшим силу русского оружия, за что недоброжелатели прозвали меня «соловьём Генерального штаба».

Это были не экскурсии, не развлечения, это были рабочие поездки писателя. Я врывался в неведомую мне сферу иногда со сверхзву-

ковой скоростью, пронзал первый, труднопроницаемый, слой явлений, погружался в их глубину, в их гущу, осваивал их, искал в их хаосе, в их турбулентном движении порядок, метафору, искал героев моей будущей книги.

Я писал мои книги. Как пахарь идёт вслед за конём, вспарывая плугом плотную землю, извлекая из неё клубни и коренья, так я извлекал из жизни мои книги. Эти книги отмечают мой путь, они — верстовые столбы моей жизни, совпадающей с жизнью страны и народа. Позднее, когда ко мне приходило понимание высших смыслов, эти книги отмечали мой путь в мироздании.

Я жил в истории. Я жил в историческом времени. Я сам был историческим временем, был историей. История убегала вперёд, неудержимо мчалась, ускользала от меня, я стремился её нагнать, я расставлял ей ловушки. Мои романы — это ловушки, куда залетала пойманная мной история. А потом вырывалась из этих ловушек и мчалась дальше, пока не попадала в новую расставленную мною западню.

Я был охотник за историей, или, быть может, история охотилась за мной. И было неясно, кто — дичь, а кто — охотник.

Однажды передо мной явилась боевая колесница. Это была та двуколка, на которой стоял Ахилл, управляя бешеными лошадьми, проносившими его под стенами Трои. Я ступил на неё и стал «певцом боевых колесниц». И начались мои войны, скитание по войнам, охота за войнами.

Возвращаясь из Донбасса, двигаясь по раздавленным колеям там, где случился Иловайский котёл и в полях всё ещё темнели груды сожжённых украинских самоходок, я решил подсчитать, сколько войн довелось мне повидать, сквозь какие горящие сады и падающие города было дано промчаться.

Этих войн было 16 или 17. И первая из них — те бои на Даманском, когда на талом снегу лежал убитый китаец, с его простреленной головы упала меховая собачья шапка, и из собачьего меха смотрела на меня красная звезда. Это был ошеломляющий опыт: на Даманском я видел, как одна красная звезда стреляет в другую.

И вторая схватка — у озера Жаланашколь, на границе Казахстана, у Джунгарских ворот. Я сидел на склоне одинокой каменной сопки, где недавно шёл бой. По другую сторону сопки два дня на солнце лежали китайцы, пробитые пулемётами. Они страшно распухли, превратились в великанов. Казалось, эти великаны шевелятся: они были покрыты большими зелёными мухами. Из степи на трупы слетелись вороны, били клювами мёртвую плоть. И мухи тёмным роем, снявшись с мертвецов, перемахнули кромку горы и облепили меня. Мне было страшно смахнуть их с лица, страш-

но раздавить, ибо в каждой была капелька трупного яда.

Афганистан. В моём платяном шкафу среди стареньких вещей всё ещё хранится панама, выгоревшая на афганском солнце.

Я попал в Афганистан в первые дни после ввода войск, когда в коридорах дворца Амина всё ещё плавал дым от недавнего штурма, на лестницах валялись кровавые бинты и кольца гранат, на полу президентской спальни лежал огромный замусоленный бюстгальтер, а резная золочёная стойка бара была рассечена автоматной очередью, той, что убила Амина.

За годы афганской войны много раз мой самолёт, перелетая заснеженные горы, приземлялся в кабульском аэропорту, и военная машина уносила меня в районы боевых действий.

В ущелье Саланг, по которому из Союза шли колонны наливников, тянулись боеприпасы, снаряды и бомбы, моджахеды спускались с гор, устраивали засады, и горящие наливники падали на дно ущелья, шипели и гасли, омываемые горной рекой.

В пустыне Регистан у пакистанской границы с красными марсианскими песками я уходил с группами спецназа — охотниками за караванами. Бежал, задыхаясь, из-под винтов вертолёта вслед за автоматчиками к верблюжьему каравану, где стояли худые, коричневые от солнца погонщики. На горбах верблюдов висели полосатые сумки с поклажей, и солдаты вонзали в них шомпола в поисках оружия и боеприпасов.

Я видел, как истреблялась Муса-Кала — гнездовье муллы Насима — и белые мечети, золотистые дувалы, цветущие сады и поля сносились огнём артиллерии, ударами вертолётов, пикирующими штурмовиками. Потом, когда вместо цветущего кишлака потянулось огромное вялое облако копоти, из этой копоти бежали собаки с перебитыми лапами и обожжённой шерстью. В Герате, среди лазурных изразцовых мечетей, я продвигался с колонной бронетехники в мятежный район Деванча, и фугасы рвали катки боевых машин разминирования, а БМП, разведя пулемёты и пушки «ёлочкой», продвигались по узкой улочке, поливая стены огнём.

Их было множество, этих поездок в Афганистан. Было множество прекрасных отважных людей — солдат, офицеров, генералов, командующих 40-й армией, которые сражались в предгорьях Гиндукуша за интересы Красной империи. 40-я армия была великая и трагическая. Она была оболгана и оклеветана либеральными политиками, пришедшими к власти вслед за Горбачёвым и Ельциным.

Я покидал Афганистан с танковым полком. Я ухнул внутрь танка, после нескольких бессонных ночей проспал всю дорогу, пока полк на высоких скоростях мчался по бетонке от Герата до Кушки, и очнулся, когда мы перешли границу. Там, на советской территории, нас не встречал президент. Нас встречали туркмены с арбузами. Арбузы раскатали по столам, рубили на куски штык-ножами. И солдаты, изнурённые походом, жадно ели сладкую мякоть. Я запомнил худые, обгорелые на солнце солдатские лица и красную сочную мякоть, в которую впивались белые солдатские зубы.

В Никарагуа вместе с отрядами сандинистов я продвигался мимо вулкана Сан-Кристобаль, изумрудно-зелёного, с перламутровым облачком на вершине кратера, мимо маленького посёлка Синко-Пинос, затерянного в сосняках, к приграничному городку Сан-Педро-дель-Норте. За посёлком у ручья начинался Гондурас, оттуда в Никарагуа вторгались отряды контрас и шли непрерывные стычки, схватки на дорогах. Отряды сандинистов с тяжёлыми тюками на спинах, где находились оружие и взрывчатка, переходили границу, углублялись в Гондурас, проходя по болотам к Сальвадору, где на вулкане Сан-Сальвадор сражались повстанцы Фронта Фарабундо Марти. На границе

шли бои, и убитого гондурасца привязали за ноги к лошади, волокли по улицам Сан-Педро-дель-Норте, а вдовы сыпали на мертвеца ворохи печной золы и плевали.

На старом «Дугласе» я улетал из Манагуа на Атлантическое побережье, где сандинисты сражались с мятежными индейцами мискитос. И на берегу Рио-Коко в городке Вастан, безлюдном, откуда убежали все жители, я слышал, как в ночи по улицам топочет табун осиротевших, лишившихся хозяев лошадей. Их ржанье и топот влетали в открытые окна казармы. Сандинисты жгли в казармах костры, изгоняя ядовитых комаров, задыхались в дыму и кашляли. Кашель солдат, ржание лошадей и одинокий выстрел в ночи — всё это помню по сей день в заснеженной зимней России.

В Кампучии вьетнамские солдаты подсаживали меня на трофейный американский транспортёр, захваченный под Сайгоном. На броне транспортёра всё ещё виднелась белая звезда — эмблема американской армии, которую не сумели соскоблить вьетнамцы. Мы двигались в джунглях, и я подружился с вьетнамцем, который воевал тридцать лет: сначала с французами, потом с американцами, а теперь и с красными кхмерами. Мы пили жидкий чай у дороги, у которой высился алебастровый, посечённый осколками слон с отрубленным хоботом.

В Анголе вместе с советскими офицерами я посещал ангольские бригады, которые сражались с южноафриканским батальоном «Буффало». Ангольцы пригласили меня на свою праздничную демонстрацию в центре Луанды. По площади прокатилась процессия грузовиков с фанерными космическими кораблями, деревянными плотинами электростанций, бутафорскими домнами и самоходными комбайнами. С трибун за парадом наблюдали президент и его окружение, все в камуфляже, строгие, грозные — руководители воюющей страны.

Вечером на праздничный приём на берегу ночной лагуны в сверкании прожекторов явились те, кого я видел днём на трибунах. Мужчины были в смокингах, с галстуками-бабочками, а их жёны усыпаны бриллиантами. И я, нахватавшись виски, единственный белый, пригласил на танец жену какого-то министра. Мы танцевали с ней вдвоём среди молчаливых нелюбезных гостей, и я видел, как на чёрной замшевой шее женщины сверкает бриллиант.

В подземном партизанском городе на границе с Намибией вместе с намибийским вождём Сэмом Нуйомой мы пели песню «Этот День Победы порохом пропах». Я видел, как в подземном госпитале лечат раны вернувшимся из партизанского рейда бойцам, как на учебной площадке готовят диверсантов, подрывающих железнодорожные пути и высоковольтные вышки. А в оружейной мастерской, где чинилось и ремонтировалось изношенное в боях оружие, я видел автомат Калашникова: его берёзовый приклад и цевьё истлели, и их одевали в драгоценное африканское дерево — чёрное и красное.

Начальник штаба — огромный бородатый намибиец Питер Наниемба, похожий на чернокожего Льва Толстого, — подарил мне трофейный нож, снятый с убитого солдата из батальона «Буффало».

В Мозамбик летели из ЮАР маленькие самолёты с диверсантами и взрывчаткой. Они садились на аэродромы подскока. Эти аэродромы минировали кубинцы. Самолёты приземлялись и тут же взрывались.

Я плыл на военном катере по Лимпопо — ленивой жёлтой реке. На берегу шли бои и горели тростниковые хижины. На воронёный ствол пулемёта присела разноцветная птица. Я вдруг подумал, что это душа моего отца, прилетевшая из сталинградской степи проведать сына, плывущего по Лимпопо к океану.

В Эфиопии, где шли жестокие бои в Эритрее, я посещал лагеря беженцев. На бестравной горячей земле под огненным солнцем за изгородью из колючей проволоки толпились люди. Худые, похожие на скелеты, в грязных набедренных тряпках. Женщины с пустыми грудями, у которых на руках умирали голодные младенцы. Я вошёл в эту толпу, смотрел на множество страдающих тоскливых глаз, и с этих больных коричневых тел прыгали на меня блохи, впивались в мою сытую, сильную плоть, и я чувствовал, как блохи жалят меня.

А за оградой лагеря лежали груды камней, над которыми стеклянно трепетал воздух. Под этими камнями лежали мертвецы и медленно испарялись на солнце.

...На Средиземном море я ходил на кораблях Пятой эскадры, которой командовал замечательный морской офицер, контр-адмирал Валентин Селиванов. В эту эскадру сходились корабли Черноморского, Балтийского, Северного флотов, а иногда и доплывали корабли Тихоокеанского флота. Корабли складывались в эскадру, которая противодействовала Шестому американскому флоту.

Туманилась стальная гора американского авианосца «Саратога», за ней на катере двигались наши разведчики и совком вычерпывали из моря упавший с авианосца сор — нечистоты, бумажный хлам, где могла таиться бесценная информация о жизни экипажа, именах офицеров, их адресах в Американских Штатах.

Крохотный кораблик, замаскированный под рыбацкую шхуну, был насыщен электроникой и локаторами. Он следил за тем, как из Израиля поднимались еврейские бомбардировщики «Кфир», шли на бреющем полёте над морем в сторону Ливана, где в долине Бекаа шли бои израильтян и ливанцев. Советские зенитно-ракетные полки, стоявшие в долине Бекаа, ждали приближения самолётов. Кораблик с моря засекал их полёты, выдавал координаты зенитчикам ракетных полков, и когда израильские самолёты взмывали и готовились нанести бомбовый удар, они напарывались на ракеты. Эти локальные войны, как язвы, горели на всех континентах. Они множились, загорались и гасли, и в них таилась угроза гигантской войны, готовой угробить мир. Я чувствовал этот тугой, протянутый над континентами канат, на котором танцевало и балансировало человечество, готовое сорваться, упасть и разбиться.

Мои романы были свидетельствами этих малоизвестных войн. В них я укрощал и гасил эти войны. Так гасят о живое тело папиросы.

Я был всегда с моим государством — в часы его триумфов и поражений. На космодроме Байконур я видел, как высилась в небо гигантская белоснежная колонна — ракета «Энергия», и к ней прилепился челнок «Буран», похожий на бабочку бражника. Как ринулась вверх эта громада, сотрясая землю реактивной струёй огня. Бабочка облетела земной шар, совершила в космосе волшебный кувырок, как это делают восхищённые своим полётом голуби. Челнок опустился на землю, и конструкторов, создавших эту дивную ракету и восхитительный космический корабль, подбрасывали на руках. А я подходил к «Бурану» и касался рукой белой термоизоляции, которая была ещё тёплой, нагретой от соприкосновения с космосом. Я вдыхал запах, который источал «Буран», и это был запах космоса.

На ядерном полигоне в Семипалатинске я видел, как взрывается термоядерный заряд. Гора, куда был заряд помещён, вдруг дрогнула, поднялась на дыбы, а потом осела, опустилась, словно ей перебили поджилки, и над горой затуманился рыжий горячий воздух. Этот удар пролетел по земной поверхности и шарахнул меня по ногам, будто ударили по ним стальным двутавром. Толчок облетел землю, и меня снова качнуло.

Когда взорвался четвёртый блок в Чернобыле, я был там, на месте аварии. Вместе с шахтёрами Донбасса, которые пробивали штольню под четвёртый блок, оседавший, готовый прожечь своим раскалённым ядовитым углём бетонную пяту, я уходил в штольню и касался руками этой пяты, и мне казалось, что я, как кариатиды, удерживаю чудовищный огненный столп.

На вертолёте я поднимался над четвёртым взорванным блоком и сверху заглядывал в ядовитое гнилое дупло, из которого сочились дымные яды. Там, на этом вертолёте, я получил двойную дозу радиации. А когда дезактивировали соседний третий блок, на который свалилась груда радиоактивных обломков урана и графита, я вместе с отрядами химзащиты мчался по этому залу с веником, в жестяной совок стряхивал ядовитые частицы и стремился назад, выбрасывая их в контейнер для мусора. Я пережил такое напряжение, что бахилы мои хлюпали от пота.

Я писал об этом очерки и романы и казался себе колоколом на башне вечевой, гремящим во дни торжеств и бед народных.

Главная беда, свалившаяся на моё государство, на мой народ и на меня лично, — это перестройка, фантастическое явление, когда государство превратилось в скорпиона, жаля-

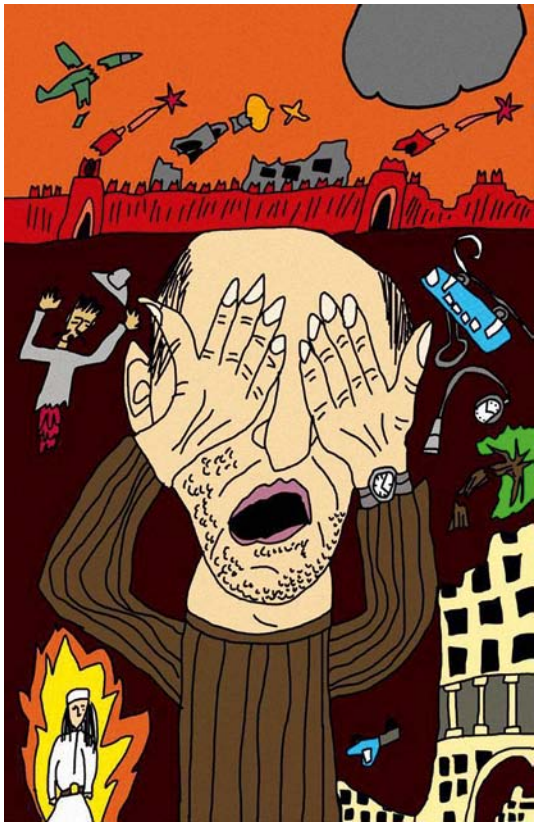
Главная беда, свалившаяся на моё государство, на мой народ и на меня лично, — это перестройка, фантастическое явление, когда государство превратилось в скорпиона, жалящего себя. Крушилось всё, что добывалось страной в величайших трудах и победах. Рушилась громада советской цивилизации. Уничтожались имена и святыни. Громились репутации. Падали памятники. Уничтожалась великая армия. Закрывались фантастические заводы. Этот ужас был ужасом русской истории, в которой погибали одна за другой империи и царства. Я дорожу этим ужасом. Ибо я был художник, который видел гибель красной галактики.

щего себя. Крушилось всё, что добывалось страной в величайших трудах и победах. Рушилась громада советской цивилизации. Уничтожались имена и святыни. Громились репутации. Падали памятники. Уничтожалась великая армия. Закрывались фантастические заводы. Американские гильотины рубили ещё действующие советские подводные лодки. Враги государства сидели в Кремле, в министерствах, в штабах, на телевидении, в книжных издательствах. На меня сыпался этот чудовищный камнепад. И я видел, как мой народ побивается камнями перестройки.

Я был известным в ту пору журналистом и писателем, лауреатом множества премий, и Александр Яковлев, таинственный демон перестройки, пригласил меня в свой кабинет на Старой площади, предложил сотрудничество. Я помню его мясистое тело, дряблый живот под жилеткой, курносый нос и толстые губы, подстаканник со стаканом чая, которым он меня угощал. Провожая, он приобнял меня у дверей и сказал, что впереди нас ждёт большая работа. Через несколько дней я опубликовал в «Литературной России» мою статью «Трагедия централизма», где предсказывал скорый крах Советского Союза, чудовищные разрушения и беды и истолковывал перестройку как гигантскую стенобитную машину, дробящую камни русской истории.

Эта статья, которую обсуждали в литературных и политических кругах, изменила мою судьбу. Из писателя-романиста я превратился в политика. Эта статья сделала меня врагом перестройки, обрушила на меня ненависть и гнев либералов, которые чернили меня за мои афганские походы, называли русским фашистом так же, как они называли Белова, Распутина и Бондарева. Я вошёл в круг тех политиков, которые потом составили ГКЧП. Я написал меморандум «Слово к народу», который подписали самые известные в ту пору писатели, политики, академики. Это был призыв сопротивляться и не отдавать в руки врагов государство, сражаться за него, отвергнуть предателя Горбачёва.

Я был близок с членами ГКЧП, знал их всех, с некоторыми дружил. Теперь, задним числом, я удивляюсь, почему они меня, писателя, не включили в состав своего комитета. Мне кажется, они недооценивали слово художника и писателя. Они недооценивали и многое другое. Они, все почтенные, добрые люди, были уходящей натурой. От них отвернулась русская история, они были как киты, выброшенные



на отмель, и как киты умирали на этой отмели. Крах ГКЧП — это гибель красных китов. Океан русской истории отхлынул от них, и океанские течения двинулись в другом направлении.

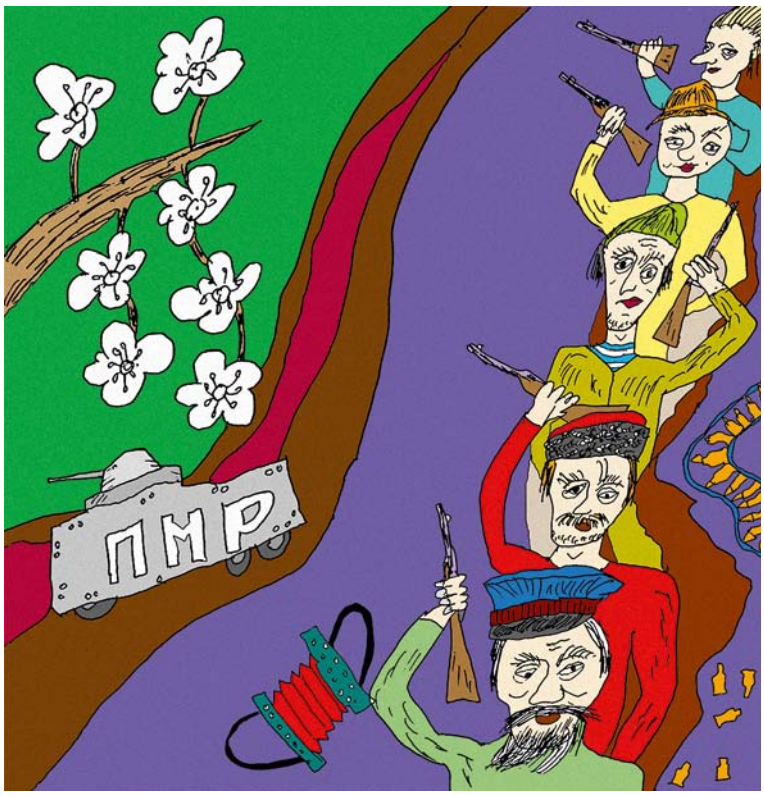
В ту страшную августовскую ночь 1991 года, когда войска Дмитрия Язова покинули Москву и Москва оказалась пустой, в ней неистовствовали толпы демократов, руша памятники, я испытал небывалый, реликтовый ужас — такой, какой не испытывал никогда во время моих военных походов. Это был ужас остановленной русской истории, её разорванного световода. Это был конец красной эры, одной из тех, что, сменяя друг друга, движутся по таинственной синусоиде русских времён.

Быть может, подобный страх чувствовали древние русские князья, когда в Киев врывалась татарская конница и кончалась Киевская Русь. Или русские воеводы, когда пал Годунов и завершалось Русское царство и на русских просторах бушевала Смута. Или царские офицеры, когда пала романовская монархия и их ушей достигла весть о расстреле царя в Ипатьевском доме. Этот ужас был ужасом русской истории, в которой погибали одна за другой империи и царства. Я дорожу этим ужасом. Ибо я был художник, который видел гибель красной галактики. И об этом был мой роман «Гибель красных богов».

Тогда же, в 1991-м, накануне ГКЧП, я создал газету «День». Эту газету Александр Яковлев назвал штабом ГКЧП, а меня — идеологом ГКЧП. После краха ГКЧП многие советские газеты и издания сменили своё лицо, отказались от всего советского, стали рупором победивших демократов. Газета «Правда», к своему великому позору, сбросила со своей первой полосы ордена, вручённые за её мирные и военные подвиги. Мы же, газета «День», встали во главе национального сопротивления.

Мы сформулировали идеологию союза красных и белых — союза тех, кто потерпел поражение в 1917 году, и тех, кто проиграл в 1991-м. Мы стремились соединить две эти исторические силы, слить два исторических русских потока, которые иссякли в результате двух либеральных революций — февраля 1917-го и августа 1991-го.

Какой широчайший диапазон был у газеты «День»! У нас печатались монархисты, священники, ревнители Белой гвардии, красные радикалы, экзистенциальные бунтари, интеллектуалы-консерваторы. Газета «День» напоминала громадную клумбу, где произрастало множество экзотических цветов. Но из этих цветов нельзя было собирать свадебные букеты. Это были цветы с шипами, с огненными лепестками, стреляющими пестиками и тычинками.



Мы поддерживали восставшее Приднестровье, и наша газета была перевалочным пунктом, через который добровольцы отправлялись в Тирасполь. Мой кабинет превратился в громадную аптеку, куда люди приносили воюющим в Приднестровье медикаменты, бинты, шприцы. И я отправился в Приднестровье вместе с большой группой русских патриотических писателей. С нами был удивительный человек — русский патриот академик Игорь Шафаревич.

Писатели прятались в окопы, когда нас обстреливал румынский снайпер. Залезали на броню чудовищных самодельных броневиков, склёпанных из листовой стали. Мы шли через Днестр по плотине Дубоссарской ГЭС вместе с академиком Шафаревичем к другому берегу, где, возможно, засели враждебные снайперы. Я до сих пор вспоминаю тонкую длинную фигуру академика, который переставлял ноги, как журавль, двигаясь между двух воюющих берегов.

Газета «День» была не просто газетой. «День» был организатором огромного народного сопротивления. Мы участвовали в демонстрациях, вставали под дубины закованных в сталь военных, и я помню, как ударил ногой в щит теснившего меня солдата. Гулкий звук этого удара по сей день стоит в моих ушах.

Газета «День» способствовала созданию Фронта национального спасения, куда входили политики самых разных мастей. Там были Геннадий Зюганов и генерал Альберт Макашов, молодые отважные депутаты Бабурин, Константинов и Павлов. Фронт национального спасения стал силой, которая овладела умами парламентариев, и к октябрю 1993 года Верховный совет, возглавляемый Хасбулатовым, был наш, бело-красный. И восстание 1993 года вдохновляла газета «День» — газета, погибшая под танковыми пушками Ельцина, сгоревшая во время пожара Дома Советов.

Помню ту страшную ночь в Останкино, когда горело здание телецентра и грузовик с восставшими таранил закрытые двери. Толпы народа требовали, чтобы власть предоставила восставшим телеэфир. Тогда из тьмы вдруг полыхнули прожекторы, и крупнокалиберные пулемёты ударили по живой толпе. Люди стали валиться, как трава. Помню, как страшно чмокнула пуля в живое тело. Мимо меня промчался сумасшедший БТР с обезумевшим механиком-водителем, выглядывающим из люка. Молодой демонстрант кинул в БТР бутылку с горючей смесью.

Восстание было кроваво подавлено. Пошли аресты, а мы, редколлегия газеты «День», бежали в леса и там, среди осенних деревьев, пили водку, пели, молились, плакали. А потом вернулись в Москву, где ещё сохранялось военное положение, и решили вместо закрытой газеты «День» основать новую газету. И дали ей имя «Завтра».

Оппозиция была разгромлена танками Ельцина. Вместе с газетой «День» она сгорела в страшном пожаре в центре Москвы, где погиб Верховный совет, погибли баррикадники, погибло, не успев родиться, то, что звалось российской демократией. Россия омертвела. Мёртвая, она лежала на дне своей истории, она истлевала. Как из туши мёртвого кита, прогрызая тухлую кожу, вылупляется множество жучков, личинок, ядовитых сороконожек, вёртких разноцветных букашек, радужных скользких червей, так из мёртвой России вылуплялось огромное количество странных химерических существ, подобие которых можно отыскать на полотнах Босха. В русской политике, искусстве, шоу-бизнесе, педагогике, экономике появлялись странные долгоносики, человекорыбы, звероящеры, женщины с десятью грудями, мужчины о трёх головах. Их внутренние органы висели на них снаружи. И крикливые депутаты, обольстительные телеведущие, новые собственники нефтяных полей и алмазных приисков казались загадочными уродами, чьи мочевые пузыри, желудки и почки висели поверх их костюмов и платьев. И все они были подёрнуты разноцветной плёнкой гниения.

Это был мир призраков и миражей, людей, что не отбрасывали тени, и теней, которые отбрасывали от себя людей. Этот призрачный мир с химерическими героями наполнял мои романы. В них из книги в книгу тянулось иногда тихое, иногда жуткое безумие — то безумие, которое переживала Россия.

Березовский старался меня обольстить и приблизить к себе. Наймиты Гусинского били меня кастетом в висок. Газету «Завтра» судили, старались закрыть. Я изнывал от бесконечных судебных процессов. Но мы продолжали сражаться, выкликая другие времена, которые казались неправдоподобно далёкими.

Несколько раз я ездил в воюющую Югославию. В Боснии Радован Караджич, молодой и страстный, читал мне свои великолепные стихи. Я помню старую утомлённую пушку, которая устало ухала, посылая свои снаряды в Сараево, и сербские артиллеристы предлагали мне дёрнуть верёвку, чтобы и я произвёл выстрел.

Я был в Грозном, когда ещё шли бои за Сунжей. С группой автоматчиков мы пробирались среди иссечённых осколками деревьев, под которыми лежали убитые. Дворец Дудаева казался гигантской рыхлой, пробитой снарядами вафлей, из которой сочился дым. На разрушенной кровле дворца трепетал, пробитый снарядами и пулями, обгорелый российский триколор, установленный нашими морпехами. И тогда, в Грозном, глядя на этот трёхцветный флаг, я примирился с ним. Поклонник Красного победного знамени, я больше не испытывал отвращения к триколору.

С генералом Ратко Младичем мы стояли на обочине дороги, по которой шли грузовики с добровольцами. И сербы, набившиеся в кузов, увидев своего командира, победно воздевали руки.

Я был в Белграде весной, когда весь город цвёл белоснежными садами вишен. И среди этих белых садов чернели взрывы американских крылатых ракет. Вместе с жителями Белграда я стоял на мосту через реку Саву, образуя живой щит, не давая американцам разрушить мост. Мы пели чудесную сербскую песню «Тамо далеко», а над нами летели ракеты, и среди белых садов расцветали их чёрные взрывы.

Я был на первой чеченской войне. Министр обороны Грачёв любил мои книги, мои афганские романы стояли на его книжной полке. И он, невзирая на то, что я был яростным антиельцинистом, отправил меня на войну, веря, что я не использую свой военный опыт против России, изнывавшей в невзгодах.

Я был в Грозном, когда ещё шли бои за Сунжей. С группой автоматчиков мы пробирались среди иссечённых осколками деревьев, под которыми лежали убитые. Дворец Дудаева казался гигантской рыхлой, пробитой снарядами вафлей, из которой сочился дым. На разрушенной кровле дворца трепетал, пробитый снарядами и пулями, обгорелый российский триколор, установленный нашими морпехами. И тогда, в Грозном, глядя на этот трёхцветный флаг, я примирился с ним. Поклонник Красного победного знамени, я больше не испытывал отвращения к триколору.

Это была тяжёлая, уродливая война, когда остатки российской армии, собранной с миру по нитке, гибли под чеченскими гранатомётами. Кругом роились трусы и предатели. В лицо наступающим армейцам летели чеченские пули, а в спину били кинескопы продажного русофобского телевидения. И среди этой жуткой, тёмной войны появилась светоносная лучистая икона русского солдата Евгения Родионова, который принял мученическую смерть, но не предал ни армию, ни Христа, ни Россию.

Я был на второй чеченской. Генерал Трошев посадил меня в вертолёт, и мы летели над Сунжей, по которой ещё плыли льды. А по берегу длинной бахромой тянулся мусор: тряпьё, поломанные повозки, остатки джипов. Казалось, что здесь проехал огромный мусоровоз и вывалил хлам. То были остатки колонны Шамиля Басаева, уходившего из Грозного и попавшего на минные поля и под кинжальный огонь русских пулемётов.

Тогда, после победы во второй чеченской войне, Россия оттолкнулась ото дна своей истории и стала медленно всплывать к свету.

Впервые я увидел Путина в Кремле, в кремлёвской библиотеке, куда был приглашён вместе с моим коллегой — замечательным редактором «Советской России» Валентином Васильевичем Чикиным. Мы задавали Путину вопросы, теперь уже не помню какие, но помню, что ответы Путина показались мне необычными, и сам он был так не похож на прежних кремлёвских головастиков и короедов.

После этой встречи у меня появилось ощущение, что к власти в России пришёл человек, способный за волосы вытащить её из болота. Это были годы медленного русского восхождения. Россия, после 1991 года упавшая в чёрную яму истории, начинала медленно всплывать, создавая своё новое государство — пятую империю русских.

Я жадно наблюдал признаки этого русского возрождения. Я без устали ездил по оборонным заводам и видел, как на них строятся новые русские самолёты, русские танки, русские подводные лодки. Россия обретала армию, обретала оборонную промышленность, обретала новых политиков.

В моих новых романах «Господин Гексоген», «Виртуоз», «Алюминиевое лицо», «Русский» я пытался нащупать новый образ российской власти. Различить среди призраков и миражей подлинных правителей и стратегов. Я постигал путинский план алтарей и оборонных заводов, когда возрождённые конвейеры создавали оружие, защищавшее земные границы России, а множество возведённых алтарей, у которых денно и нощно молились монахи, развешивали над Россией непроницаемый для зла духовный покров.

Возвращение Крыма было русским чудом, было даром Господним, было авансом, который Господь дал русским людям, чтобы они отработали этот аванс на заводах и пажитях русской истории.

Я был в Георгиевском зале Кремля, когда Путин произносил свою знаменитую Крымскую речь. Я видел, как он волновался, как ходило его лицо. Я выступал на митинге на Красной площади, где мы славили возвращение Крыма. И Путин, завершив своё выступление, направляясь к машине, увидел меня, подошёл и обнял.

Новая Россия мучительно, в противоречиях и срывах вставала, окружённая невзгодами. Но в её идеологии уже присутствовала Победа 1945 года. По Красной площади на парадах уже проносили Красное знамя Победы, служившее государственным символом новой России. И знамя Победы, внесённое Путиным в российскую идеологию, стало выстраивать и создавать эту идеологию, наполнять её возвышенными смыслами русской истории.

С моими друзьями и единомышленниками мы создали Изборский клуб, куда входили экономисты, философы, политики, писатели, религиозные деятели, стремившиеся создать идеологию новой России.

Этот клуб зачинали владыка Тихон Шевкунов, экономист Сергей Глазьев, нобелевский лауреат Жорес Алфёров и множество блистательных русских умов. Мы выпускали наш журнал с уникальными статьями, посвящёнными строительству нового государства Российского. Здесь, в Изборском клубе, рождалось новое изборское мировоззрение. Согласно этому мировоззрению, русская история, русское время были не просто движением событий и исторических фактов, а движением возвышенных русских смыслов, которые открывались нам в наших изборских прозрениях.

«Симфония пятой империи», «Вероучение Русской Мечты», «Россия — ковчег спасения», «Победные коды русской истории», «Религия справедливости» — все они рождались в недрах изборского миросознания.

Мы, изборцы, знали, что Крым вернётся в Россию. Знали, что будет восстание в Донбассе. Знали, что рассечённый, разделённый русский народ начнёт своё воссоединение.

Знали, что отторгнутые, расхищенные русские территории будут возвращаться. Знали, что Запад, захвативший в свои драконьи лапы Россию, будет потеснён и отброшен, и Россия вступит в свою вековечную священную борьбу с Западом, где американский «град на холме», символ американской мечты, сражается с «храмом на Холме» — символом Русской Мечты.

Сегодня американская крепость сражается с русским храмом. И Донбасс положил начало новому, Донбасскому, периоду русской истории.

Я был в Донбассе во время Иловайского и Дебальцевского котлов. Теперь мне не под силу взлетать на броню транспортёра, не под силу бежать из-под винтов вертолёта. Я не попал на эту войну, но своими стихами, статьями и книгами я штурмую высотки, участвую в контрбатарейной борьбе, сбиваю вражеские дроны, поднимаюсь в атаку с бойцами «Вагнера», сажусь в боевую машину десантников.

Я — в воюющем Донбассе. И в день моего 85-летия я поднимаю тост за Донбасс, за русских солдат, за русскую историю — грозную, божественную, ужасную и неповторимо прекрасную историю, которая меня ещё молодым человеком посадила в свой чёлн и несёт по бурным волнам.

Верую в поток бесконечной русской истории.

Меня влекла от отчего порога
Небесных сфер поющая труба,
Изрезанная танками дорога,
Начертанная пулями судьба.
Вы спросите меня — чей я разведчик,
Кто отправлял меня в секретную разведку?
Ему молился средь церковных свечек.
Он мне прислал сиреневую ветку.
Вы спросите меня — чей я лазутчик,
Чьё выполнял опасное заданье?
Я не отвечу. Полюбуйтесь лучше,
Как полыхают звёзды в мирозданье.
Вы спросите меня, какой монетой
Мне заплатили за мои поступки?
Мне заплатили голубой планетой,
Вручили мир, таинственный и хрупкий.
В мой долгий путь послал меня Творец,
Берёг от пуль и подавал напиться,
Чтоб, жизнь прожив, вернуться во дворец,
Зажав в ладонь добытые крупицы.
Господь рассмотрит крошки на ладони,
Моей разведки подведёт итоги.
Иль равнодушно с глаз Своих прогонит,
Или возьмёт меня в Свои чертоги.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Изборское сознание

Драгоценный изборский кристалл будет наращивать свои самоцветные грани

Война порождает множество мнений, которые средствами массовой информации вбрасываются в наше изнурённое мышление. Ушли из Херсона, взяли Соледар. Отстранили Лапина, возвысили Суровикина. Возвеличили Пригожина, умалили Герасимова. «Калибры» уничтожают украинскую энергосистему, «Хаймерсы» рвут на части предместья Брянска. Урганта клеймят за его антирусские взгляды, Песков называет его патриотом. Мобилизация прошла успешно и завершилась, но молодых мужчин отлавливают по ресторанам и барам. И всё это множится, мешается, бурлит, порождает домыслы, слухи. Все говорят о наступлении и ждут переговоров. Призрак новых Минских соглашений, мираж Гаагского трибунала. Пугают, науськивают, ужасаются, анализируют, пророчествуют, впадают в уныние, в истерику, обожают, ненавидят.

И вся эта реальность, от поля боя и военных конвейеров до драк в самолётах и скандалов в Дубае, — всё это обрушивается на головы обывателя, путает, порождает безумие.

Под этим верхним, доступным для обозрения слоем существует подполье, область сумеречных теней, в которых ведутся тайные переговоры, встречаются разведчики, олигархи, делятся территории, производственные мощности, решаются судьбы арестованных русских миллиардов, нет-нет, да и мелькнёт яхта Абрамовича, жилетка Фридмана, как бешеный всадник, пролетит на деревянной лошадке Сергей Марков.

Из этой сумеречной тьмы на поверхность тянутся нити и рычаги, они приводят в движение воюющие армии, ускоряют поставки вооружений, множат санкционные списки, венчают славой погибших и позором убежавших из России.

Однако выше, над видимым слоем явлений, существует вертикаль, уводящая нас в высоту, в пространство смыслов, где в разрежённом эфире небесных сфер происходит столкновение таинственных кодов, загадочных категорий, неопознанных духовных тел. И их борьба, их столкновение, схватка этих смыслов определяют видимый ландшафт земных явлений. Если постигнуть и узреть эту небесную борьбу, то можно понять весь хаос земных явлений, где плавится и горит броня, наступают и отступают батальоны, издаются президентские указы, подписываются наградные листы, и где-то в глухой бурятской деревне рыдает мать, получив похоронку.

Постижение этих высших смыслов является огромной мировоззренческой задачей для воюющих сторон, определяет стратегию земной борьбы, даёт мотивацию войскам и народам, создаёт репутацию лидерам, объясняет явления, которые кажутся абсурдными.

Изборское сознание — это сознание мыслителей, овладевших высшими смыслами. Десять лет существует Изборский клуб — собрание патриотических интеллектуалов самых разных направлений: монархистов и коммунистов, богословов и атеистов, православных и мусульман. Мы собрались десять лет назад, чтобы на идеологическом бесплодии России взрастить новую идеологию государства Российского. И за эти десять лет напряжённого творчества, проведя сотни исследований, издав множество книг и журналов, мы сложили целую систему взглядов.

Они выявляют законы русской неизбежности и судьбы, присутствие в русском времени неизменных вековечных начал, которые перемещают государство Российское по таинственной синусоиде, то вознося его к ослепительной красоте, могуществу, то опрокидывая в чёрные провалы истории.

«Симфония Пятой империи» — изборский труд, поясняющий неизбежность имперских форм существования государства Российского. Это рассказ о четырёх великих русских империях, которые возникали и падали, до появления пятой — сегодняшней Русской империи, возникающей из чёрного провала, обречённой на возвышение и Победу.

«Вероучение Русской Мечты» объясняет глубинный идеал, живущий в русском народе от языческих времён до красной сталинской эры. Идеал о могучем, цветущем, благом государстве, где господствует справедливость не только социальная, но и божественная, где торжествует гармония в отношениях человека к человеку, человека и государства, мира людей и мира природы, вселенской звезды и земного цветка.

«Идеология Русской Победы» утверждает победный характер русской истории. Где победы на великих полях сражений соединяются с неповторимыми духовными победами: русской иконописью, Золотым и Серебряным веками русской поэзии. Где победностью является само непрерывное воскрешение государства из кромешной тьмы, куда оно опрокидывается, одоление исторических поражений, в том числе и того, что случилось с Россией после 1991 года.

«Россия — ковчег спасения» — это знание о всемирно-исторической роли России, которая среди потопа, когда гибнут святыни, когда сворачивается в свиток бытие и зреет исчадие ада, является тем ковчегом, где спасаются вековечные ценности, где они сберегаются для светоносного, божественного будущего, о котором пророчествует вся русская религиозно-философская мысль.

«Религия справедливости» — это учение о глубинном русском коде, который уповает на такое сочетание народов, культур, государств, где нет порабощения слабого сильным, бедного богатым, где гармонично соседствуют все языки, все верования, превращающие земную жизнь в многоголосие народов, где слышен каждый голос, каждое драгоценное песнопение.

Эти изборские смыслы объясняют нам, почему случилось возвращение Крыма в Россию. Почему случилось восстание на Донбассе. Почему сегодня происходят кровопролитные схватки под Херсоном и в Запорожье.

«Религия справедливости» объясняет нам, что защита от истребления людей Донбасса является справедливой и неизбежной. Что соединение рассечённого надвое русского народа является справедливым и неизбежным. Возвращение России бессовестно и вероломно отторгнутых у неё территорий является справедливым и неизбежным. Схватка с Западом, которую ведёт сегодня Россия, является справедливой и неизбежной.

Англосаксонская мечта доминирования, англосаксонская «крепость на горе» сражается с Русской Мечтой о божественной красоте и гармонии, о «русском храме на холме». Сегодня сражаются американская крепость и русский храм. Изборское сознание вскрывает смысл этой вселенской схватки.

Сто лет назад из России отплыл «философский пароход» и увёз мыслителей, владевших тайной русской метафизики. Сегодня, через сто лет, эта школа русской метафизики и религиозной философии возрождается в Изборском клубе.

Изборское сознание — это драгоценный кристалл, возникший из чудовищного рассола последних русских десятилетий. Кристалл, который будет наращивать свои самоцветные грани.

Изборские смыслы объясняют нам, почему случилось возвращение Крыма в Россию. Почему случилось восстание на Донбассе. Почему сегодня происходят кровопролитные схватки под Херсоном и в Запорожье. «Религия справедливости» объясняет нам, что защита от истребления людей Донбасса является справедливой и неизбежной. Что соединение рассечённого надвое русского народа является справедливым и неизбежным. Возвращение России бессовестно и вероломно отторгнутых у неё территорий является справедливым и неизбежным. Схватка с Западом, которую ведёт сегодня Россия, является справедливой и неизбежной.

/ Александр ДУГИН /

Глашатай

Он — путь Русской Мечты

У каждого человека есть мечта. Есть она и у Александра Андреевича Проханова. Но разница в том, что мечты обычных людей касаются почти всегда их самих: их будущего, успехов, достижений, приобретений, близких, детей, родственников. Люди мечтают о любви, семье, удаче, карьере, здоровье, долголетии, славе. Чаще всего такие мечты имеют строго определённые границы — они внутри личного горизонта. Мало кто мечтает о чём-то, намного выходящем за круг индивидуальных интересов. Проханов здесь исключение.

Как только он начинает мечтать, то его мысль делает невероятный головокружительный скачок. Всё личное, близкое, уютное, всё соизмеримое с индивидуальностью и её масштабами мгновенно отступает на второй план, гаснет — теперь этого и не найти. Мечта, словно бабочка кокон, покидает человеческие границы — тела, души, ума — и превращается в гигантское крылатое существо, взмывающее в небо, обрушивающееся на землю, пронизывающее её, чтобы снова взметнуться в бесконечную вертикаль.

Бабочка, птица, дракон, ангел… Мечта Проханова имеет огромную размерность. Это мечта не о себе, не о своём, не о том, о чём принято мечтать. Это мечта о России, Руси, о великой бесконечной Родине. О том, как она живёт, и о том, о чём она тоскует, о том, как она стра-

дает и как радуется. О том, чем она была изначально и чем будет в последние времена. Это мечта о настоящем, о том, чем Россия является здесь и сейчас и чем она в то же время фатально не может стать.

И вот уже мечтает не Александр Андреевич Проханов, а кто-то ещё… Кто-то мечтает сквозь него — а он лишь даёт этой мечте проявиться, быть — сквозь себя, через себя, помимо и вне себя. Такая мечта есть русский экстаз. «Экстаз» (ἔκστασις) по-гречески — выход из себя, смещение центра, полюса. Пока человек мечтает о себе, он и есть полюс, он пребывает в себе. Проханов учит делать не так. Надо, наоборот, выйти из себя, открыться стихии родного глубинного земного бытия, и этот экстатический выход за пределы даст возможность Родине, Руси зажить своей собственной жизнью, выпростать своё скрытое бытие. Так понимает мечту не простой мечтатель, а поэт, пророк, провозвестник, глашатай.

Проханов именно таков. Он живёт русским экстазом, и пробуждение русских токов и определяет его бытие — в искусстве, мысли, политике, творчестве. Здесь, впрочем, всё одно — никакие рамки конкретного ремесла не вместят в себя полноты этого священного дыхания русской бездны. Все сектора и профессии слишком узки. Если собрать на поле весь наш народ — мечта не вместится в него. Не будет она полной, даже если добавить к этому всерусскому земству мёртвых и ещё не родившихся. И в этом случае вместить полностью этой мечтой нельзя, не получится. Она разорвёт любые рамки, любое число перед ней окажется бесконечно малым. Но тот, кто озарён ею, тот ей сродни — и он легко преодолевает границы. Ведь Русская Мечта трансцендентна.

Александру Андреевичу Проханову исполняется 85 лет. Боже, как много! Но и эти цифры ничего не говорят ни о чём. Поставьте их рядом с масштабом Русской Мечты, и это — крохи, самая малость, горсть, просто ничто.

Те, кто предан, как Проханов, Русской Мечте, воскресают, ещё не умерев, при жизни. Если она наше содержание, то у нас больше нет возраста, или иначе: мы старше и одновременно младше любых границ.

Русский человек есть тот, кто был, есть и будет всегда. И мечтает он о том, что вечно, что вечно есть. Это сама Россия, Россия как таковая, в своём глубинном и нерасторжимом самотождестве — она, как купина, горит и не сгорает, умирает и оживает вновь, кончается и никак не кончится, потому что у неё несть конца. Россия — это всегда только начало. Русское начало не хочет начаться (начинайте уже…) так, чтобы идти к концу. Оно идёт в ином направлении. И Проханов в своей судьбе — мудрой с юности и бодрой в возрасте патриархов — всегда только начинает. Он не взрослеет с годами — та же ирония, тот же едва спрятанный тонкий юмор, та же сила, та же ясность пронзительной мысли. Секрет такой стойкости в том, что Проханов не просто Проханов, но кто-то намного больше. Он — взрывающийся сосуд русского начала. Он — путь Русской Мечты. И что тут говорить о возрасте, о дне рождения. У таких людей (а есть ли ещё они, такие люди?) каждый день — день рождения. Ведь каждый день в нашем русском календаре посвящён святому, а чаще всего — сразу нескольким святым, и так много из этих святых — русские. Если мы русские, то это наши святые, наш день, наше рождение. Так насыщенно, плотно и живо может ходить по земле только тот, внутри которого плещет живая вода небес. Русская земля — это лишь наша часть. Ещё есть русское небо, и оно внутри нас, вплотную к нашей земле. В русском человеке осуществляется брак неба и земли. Это и есть мы сами. Проханов знает об этом. И грезит об этом, и пишет, и говорит, и поёт. Он пророчествует.

Когда Родина клонится к бездне, её дети воют от боли. Когда Родина возвращается на свою русскую стезю, её дети кричат от радости. Но и то, и другое — неразрывное единство, идущее сквозь века, эпохи, режимы, фазы. Это диалектика Русской Мечты. Мечты Александра Проханова.

Нужно ли нам помогать ему в этом? Участвовать, охранять, продолжать его дело? Это важно для нас — если мы русские, это — наша мечта, это — наш Проханов, это просто и есть мы… И выбора у нас нет никакого. Быть русским — это уже решение. Обратной силы не имеет. И дальше начинается шквал бытия. Дальше начинается Русский мир и Русская война, Русская любовь и Русская смерть, русское всё.

Но сам Проханов самодостаточен. Он решил проблему Родины, став с ней одним и тем же. И она стала им, заговорила его устами, начала двигать его пером, мерцать в его всё более проницательном, уходящем в глубину взгляде.

Дорогой Александр Андреевич! Оставайся здесь, сколько захочешь. Но при этом ты уже всё сделал, родившись русским и приняв Россию как свою судьбу, как свою мечту. Бесконечность нельзя ограничить или измерить. Ею можно только быть.

/ Сергей КУРГИНЯН /

Особенный дар

Проханов смог построить особые отношения с чем-то неизмеримо большим, чем он сам

Люди часто не вдаются в реальный смысл произносимого ими и говорят почти на автомате некие дежурные слова. К примеру, что такой-то — интересный человек. Но в этом случае за произнесённым не стоит реального содержания. И всегда вдобавок можно такое содержание девальвировать с помощью так называемых полемических уточнений. Вы говорите: «Это интересный человек». А вам отвечают: «Ну и что особенного? К тому же он для вас интересен, а для другого интересен кто-то другой». Или: «Все люди интересные, если к ним приглядеться повнимательнее».

Вступать в полемику с такими утверждениями вообще бессмысленно, но особенно, если хочешь сказать что-то серьёзное о конкретном человеке в день его рождения. Поэтому я, ни с кем не вступая в спор, скажу как на духу,

что лично для меня интересный человек — это огромная редкость и огромная ценность. И что Александр Андреевич Проханов всегда, все тридцать с лишним лет моего с ним знакомства был и остаётся для меня одним из немногих по-настоящему интересных людей. А таковыми для меня являются люди внутренне очень крупные, самобытные, талантливые, с годами наращивающие свой человеческий потенциал, мужественные, цельные. И по-настоящему живые, то есть противостоящие давлению времени, судьбы, эпохи, статуса — давлению всего, что может сделать из живого человека ходячего мертвеца, этакий прижизненный памятник самому себе.

Я вспоминаю конец восьмидесятых годов XX столетия, повальное перестроечное безумие — полноценный шабаш с почти всеобщим обесовлением. Это потом, лет этак через двадцать, можно было на телевидении отстаивать достоинство советского периода и видеть, что за тебя голосует большинство. А в те мрачные годы каждый, кто говорил «нет» перестроечному безумию, становился изгоем и обрекал себя на очень специфический тип существования внутри огромных человеческих масс, внезапно сошедших с ума, как бы не схожих в частностях, но объединённых этим безумием.

У Проханова не было никаких формальных причин для того, чтобы обречь себя на такую участь. Он, в отличие от известных мне партийных функционеров, превратившихся в антисоветских бесов, вообще не был членом КПСС. И проявлял искреннее патриотическое свободомыслие уже в те советские времена, когда подобное вовсе не поощрялось. Сказать «нет» перестроечному антисоветскому безумию и обречь себя на всё то, что тогда вытекало из такого «нет», было очень непросто.

Проханов это сделал с максимальной определённостью. И, сделав это, не превратился в одиночку, находящегося в глухой обороне. Напротив, будучи известным писателем уже в те тёмные времена, он сумел стать ещё и по-настоящему талантливым делателем газеты, создателем сплочённого коллектива единомышленников, готового и к материальным тяготам, и к идеологическому поношению. И тут Проханов проявил то, чего так не хватает в последние десятилетия, — настоящий сущностный, глубокий интерес к другим.

Только этот интерес мог породить притягательность гонимой и третируемой газете Проханова и не превратить эту газету в ущербную, косную, псевдопатриотическую листовку. А ведь многие другие, став издателями и имея больше, чем Проханов, оснований для издательского преуспевания, претерпели именно эту губительную метаморфозу — издательско-публицистическое скукоживание. Проханов же начал разворачиваться, а не скукоживаться.

Став создателем газеты, чей решающий вклад в преодоление антисоветского и антирусского безумия несомненен, Проханов не отказался от своей основной профессии, а, напротив, придал этой профессии совсем новое и очень убедительное качество.

Скажут: «И что тут особенного?»

Отвечаю: «А вы попробуйте выдержать то напряжение, которое раздирает на части каждого рискнувшего в тёмные времена соединить несоединимое: организацию популярного печатного органа и собственную творческую литературную деятельность!»

Проханов сумел сделать это в силу особого дара. Собственно, творческая одарённость является лишь частью этого дара. Сам же дар — это способность человека построить особые отношения с чем-то неизмеримо большим, чем он сам. Причём и человек должен быть способен входить в эти отношения с чем-то большим, чем он сам, почти на равных, не впадать при этом в высокомерие, ломающее и человека как такового, и его претензии на некое, по сути, трансцендентальное рандеву.

Я знаю, что в последнее время Александр Андреевич проявил и поэтический талант, и талант живописца. И меня это нисколько не удивляет, потому что основа всех его талантов — живая жизнь, не подвластная никаким проискам омертвляющего душу начала.

Завершая это сущностное, а не юбилейное эссе о Проханове, безо всякой иронии говорю, что не считаю невозможным написание Александром Андреевичем на новом витке творчества не только оратории, но и симфонии. Я ничему не удивлюсь именно потому, что живая жизнь, в отличие от сколь угодно помпезной смерти вживе, трансцендентально непредсказуема и потому сопричастна чуду.

Эта явная сопричастность чуду у Проханова носит скромный и настоящий характер. Она-то для меня, сколько бы ни было важно всё другое, тем не менее важнее всего.

С днём рождения — и с ростом неукротимой яростной новизны, она же внутренняя молодость! Повторю ещё раз, что это, наряду со многим другим, ценимо мною в Проханове более всего — что никоим образом не принижает остального.

/ Станислав КУНЯЕВ /

Мы выжили в нелёгкие времена

Журнал «Наш современник», которым я руковожу уже более 30 лет, я получил в 1980-е годы из рук бывшего главного редактора Сергея Васильевича Викулова. И, получив журнал, я первым делом подумал: с кем я буду его делать? На кого мне можно будет опереться? А в начале 90-х годов я встретился с Александром Прохановым.

Это были тяжелейшие, страшные годы борьбы за существование России и за Со-

ветский Союз. Многое в этой борьбе было проиграно, но многое мы сумели отстоять. Я помню, как вместе с Прохановым ездили в Петербург, чтобы встретиться и поговорить с Александром Невзоровым и другими петербургскими писателями. Незадолго до этого в ЦДЛ прошла дискуссия «Классика и мы», во время которой схлестнулись две силы — русская патриотическая и либеральная, ориентированная на Запад. Спорили мы со многими видными «западниками», такими как, например, Евтушенко или Довлатов. Судя по реакции и оглушительным аплодисментам заполнивших зал зрителей, в этой дискуссии мы одержали моральную победу. Совершенно опустошённые, мы с Татьяной Глушковой вышли и увидели Проханова. Он бросился нам навстречу и сказал: «Молодцы, молодцы! Но мы пойдём другим путём».

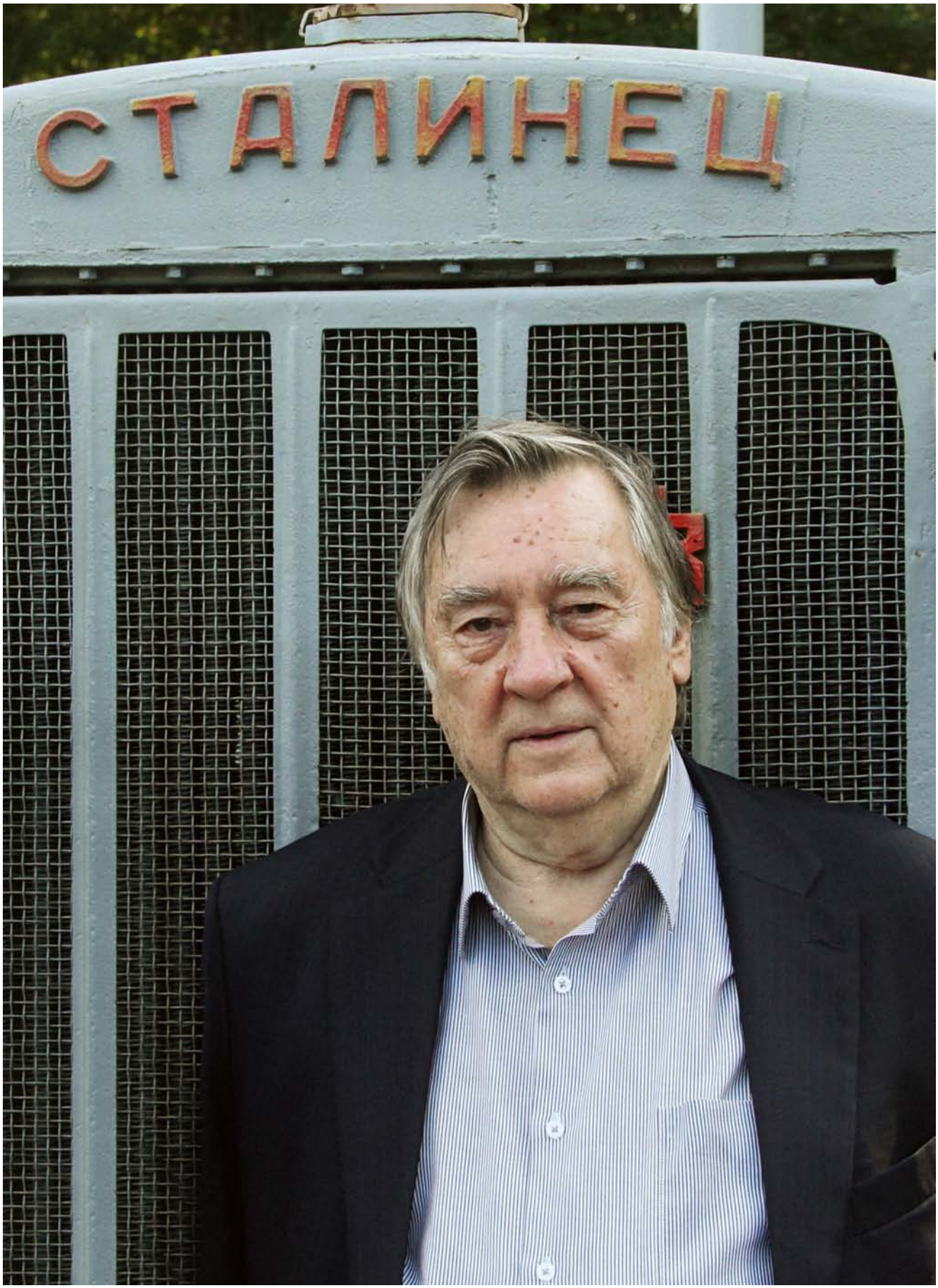
После этого я почувствовал, что с Прохановым действительно можно идти другим путём. В борьбе за Россию, в борьбе за патриотические традиции русской культуры и русской литературы он создал газету «День», которая была запрещена и потом переименована в газету «Завтра» и которая более 30 лет спустя остаётся одним из самых влиятельных средств массовой информации.

Я помню, с каким ужасом и разочарованием мы следили за возникновением ГКЧП жарким летом очень горячего для России года. Одним из тех людей, которые помогали мне понять, что происходит, был, конечно, Александр Проханов. Я ввёл его в редколлегию, и мы договорились, что все свои романы он будет отдавать в «Наш современник». С тех пор прошло 30 лет, и более 10 блестящих, публицистически художественных романов было написано Александром Андреевичем. Их публикация дала журналу такое количество подписчиков и такие тиражи, о которых мы и не мечтали. Скажу только одно: до того, как я стал главным редактором, тираж «НС» был около 50 тысяч, но когда я пришёл и привёл за собой нескольких авторов — самым блестящим из этой плеяды был Александр Проханов, — через два-три года тираж достиг 400–450 тысяч экземпляров, и мы стали одним из самых популярных журналов. И до сих пор остаёмся, потому что Александр Проханов с нами.

Помнится, в начале 1990-х годов я пригласил Александра Андреевича поехать на Нижегородскую землю, в знаменитый «Арзамас-16», где велись все наши атомные разработки. Мы там выступали, а потом поехали на реку Сатис, берега которой связаны с именем великого русского святого Серафима Саровского. Местные сказали нам: поедемте в далёкую пустыньку, где Серафим Саровский обращался к Господу с особыми молитвами — о спасении России. Нас привезли в лес, и мы с Александром Андреевичем, пройдя последние полтора-два километра по лесным тропам, пришли на полянку, где были два гладко отполированных камушка, на которые Серафим Саровский преклонял колени во время молитв. На один Александр Андреевич поставил свою свечу, на другой я поставил свою. Мы их зажгли, и вдруг ни с того ни с сего пламя с фитиля сбежало. Мы переглянулись. Я протянул руку, поднял эти свечи, но лёгкий порыв ветра дунул, и свечи сами возгорелись. И это был какой-то чудесный знак, что наши молитвы услышаны…

А сколько было борьбы здесь, в Москве, пока не свершился государственный переворот с расстрелом парламента! Как мы шли на ОМОН, который со щитами и дубинками перегораживал нам дорогу! Как за Александром Андреевичем следовали сотни людей, и всё-таки мы проходили к нашему Белому дому и выступали там, и говорили то, что было нужно сказать. И Проханов был всегда впереди, с нами — вместе с Бондаренко, Личутиным, Невзоровым и другими писателями тех лет. Но где сейчас наши друзья? Увы! Бондаренко за границей, Невзоров забыл о великом русском деле, а Личутин замкнулся в себе и выдохся как писатель. Но слава Богу, что мы с Прохановым смогли передать наше дело в руки нашим сыновьям.

Так случилось, что Александр Проханов — и владелец газеты «Завтра», и её главный автор. Я поражаюсь тому, как он может каждую неделю писать передовую статью! Передовые статьи его всегда были блистательными — живыми, неказёнными, русскими, религиозными и одновременно политическими. В своих выступлениях — и в печати, и на телевидении — он укреплял русское национальное самосознание, поддерживая всех жаждущих и страждущих русских патриотов, которым так трудно было выжить в эти нелёгкие времена. Но вот мы выжили. Мне недавно исполнилось 90 лет, а теперь и Саша отмечает своё 85-летие. Дай-то Бог ему ещё написать столько романов, сколько он хочет, и дай-то Бог, чтобы все мечты и мысли о будущем России, которые он носит в своём сердце, воплотились в жизнь.


СТАЛИНЕЦ

/ Геннадий ЗЮГАНОВ /

Провидец и воин

У Проханова удивительное сочетание дара писателя, журналиста и духовника

С Александром Андреевичем Прохановым меня свела случайность.

В то время — в конце восьмидесятых годов — я прорабатывал очень много вопросов для рассмотрения на Политбюро. Для этого приходилось ездить по стране, в том числе во все горячие точки, которые тогда охватили Северный Кавказ, Среднюю Азию, Прибалтику. Я знал не понаслышке о проблемах, которые множились, — их нужно было решать.

И вдруг — это было в 1990 году — мне попалась статья Александра Проханова «Трагедия централизма», опубликованная в «Литературной России». Я был поражён точностью, глубиной исследования проблем, с которыми мы сталкивались каждый день, готовя сопротивление той агрессии, что тогда обвалилась на нашу страну, нашу партию и в целом на наш народ.

Надо сказать, что в то время я обошёл все «большие кабинеты», доказывая, что КПСС — не просто партия, а система государственно-политического управления, и ломать её, как ломали один по глупости, другой по пьянке, — это величайшее преступление. Но понимание встретил не у многих. Активно меня поддержали Маслюков, Бакланов, Полозков.

Прочитав статью, я увидел, насколько её автор глубоко понимает проблемы, которые волновали меня. Я решил встретиться с Прохановым. Он пришёл ко мне в кабинет на Старой площади, и у нас состоялась интересная беседа — мы сидели допоздна. Меня поразило и порадовало, что он, не будучи партийным функционером, руководителем, рассуждал как крупный державник, человек, прекрасно понимающий, как работает советская государственная машина. Не случайно свою статью он назвал «Трагедия централизма»: такое крупное государство, как наше, попросту не может существовать без эффективного управления, без сильной вертикали, талантливых людей, без чувства коллективизма, без высокой духовности и социальной справедливости.

Та плеяда руководителей, которая окружала Горбачёва, уже оторвалась и от жизни, и от народа, она решала свои задачи, которые тогда ещё многим не были очевидны. Но их прекрасно понимал Проханов, объехавший многие горячие точки, побывавший почти на всех войнах, в которые наша страна была так или иначе вовлечена. У Саши уникальный жизненный опыт — таким редко кто обладает. Он рассуждал как истинный гражданин, как глубокий мыслитель. У меня была похожая жизненная дорога, поскольку я посещал все проблемные регионы. Мы говорили с ним на одном языке, нас волновали одни и те же вопросы. Потому мы сразу сблизились и подружились.

Что меня в нём очень вдохновляло? Он был похож на монашествующих проповедников, которые сражались не мечом, но духовным воинствующим словом. Вот и Проханов тогда своим пером и мужеством показывал нам всем, что надо делать в суровую минуту.

И не случайно именно в совместных трудах с ним и Валентином Чикиным, после наших встреч и бесед, после посещения практически всех российских регионов, родились три обращения к народу. В апреле 1991 года в «Советской России» было опубликовано обращение «Пока не поздно», где было сказано, что ситуация складывается драматическая. А до этого, ещё в феврале, мы создали Народно-патриотический союз, который именно Проханов вдохновлял и окормлял. Тогда зародилась идея широкого

объединения всех, кто хотел бы сохранить Советский Союз, нашу державу.

В начале мая вышла статья «Архитектор у развалин». Вместе мы также подготовили «Слово к народу», что вызвало жуткий вой либералов, на нас началась настоящая атака. Тем не менее «Слово» пробилось к тому, кому было адресовано — к народу. Надо сказать, что против меня, объявив идеологом гэкачепизма, подготовили уголовное дело.

Александр Андреевич всегда и вдохновлял, и просвещал, и благословлял на праведный бой против предателей Родины, предателей нашей Победы, был собирателем патриотических сил. На его поддержку и помощь можно было рассчитывать всегда.

Газета «День-Завтра» была центром духовного, интеллектуального сопротивления. Тогда практически были под запретом и «Правда», и «Советская Россия», и «День», и мы вместе ходили в суды, на манифестации, протестовали, что позволило собрать, сплотить основные патриотические силы. Мы создавали Фронт национального спасения, Народно-патриотический союз. И во всех мероприятиях Проханов не просто участвовал — он был, по сути, идейным вдохновителем, готовил наши акции, печатал материалы, отличался редким мужеством и даром провидения одновременно.

Что меня в последнее время удивляет и восторгает в нём? Он непрерывно работает над созданием идеологии. Он подготовил философию «Вероучение Победы», сформулировав семь сокровенных кодов, ведущих нас к Победе. Я абсолютно согласен с ним, что в нашей государственности есть своя особая стать и особые условия её формирования. На наших гигантских просторах, открытых для набегов со всех сторон, можно было выжить только в условиях сильного, духовно окормлённого государства.

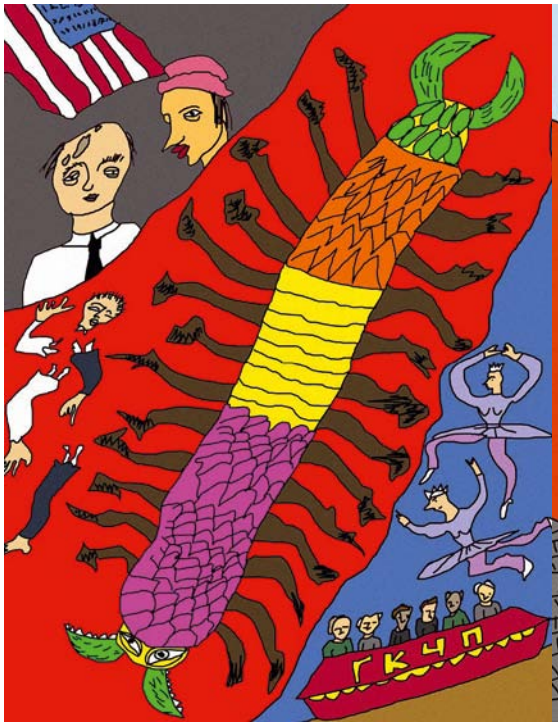
В мире — более двухсот стран. И всего с десяток государств имеют тысячелетнюю историю. На пальцах одной руки можно пересчитать страны, которые самобытны, имеют изобретения во всех видах художественного и научно-технического творчества. И только две страны: Россия и Англия — за последние 500 лет не теряли своего суверенитета. Но при этом только у нас на тысячу лет нашей истории выпало 700 лет войн, в которых нам пришлось защищать своё право жить на этих просторах, идти своим путём, дружить с соседями, и только нам удалось собрать под русские знамёна более 190 народов и народностей, не порушив при этом ни одного языка, ни одной веры, ни одной традиции, ни одной культуры. А без сильного, умного, централизованного, духовно окормлённого государства выжить всем этим народам было бы невозможно.

Невозможно было бы попросту просуществовать на наших просторах без чувства коллективизма — сама жизнь нас научила этому. Возьмите такие страны, как Франция, например. Там вдвоём можно слепить хороший дом — из камня. А у нас, чтобы сложить дом из брёвен, положить нижний венец из хорошего крепкого дерева, надо восемь мужиков — иначе не справишься. И чего бы ни коснулся — разработать ли земли под пашню, защититься ли от набегов — всё получалось только сообща. Потому в нашей истории такие формы коллективного взаимодействия и складывались: от крестьянской общины до казачьего круга, купеческого собрания, партхозактива, советского комсомольского или партийного собрания. Наши природа и погода диктовали нам форму общественного согласия. Саша это прекрасно понимал. Всегда можно было прийти к нему в редакцию, захватив кусочек сала, банку мёда, и отдохнуть душой, поговорить сердечно, получить поддержку, наставление, услышать его видение ситуации и проблемы. И во многом моё личное становление как политика, как человека, учёного связано с его творчеством, за что я искренне ему благодарен.

За двадцать лет, в течение которых Владимир Путин стоит во главе государства, он не раз формулировал стратегию развития. Начинал с борьбы с терроризмом, укрепления страны, сохранения территориальной целостности. Мы целиком поддерживали такую стратегию. Затем была стратегия политической стабильности. Мы, левопатриотические силы, прекрасно понимали важность этого, укрепляли эту стабильность, в том числе путём создания Патриотического союза, в котором Александр Андреевич принимал активное участие. Затем речь зашла о сбережении народа как государственной стратегии. К сожалению, изменить курс в этом направлении не удалось, и сбережения не получилось.

Сейчас главный упор делается на суверенитет и традиционные ценности. Я с этим совершенно согласен. Но чтобы понять, что суверенитет — это очень сложная система, надо внимательно читать работы Проханова, в которых он выступает как идеолог и философ.

Сегодня говорят о государственном суверенитете. Но есть суверенитет финансовый, однако по-прежнему доллар диктует нам свои порядки.



Есть суверенитет экономический, а у нас более половины крупной собственности до сих пор принадлежит иностранцам. Есть суверенитет технологический, однако мы производим пару процентов мировой продукции, а СССР производил 20 процентов и был ведущей электронно-космической державой. Есть суверенитет транспортный — у нас же девять самолётов из десяти — иностранного производства.

Но, говоря о суверенитете, надо начинать с интеллектуального суверенитета, именно он — в основе всего того, что составляет государственный суверенитет во всех областях. А когда нас направили по чужой стезе, когда стали диктовать, что и как нам делать, когда записали, что в Конституции страны не должно быть идеологии, страна обрекла себя на ограниченный суверенитет, а то и на его потерю. Надо начинать именно с интеллектуального суверенитета. И Александр Андреевич, на мой взгляд, предлагает суверенную идеологию.

Незабываемо его блестящее выступление в Думе с видением Русской Мечты — особого пути нашей страны.

В Думе открыта подготовленная нашей фракцией выставка, посвящённая 30-летию КПРФ. Показывая её руководителям фракций, спикеру Государственной думы Вячеславу Володину, я сказал, что Александр Андреевич, выступая перед нами, поделился своим видением, что может нас спасти и укрепить, надо прислушаться к нему, взять на вооружение его идеи.

Считаю, что идеология Победы, русская идея, народный патриотизм плюс советская справедливость — это то, без чего мы не выживем. Против нас затеяли жуткую, страшную войну — на уничтожение Русского мира. И чтобы выстоять и победить, надо руководствоваться, прежде всего, великой идеей, которая сплотит общество.

Мне думается, что философия, которая приведёт нас к победе, базируется на тех идеях и предложениях, которые всегда последовательно, талантливо и грамотно отстаивал Александр Андреевич. У него удивительное сочетание дара писателя, журналиста и духовника. Я всегда много читал и поражался, как писатели могут на одной странице обобщить целые эпохи. Проханов может в одном даже абзаце подать крупнейшие явления так, что видна их сущность и слышен аромат нашего великолепного русского языка.

Он к тому же соединяет в себе свойства бойца и провидца, в нём удивительное чувство товарищества, умение сплотить и объединить вокруг себя самых разных людей. Когда мы отмечали его 60-летие, на торжестве были люди, которые даже не разговаривали друг с другом — полные противоположности. К моему удивлению и радости все они пришли к нему на юбилей. Он выполнял роль собирателя на новом ковчеге патриотических сил для праведной борьбы.

Пожелаем ему здоровья. Будем сражаться, молиться и побеждать вместе. Будем вместе воплощать Русскую Мечту.

283

/ Владимир БОРТКО /

О Проханове и всё ещё не снятом фильме

Есть люди, само существование которых определяет, если хотите, не просто нашу жизнь, а наше отношение к жизни. К таким людям относится писатель и гражданин Александр Проханов. Да, он очень хороший, талантливый писатель, автор многих прекрасных книг. Но прежде всего — он гражданин своей страны. И его человеческая, его гражданская позиция многое значит для нас. Возможно, кто-то сочтёт Александра Андреевича «излишне эмоциональным», но ведь и эта его эмоциональность — от любви к России, без которой он просто не мыслит себя.

Александр Проханов всегда честен, он призывает и нас быть честнее, правдивее, относиться ко всему с максимальной ответственностью. У Проханова есть то, чего, увы, не хватает уже многим, — совесть. Он не заигрывает ни с властью, ни со своим читателем. Он пишет правду, он описывает жизнь, как он её видит, не приукрашивая, но и не ударяясь в «чернуху».

Он никогда не скрывал и не скрывает своего отношения к событиям нашей истории, как никогда не скрывал и своего отношения к Сталину, и своего отношения к Советскому Союзу, крах которого Александр Андреевич воспринял как свою личную трагедию.

Да, Россия для Проханова — превыше всего, она чрезвычайно дорога ему. Но он никогда не позволял себе неприязни, а тем более ненависти к другим странам и другим народам. Он ни в коем случае не националист, ведь национализм — это, прежде всего, любовь к себе, а мы уже увидели, к чему привела наших бывших братьев-украинцев такая «любовь к себе». У Проханова никогда не было ненависти к «другим». Да, он — русский патриот, но он и интернационалист. Потому что Проханов — это не ненависть. Проханов — это любовь. Любовь к Отечеству. Любовь к человеку. Любовь к нашей великой истории и к нашей великой культуре. Кому-то это покажется красивыми словами, но для Александра Андреевича это смысл и суть его человеческого и писательского существования.

В 2015 году Александр Проханов написал очень пронзительную, очень правдивую книгу «Убийство городов» о событиях 2014 года на Донбассе. Мы подготовили сценарий и начали работу над фильмом, но в первый же съёмочный день картину закрыли — объяснили, что «денег нет». Конечно, дело было не в отсутствии денег. Видимо, кому-то не понравилось, что и в книге Проханова, и в фильме звучит призыв защищать Донбасс, воевать за Донбасс. Кто-то счёл это излишним.

Вот каким должен был быть последний эпизод этого фильма. Москвич, доброволец, сражавшийся на стороне дончан, идёт по дороге. Он только что побывал в плену у украинцев, он чудом остался в живых и возвращается домой. Этот израненный, измученный человек проходит мимо изрытой воронками от снарядов Саур-Могилы, мимо разрушенных памятников нашим солдатам, защищавшим эту высоту от фашистов в прошлую войну. Он возвращается в Россию. И вдруг видит едущие ему навстречу танки, бэтээры, летящие вертолёты. «Россия пришла на помощь Донбассу!» — радуется человек. Он подходит к остановившемуся танку и кричит: «Ребята! Как хорошо, что вы пришли сюда!» Они говорят: «Что ты кричишь? У нас учения». И человек понимает, что эти танки, бэтээры и вертолёты — не на Донбасс. И он разворачивается и идёт обратно. Он идёт на войну, он идёт защищать Донбасс. Вот этот прямой призыв защищать наших братьев на Донбассе кого-то сильно смутил, это сочли чуть ли не «подрывом устоев». Конечно, и Проханов тогда сильно переживал, что картины не будет. Но он боец, он умеет держать удар.

Пожелаю дорогому Александру Андреевичу здоровья и ещё восьмидесяти пяти лет жизни.

/ Юрий ПОЛЯКОВ /

Человек-загадка

Для моего поколения литераторов, рождённых в пятидесятые, Александр Проханов был загадкой. Мы, конечно, знали, что его, в недавнем прошлом интеллигента-лесника, с лёгкой руки критика Владимира Бондаренко причисляют к группе «сорокалетних», но, в отличие от стайных затворников Кима, Киреева, Курчаткина, он производил впечатление одинокого литературного волка, если воспользоваться выражением Михаила Булгакова из письма Сталину. Проханов выглядел как человек, недавно вернувшийся из зоны смертельного риска и озиравший окружающую сытую, мирную жизнь с неким благосклонным недоумением. Да так оно, в сущности, и было.

Возвращение из «горячих точек» нередко отмечали в Пёстром зале ЦДЛ, и я, молодой сотрудник многотиражки «Московский литератор», пробегая с вёрсткой из правления в партком через буфет, бар и ресторан, с уважительной завистью смотрел на пиршество, возглавляемое этим спецкором «Литературки» — крепким, смуглым, со взглядом отрешённым и насмешливо-пристальным одновременно. Его спецназовская стать как-то не вязалась с длинной, почти «битловской» причёской. Он был похож на командира, которого атака противника оторвала от сочинения стихов. Если прислушаться к застольному разговору его компании, можно было уловить слова: Ангола, Камбоджа, Никарагуа, Афган... А однажды я видел, как они обмывали, опустив в стакан с водкой, его орден...

После поколения писателей-фронтовиков Проханов стал, пожалуй, первым «певцом во стане русских воинов» по внутреннему зову, а не по разнарядке Воениздата. Он соединил в себе гумилёвское восхищение духовной силой бойца и футуристический восторг перед чудом современного оружия. Если собрать разбросанные по его прозе и публицистике метафоры и сравнения, касающиеся техногенной ипостаси войны, получится большая поэма. Но то, что англосаксы боготворят в своём Киплинге, наши гормональные либералы не прощают Проханову, ненавидя его до самозабвения. Кажется, критик Латынина, ныне всем кланом эмигрировавшая из России, пыталась во время перестройки прилепить к автору «Дерева в центре Кабула» прозвище «соловей Генштаба». Хлёстко, но как-то не прижилось. Зато вот любопытная деталь: дочь самой Латыниной, став журналистом, превратилась в очевидную «кукушку Пентагона». Неприязнь — обратная сторона приверженности, и по тому, как тот или иной человек относится к Проханову, легко выявить русофоба или латентного «врагоугодника» — выражение Пушкина, между прочим. Ненависть «прогрессистов», прагматический интерес зацикленной на самосохранении власти (положительный или отрицательный) и преданное сочувствие патриотов сопровождают Проханова почти всю его литературную жизнь.

Мне посчастливилось опубликовать мою статью «Из клетки — в клетку» в пилотном номере газеты «День», которую на глазах опешивших коллег в рекордные сроки, с катковской лихостью создал Проханов, наполнив её интеллектуальной дерзостью и требовательным патриотизмом. На логотипе под названием «День» стояло: «Газета духовной оппозиции». Все, кто понимал, «куда влечёт нас рок событий», с нетерпением ждали очередной номер еженедельника с блистательно-беспощадной передовицей Александра Проханова и завёрстанной над колонкой главреда феерической графикой Геннадия Животова — русского Домье.

Неслучайно редакцию «Дня» в дни ельцинского антиконституционного мятежа взяли штурмом, разгромили и закрыли, как в 1917-м «Правду». В последнем номере была напечатана глава моей повести «Демгородок». Приехав в редакцию за авторскими экземплярами,

я наткнулся там на галдящую ватагу камуфляжных персонажей, похожих на музыковедов, призванных на военные сборы. Они объявили мне, что никакого «Дня» нет и никогда не будет, что Проханова скоро найдут и расстреляют, а мне лучше бы убраться — иначе... А дальше точно, как у Твардовского: *«Припугнуть ещё желая: "Как фамилия?" — кричит...»* У меня хватило ума не назваться, ведь в моей сатирической повести Ельцина с присными посадили в «Демгородок» — строго охраняемое садово-огородное товарищество. Однако вскоре газета духовной оппозиции возродилась под названием «Завтра», и вот уже три десятилетия является средоточием ищущей державной мысли и генератором воли к сопротивлению разрушителям Отечества.

Но даже такой грандиозный и успешный проект, как «День-Завтра», не заслонил писательский труд Проханова. Для меня непостижимо, но человек, ежечасно вовлечённый в актуальную журналистику и сложнейшую политическую борьбу, постоянно писал, кроме разящей публицистики в номер, прозу! Его романы без осечек, с завидной регулярностью, как точно посланные снаряды, взрывали гедонистическую гниль болота «новой российской литературы». «Последний солдат империи», «Дворец», «Чеченский блюз», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген», «Убить колибри», «Виртуоз», «Крым», «Убийство городов», «Теплоход "Иосиф Бродский"»... И каждый роман становился событием для тех, кто знает цену слову.

Но, по моему убеждению, прозаик Александр Проханов ещё по-настоящему не прочитан, не понят, не оценён, не изучен, не признан... Для доминирующих в отечественной словесности кураторов и авторов «Букервальда», которые изготавливают тексты из отходов великих литературных предшественников методом холодного отжима, а потом клеят на них этикетки с оливковыми венками, для них Проханов — красно-коричневый фанатик, по определению не способный на «адекватный современный контент». На самом же деле, автор «Востоковеда», пожалуй, единственный в нашей литературе писатель, кому удалось имперскую мысль и цветущий консерватизм воплотить в слово, открытое всем стилистическим новшествам литературной эпохи, наполнив бесплодную игру постмодернизма подлинным, жизненно важным смыслом. Он мне чем-то напоминает Грибоедова, архаиста по взглядам, но писавшего на прорывном языке, современном до сих пор. Надо ли удивляться, что в школьной программе, где наличествуют Быков, Улицкая, Яхина, Акунин, — Проханова нет. Наше государство до икоты любит блудных сыновей, и у него всегда готов нож, чтобы заколоть для возвращенца самого жирного тельца. А верные сыны — куда ж они денутся?

Но, по моему убеждению, прозаик Александр Проханов ещё по-настоящему не прочитан, не понят, не оценён, не изучен, не признан... Единственный в нашей литературе писатель, кому удалось имперскую мысль и цветущий консерватизм воплотить в слово, открытое всем стилистическим новшествам литературной эпохи, наполнив бесплодную игру постмодернизма подлинным, жизненно важным смыслом. Он мне чем-то напоминает Грибоедова, архаиста по взглядам, но писавшего на прорывном языке, современном до сих пор.

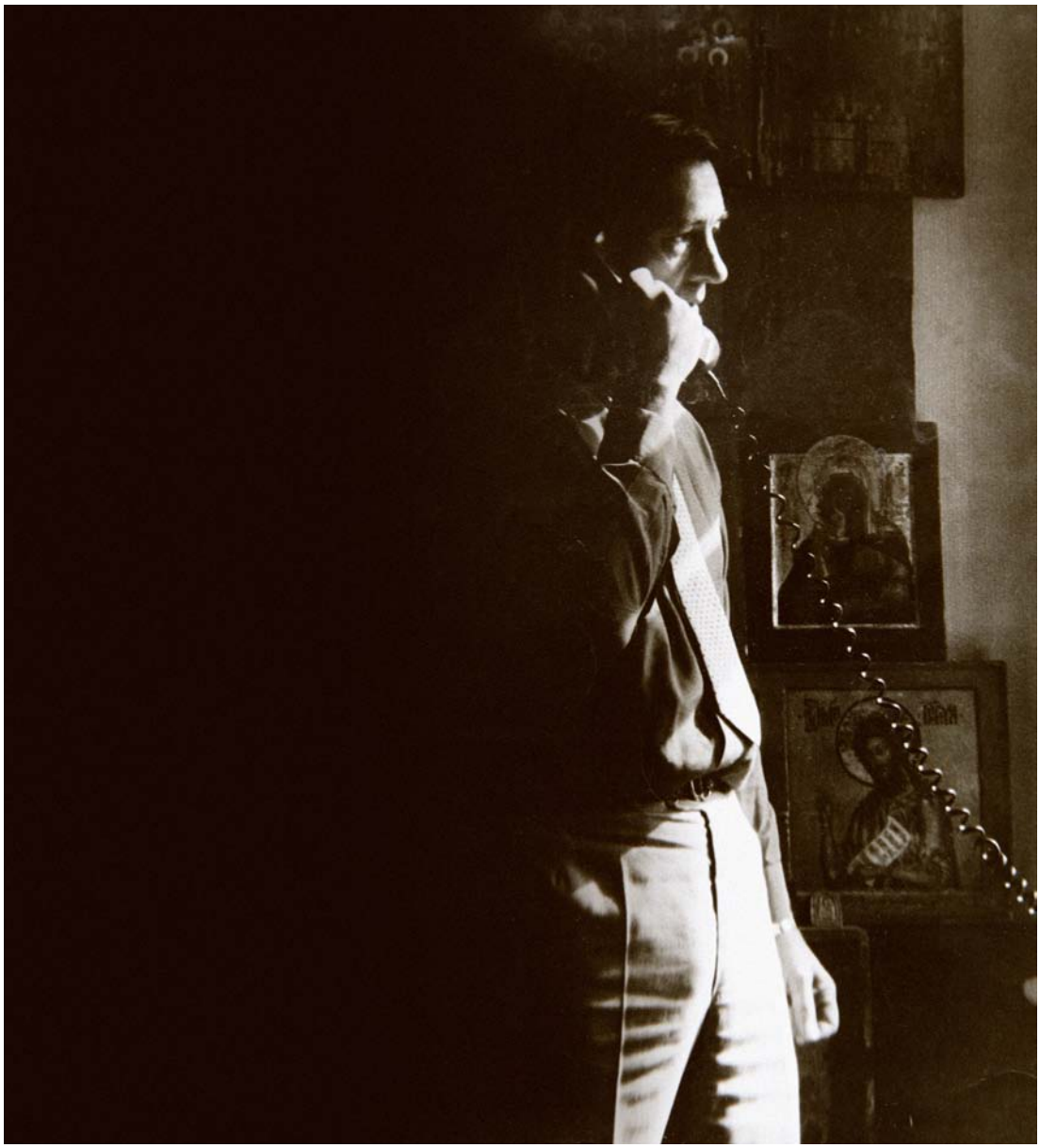
И ещё не могу не вспомнить один любопытный эпизод. В середине 1990-х я вёл на канале «Российские университеты» несколько передач, одна из них называлась в духе времени — «Звёздная семья»: в студию приглашался известный человек, как говорится, с чадами и домочадцами. И вдруг я предложил позвать Проханова. Сначала все оторопели. 1995 год, ещё из столицы не выветрилась гарь расстрелянного Верховного совета, в глазах победивших либералов главред «Завтра» — монстр воинствующего красного патриотизма. А ТВ демонизировало его не хуже Чикатило. Тем не менее тогдашнее телевидение ещё не напоминало кентавра с государственным торсом и блудливым крупом испорченного скакуна. Зачистка случилась позже: после выборов 1996-го «Университеты» закроют, а частоту отдадут верному НТВ.

— А почему бы и нет? — задумалась наш режиссер Роза Мороз. — У нас свобода слова. Но ведь он будет нести в эфире свою пропаганду!

— Не будет.

— Ну смотрите, Юра, под вашу ответственность!

Встреча проходила в форме студийного чаепития. Александр Андреевич пришёл с женой Людмилой Константиновной и детьми, тогда ещё совсем юными. Не буду утомлять читателя подробностями, скажу лишь, что съёмочная



группа потом долго не отпускала Проханова, очаровавшего всех своими умными, тонкими, остроумными, образными ответами и рассказами. Даже Роза Михайловна, весьма либеральная дама, сказала мне, когда, наконец, героя передачи отпустили:

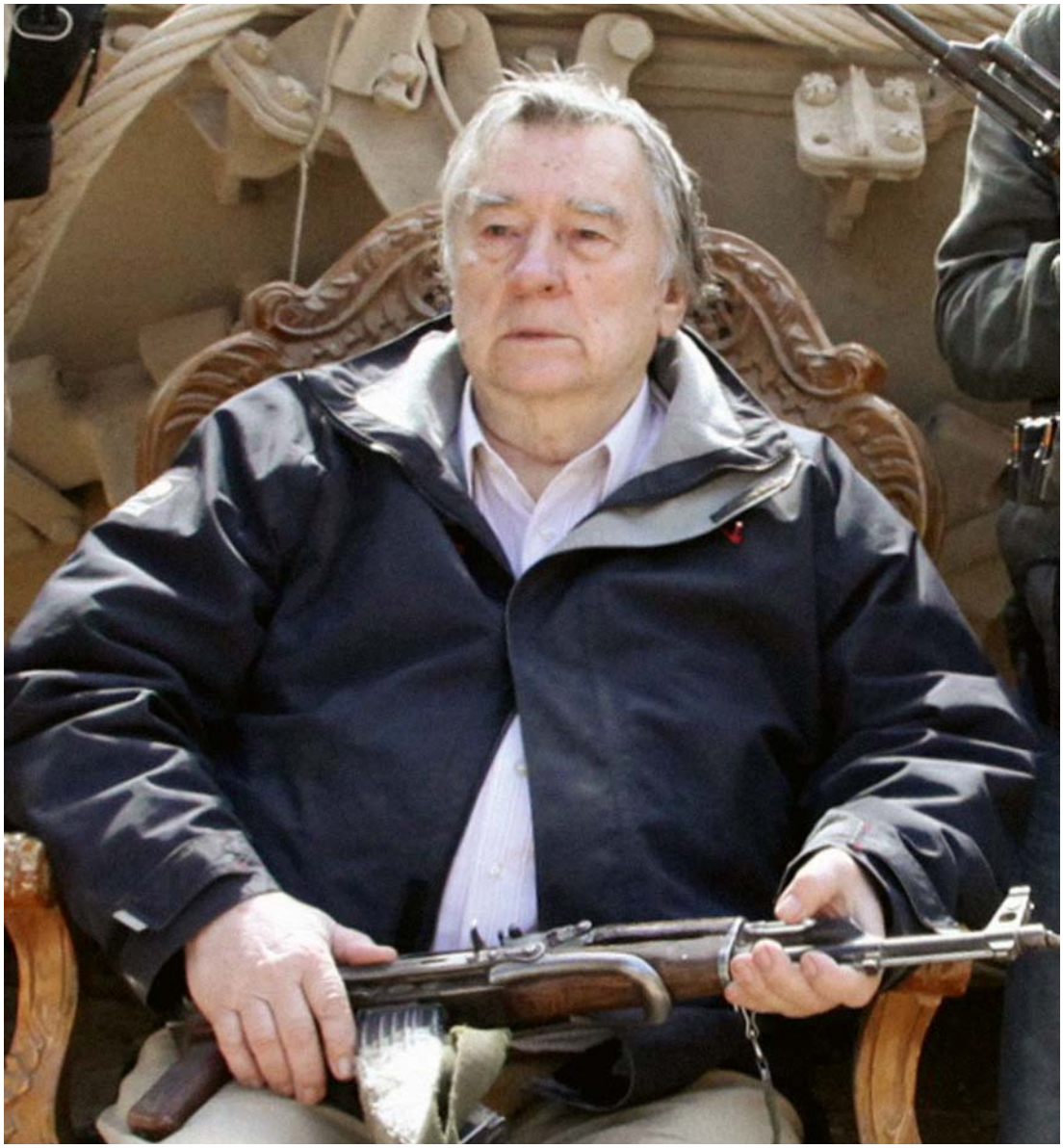
— Какой красивый человек! Какая красивая семья! Он совсем не такой, как я думала…

О том, что Проханов — удивительный рассказчик, общеизвестно, и я сам однажды чуть не опоздал на поезд, заслушавшись, когда он выступал на сцене ЦДЛ. Если бы сидевшая рядом Катя Глушик не напомнила мне о рейсе, точно не успел бы… Кстати, его вдохновенные, завораживающие, полные смелых развёрнутых метафор и мыслей импровизации приоткрыли мне дверь в его писательскую лабораторию. С тех пор, читая прозу Проханова, я слышу его голос. Не знаю, есть ли записи, где он сам читает свои романы? Если нет, это непростительная ошибка…

Однажды на теплоходе (не «Иосиф Бродский») мы вместе с Александром Андреевичем путешествовали по Волге, говорили, сидя на палубе и глядя на проплывающие берега с новенькими храмами, о литературе, о политике, о газете, о его любимом детище — Изборском клубе, о возвращённом недавно Крыме и о тех сдвигах, которые в связи с этим начались в России и в мире.

— Александр Андреевич, как думаете, чем это кончится? — спросил я.

— Да что вы, Юра, — ответил он, — это только начало…



/ Екатерина ГЛУШИК /

Прошу слова

Как-то Александр Андреевич сказал, мол, если изобретут совершенный компьютерный язык, это будет метафора. Она точна, лаконична, образна. Метафорой можно выразить глубокий смысл, она ёмкая, и ею можно исчерпывающе охарактеризовать что-то или кого-то.

Это — вольный и несовершенный пересказ мысли Проханова.

Александр Андреевич слышал и ещё услышит в свой адрес множество метафор. Но даже их сонм, как бы точны и глубоки они ни были, не охарактеризует его. Потому что он — атом.

Неисчерпаем. При этом удивительное свойство: делясь, приумножается. Солнце остывает, его энергия исчерпывается. Проханов, кажется, напротив, прибывает.

Когда я более 20 лет назад, будучи читательницей, прибилась к газете, Александр Андреевич, на которого в то время были наложены строжайшие «клятвы», был под запретом для публичного пространства, его именем разве что детей не пугали. Он выпускал газету, издавал по роману в год-полтора, проводил творческие встречи в каких-то своих кругах, общался с читателями, с людьми, приходящими в редакцию… Помнится, мечтал о поездках, посещениях предприятий, гарнизонов, как в былые советские времена. Но не было ни возможностей у газеты, ни его не готовы были принимать руководители любых уровней — регионов ли, заводов ли. Он — красно-коричневый, оппозиционер.

Одну из своих редких поездок в те лихие годы он совершил на Муромский радиозавод по приглашению директора предприятия. А незабвенный Володя Михайлов, ушедший от нас почти год назад, после встречи в книжном магазине пригласил Александра Андреевича в Челябинск. И до самой кончины Владимира Ивановича — чудеснейшего человека, они дружили.

Проханов пользовался всякой возможностью «проехаться по России». А возможностей в то время, повторю, было немного.

После поездки — обязательно материал. И каждый материал — неповторимый. По умению отметить особенности региона, видению перспективы, умению описать предприятия, людей, создать о заводе оду, поэму, не приукрасив при этом действительности, не зарывшись в банальности и штампы.

Какой только хулы в его адрес в те годы не звучало! А он из тех, кто поругаем не бывает. «Хвалу и клевету» приемлет равнодушно. Второго человека, который бы держался с таким достоинством в любой ситуации, не знаю. Условно говоря, когда он входит, все вскакивают. Сталин! Его умение общаться — этому не научишься. И с королём, и с плотником — одинаково уважительно, внимательно, с плотником, впрочем, поуважительнее. В каждом собеседнике — заинтересован, с каждым найдёт тему для общения, интересную обоим.

«Клятвы» с него были сняты в своё время едва ли не благодаря случайности. Юрий Поляков, став в 2002 году главным редактором «Литературной газеты», на мой наивный вопрос, почему бы не дать беседу с Прохановым в «Литгазете», ответил, мол, я — редактор, а не хозяин, Проханова начальник не поприветствует на страницах своего издания.

Но при этом сказал: делайте, Катя, беседу, а я найду возможность это опубликовать. И пусть увольняют.

Отмечу, что мои материалы о книгах Проханова публиковал главный редактор газеты «Московский литератор» Иван Юрьевич Голубничий, невзирая ни на какие запреты. И в то время это было едва ли не единственное «прохановедение».

Но именно Поляков «снял клятвы», опубликовав интервью «Трубадур красной империи» в газете общероссийской. Опубликовал по-партизански, поставив владельцев газеты перед свершившимся фактом. Был скандал. Ему велели написать заявление об уходе, что он и сделал. А хозяева ждали, не давая покуда хода заявлению: не рыкнут ли сверху. Оттуда не рыкали, а остальные поняли эту публикацию в прилужковской «Литературке» как сигнал — можно. И одна за другой пошли в прессе беседы с Прохановым, публикации, рецензии, радио и телевидение, приглашения в регионы… Прорвало. Вернее, прорвался.

Сейчас Александр Андреевич по-прежнему пишет романы, каждую неделю являет передовицу, руководит газетой. Как и двадцать лет назад. К тому же ещё и возглавляет Изборский клуб, журнал «Изборский клуб», затеял движение «Русская Мечта», ездит по стране и не только, выступает на телевидении… Создаёт стихи и рисунки. Его поэзию я называю платиновым веком русской поэзии, это особый стих — роман

Поляков «снял клятвы», опубликовав интервью «Трубадур красной империи» в газете общероссийской. Опубликовал по-партизански, поставив владельцев газеты перед свершившимся фактом. Был скандал. Ему велели написать заявление об уходе, что он и сделал. А хозяева ждали, не давая покуда хода заявлению: не рыкнут ли сверху. Оттуда не рыкали, а остальные поняли эту публикацию в прилужковской «Литературке» как сигнал — можно. И одна за другой пошли в прессе беседы с Прохановым, публикации, рецензии, радио и телевидение, приглашения в регионы… Прорвало. Вернее, прорвался.

объёмом в четверостишие. Его рисунки — тоже метафоры, сказания. Интенсивность его работы возросла кратно. То есть с каждым годом — всё плодотворнее. Что бы ни делал — всё штучно, во всём — особость.

Очень дисциплинированный, обязательный, человек командный, при этом совершенно независимый, ему невозможно навязать свою точку зрения, вынудить что-то делать вопреки его убеждению. При этом знает, что такое компромисс. Лишённый самолюбования и рисовки на публику, очень артистичен. Умеет одним жестом, интонацией изобразить человека или выразить отношение к явлению.

Настоящий лидер общественного мнения. Бесподобный оратор и полемист — ему невозможно уподобиться. Он зажёг в обществе идеи, и они разгорелись. «Россия — это империя», — провозглашает Проханов во времена, когда слово «империя» чуть ли не фашистским термином считали. И слово империя перестало быть ругательным, зазвучало гордо и из уст руководителей страны. Именно он и в газете, и везде, где мог, провозглашал имя Сталина, когда это вызывало падучую у либералов, которые ныне — в падучей Европе и на иных берегах. Кстати, сегодня едва ли не полным списком хулители Проханова — в иноагентах. Даже любопытно эти списки сравнить. Совпадут на 99,9 процента, думается. И вот вам — Сталин стал фактически победителем конкурса «Имя — Россия».

Именно Проханов восславил время Советов. Наполнил смыслом знакомые всем слова «священная война». Объяснил, почему она священна, почему Бессмертный полк — это пасхальный ход, воскрешение предков, почему Победа — наша религия.

Идей, которые он озвучивал со страниц газеты, с экранов, — не перечесть. Едва ли не большинство их рано или поздно нашло отклики в обществе. Более 1500 номеров газеты «Завтра» вышло, и в каждой — неповторимая передовица. Множество бесед, статей, выступлений Проханова. Выпущено более 100 тематических журналов «Изборский клуб», для которых именно Проханов предлагает тему, которую следовало бы разработать: все важнейшие для страны и мира проблемы подняты, освещены, предложены пути решения задач. Он чувствует время, и даже то время, которое ещё не пришло, — будущее. И говорит о нём, исследует будущее. Именно он выдвигает идеологические категории, призывая членов Изборского клуба их осмыслить. Русские коды, Религия справедливости, Священный труд, Оборонное сознание, Русское чудо, Россия — храм на Холме, Россия — душа мира, Победа побед.

Именно он провозгласил Русскую Мечту. Мир знал, что такое американская, китайская. И вот Проханов дал миру Русскую Мечту.

Он насыщает жизнь смыслами. Формулирует идеи так, что они понятны каждому: для простого человека они не заумны, для учёного мужа они не простоваты.

Помнится, как он много лет назад говорил, что на Украине зреет фашизм. Над ним смеялись. Он говорил, что бойня в Ираке — это война против России, именно через страны Востока пойдут на нас походом, далее будет Сирия, предупреждал он. «Фантазёр, дилетант» — слышал в ответ.

Неустанно, вплоть до СВО, взывал: страна должна мобилизоваться, мы слишком благодушны и расслаблены в жестоком мире. Что он слышал от ведущих ток-шоу? «Вы хотите ГУЛАГ? Концлагеря?» Эти же ведущие ныне слово «мобилизация» чаще произносят, чем «здравствуйте»....

И как только «клятвы» с Проханова были сняты, он двинулся в пути-дороги. Заводы, пароходы... Создав Изборский клуб, с единомышленниками стал распространять идеологию государственности по регионам — десятки поездок.

С Александром Андреевичем довелось «проехаться по России», когда он создавал цикл фильмов «В поисках Русской Мечты». Более двадцати регионов он объехал со съёмочными группами. И для каждого региона находил идеологию, выявлял особенность, давал романтическую и в то же время практическую характеристику.

Крым — сразу после воссоединения, Донбасс — в 2015-м. Магаданская, Архангельская области, Калужская, Белгородская, Амурская, Ростовская, Нижегородская, Брянская, Волгоградская, Псковская, Ленинградская, Оренбургская, Орловская, Владимирская, Ульяновская, Курская, Рязанская — Константиново, Саратовская, Омская, Марий Эл, Чечня, Мордовия, Владивосток, любимый Урал, Красноярский край, Северная Осетия, Южная Осетия, Татарстан, Адыгея, Якутия, Ямало-Ненецкий округ... Северная Корея, Азербайджан, Молдавия, Абхазия — дача Сталина.

Работоспособность!!! В поездках подъём в 7 часов, отбой в 23. Целый день — встречи, посещения предприятий, университетов, телевидение. Пунктуален, точен. Никогда не опаздывает. Для него заставить ждать себя — немыслимо.

В Магадане по Колымскому тракту — 8 часов в пути. По дороге — брошенные посёлки, предприятия. Остановились возле пункта обогрева — нам хотели продемонстрировать, как человек может дождаться помощи в оборудованном

помещении, коли в пути случатся неполадки. Вышли, топчемся, вдали на сопке — две фигурки. А кругом безлюдье снежное. Вот эти фигурки быстро пробираются к нам — здоровые весёлые парни: прокладывают интернет (!!!), увидели в бинокль Проханова, скатились с сопки, выражают свой восторг — поклонники. Выехали из минус сорока в Магадане, приехали в минус шестьдесят два на золотом прииске.

Обратно ехали в такой буран! Капота машины не видно. Сопровождающий вышел, нащупывал дорогу, машина ползла за ним.

В Северную Корею добирались 24 часа. Поселились в пригороде Пхеньяна в комплексе для приёма гостей и проведения особых мероприятий. С нами разместились делегации из Японии, Индии, Уганды. Ужины — за общим столом. Проханов — душа и этой международной компании. Общаемся на английском. И серьёзные разговоры, и шутки. Руководитель японской делегации сказал, что это не застолья, а настоящие конференции — столько идей прозвучало. Отмечу, что звучали исключительно от Проханова. Попросил разрешения издать (а его помощница всё конспектировала, даже шутки) брошюрой.

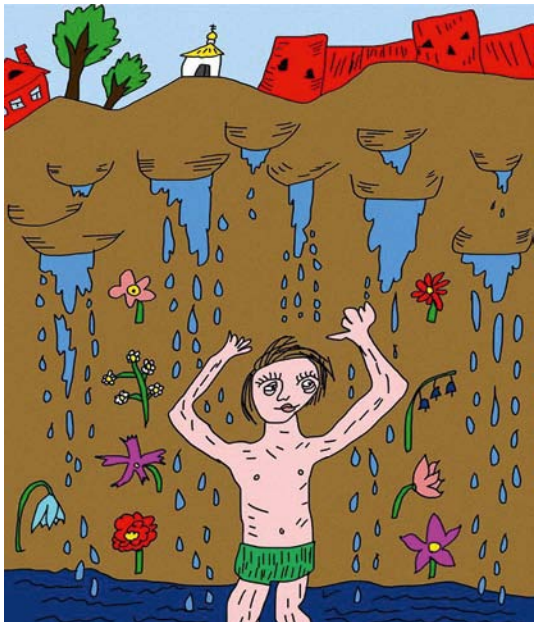
В Пхеньяне нас привезли в парк, откуда открывается изумительный вид на окрестности. Любуемся. Едем обратно — музыка. «Ягода-малина»! Нам объясняют, что в парках, во дворах домов устраивают танцевальные площадки для всех желающих, люди танцуют. Мы вышли из машины посмотреть. Увидев нас, к нам подходят женщины — приглашают Проханова танцевать, меня буквально выдёргивает в круг какой-то удалец. И мы тоже пустились в пляс.

В Дагестане по горным дорогам из одного селения в другое — несколько часов, из Северной Осетии в Южную — два перевала…

Как он умеет увидеть то, что другие не заметили в человеке, в событии, в природе! Умеет приветить, вдохновить, предвидеть. Где бы ни появился — сразу центр внимания. Ничего для этого не делая — самим фактом своего присутствия.

Беру грех на душу, но скажу: люди его воспринимают не как человека, а как божество. В том смысле, что, по их мнению, он всесилен, для него нет ничего невозможного. Поэтому и обращаются к нему с просьбами и предложениями попросту невероятными.

Круглые столы Изборского клуба — с темами самыми замысловатыми. Вступительная речь Александра Андреевича — это и нацеленность на работу, и вдохновление на неё, и тезисы — что бы следовало раскрыть и осмыслить.



Выступления на таких встречах — не для простаков. Иногда речения, прения по шесть часов. Изнывают почти все, внимание притупляется. Александр Андреевич по ходу что-то уточняет, отмечает. Самые точные слова и замечания слышишь от него, какая бы тема ни обсуждалась. Подытоживает — точнейшими фразами.

Много лет назад он в одночасье практически лишился зрения. И проблема — как он будет писать? Предложила: вы диктуйте, а я буду записывать на диктофон и расшифровывать. Он сказал, что никогда этого не делал, едва ли получится. А попробуем. Так и стали работать. Первое время — блины комами. Сейчас уже алгоритм: он наговаривает по телефону или на диктофон, я расшифровываю, редактирую, с ним сверяю, он поправляет, когда считает нужным. Так готовим передовицы, статьи, беседы. Романы, стихи — пишет, а не наговаривает.

Как скромен в быту! Сколь аскетичен, не требователен к повседневным вещам. Но при этом аккуратист, любит порядок везде и во всём.

И ни разу в жизни не был в отпуске.

Если с далёких планет сверхразумные цивилизации сканируют нашу планету, то, безусловно, отмечают перемещающуюся по Земле загадочную точку. Не совсем понятно, какова её природа. Но от этой точки исходит энергия, как от атомных станций. Это и источник творчества, словно художественная мастерская, театр, консерватория. Это и точка излучения красоты, как излучают непревзойдённую красоту берега Байкала. Мы-то на Земле знаем, что это Александр Андреевич Проханов. Точка роста. Всё выше, выше и выше…

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Из эксцентриков в эквилибристы

Об Александре ПРОХАНОВЕ и изборском сознании

РАЗЯЩИЙ МЕЧ МЕЧТЫ

К 2022 году, в котором мы отмечали 10-летие Изборского клуба, мы уже могли говорить о сложившейся парадигме изборского сознания как целостного и системного мировоззрения, играющего в современной России весьма заметную роль и оказывающего существенное влияние на политические и гуманитарные процессы. В последнее время неоднократно приходится слышать вовсе не от наших идейных сторонников, а скорее от противников мысль о том, что, увы и ах, в России образца 2022–2023 годов преобладающими стали изборская логика, изборская лексика, изборские оценки и представления о российской истории и её духовных ценностях.

Ключевую и важнейшую роль в становлении этой парадигмы сыграл главный инициатор и учредитель клуба Александр Проханов, наш человек-основа, который вошёл в клуб и в качестве персоны, писателя и общественно-политической фигуры, и также в качестве созданной им корпорации (газета «Завтра», телеканал «День-ТВ», а теперь ещё и «Наше завтра», которое возникло несколько лет назад и стало одним из лидирующих издательств патриотической литературы в стране).

Проханов в ходе долгой эволюции, большого творческого пути, проделанного им как писателем и мыслителем, выработал, выстрадал своеобразный стиль государственничества, который с поверхностной точки зрения может казаться чем-то очень простым и самоочевидным, но вовсе не является таковым. Достаточно посмотреть на десятки выдающихся русских национал-патриотов, даже и на самого Проханова как общественного трибуна на более ранних этапах его становления — все они так или иначе являли себя как эксцентрики, бросающие вызов постсоветскому порядку, колониальной системе, духу политической Смуты. И этот вызов у большинства из них был безусловно честен, справедлив, по-своему адекватен историческим моментам, в которые они жили и боролись. Но эксцентрики-патриоты не умели подняться на высоту историософского понимания, они, образно говоря, пытались принять у России преждевременные роды ещё не наступившей новой эпохи возрождения… Они были прекраснодушными патриотами и при этом негодными повитухами… (Сказанное относится в разной степени ко всем нам…)

Изборский феномен, зажжённый во многом гением Проханова, представляет собой знаковый переход из эксцентричного стиля воинствующих рыцарей «государства, которое мы потеряли» — в иной, внутренне уравновешенный стиль «Пятой империи», то есть нового рыцарства того же самого государства, но такого и в такой форме, которое мы должны обрести, которое мы лелеем в виде слабых, незаметных, почти иллюзорных ростков в текущей неприглядной действительности. Рыцарства не ностальгирующего по прежнему порядку и не плачущего о погибели Земли Русской, а мечтающего о небывалой ещё России.

И — о чудо! — вот уже ростки эти, сначала в каком-то уродливом и извращённом виде, как невыносимая смесь добра и зла, тьмы и света, скверны и правды, пробивают корку либерального асфальта, поднимаются вверх, а дальше — больше: набирают силу, того и гляди заколосятся…

Тайна этой эпохи в том, что нужно было как-то пережить Смуту, перестрадать её. Как сказано в Благой Вести, «претерпевший до конца — спасётся». Кто же не найдёт в себе силы претерпеть — тот из рыцаря России мутирует в озлобленного скептика и циника, желчного ниспровергателя не только осквернённого западниками и русофобами государства, но и брезжащей в недрах его Пятой империи…

Проханов счастливо избежал этой незавидной участи — закоснеть в состоянии отрицателя общества лжи и спектакля. Он преобразился из эксцентрика в эквилибриста. Он выработал стиль канатоходца, танцующего на струне истории, не просто верящего в конечное искупление и победу, но и как мастер с шестом — знающего о точке назначения своего, казалось бы, невероятного пути.

Изборское сознание стало средоточием нового рыцарства, которое несколько лет назад я предложил именовать орденом мечтаносцев. Мечтаносцы — это те, кто пронёс свою мечту сквозь упадок и депрессию и теперь несёт её дальше. Для них мечта не маниловщина, не близорукость и не прожектёрство, а меч разящий.

СИМВОЛ ПЯТОЙ ИМПЕРИИ

Изборское сознание, преодолевающее оппозиционный скептицизм, стряхивающее морок и усталость десятилетий предательства всего и вся, — сознание историософское и сознание мистическое. Это не просто надежда, но твёрдая уверенность в реванше России, которая не должна быть вычеркнута Богом из даль-

нейшей судьбы мироздания. В изборском сознании рациональное и иррациональное соединилось в сверхпрочный сплав, прогорклое разочарование от тяжёлых утрат и потерь закипело в этой нержавеющей реторте и пошло как пар в своего рода змеевик. Так вся прежняя скорбь перегоняется в чистый спирт Большой истории. Эта возгонка идёт сейчас полным ходом, а мы ранее лишь предвосхищали её, пророчествовали о ней и, конечно, идеализировали её. Ведь жизнь, даже победоносная, всегда отличается от нашей мечты.

Ключевым моментом этого преображения для самого Проханова стала середина 2000-х (нулевых) годов, которые действительно были отмечены пребыванием как будто на нулевой отметке, между заморозками и таянием. Своего рода вратами для нового стиля мышления и созерцания истории стала прорывная идея Пятой империи. На слух эта прохановская формула воспринимается как полушутливая аллюзия на французскую «Пятую республику» де Голля. Однако дело лежит гораздо глубже, и сами пять русских исторических эонов гораздо масштабнее, чем французские республики. Тем более что Пятая республика французов по сравнению с предыдущими республиками характеризовалась как раз полной утратой имперского характера, потерей почти всех колоний.

Для автора этих строк разительной и глубоко неслучайной рифмой явилось то, что мы, авторы Русской доктрины (2005), и Проханов в своей публицистике тех же лет, не сговариваясь, практически одновременно обрисовали концепцию пяти этапов русской истории — и границы этих этапов у нас целиком и полностью совпали. Термин «Пятая империя» авторами Русской доктрины, естественно, не использовался, но концептуальный каркас — большие этапы, перемежаемые катастрофами и Смутами, — был, в сущности, тот же самый. Также в Русской доктрине подразумевался и озвучивался имперский характер государства Российского в эти пять больших периодов. (Даже в самом спорном из этих пяти случаев — Киевско-Новгородской Руси — мы также обозначали её как «торговую империю Рюриковичей».)

В 2006–2007 годах миф «Пятой империи» был развёрнут Прохановым уже не в статьях, а в больших работах — это «Симфония Пятой империи», где давалась квинтэссенция его имперского мировоззрения; программный роман «Пятая империя», в котором моделировалась попытка русского политического заговора в русофобском, по сути, государстве; а затем идейно-публицистическая книга «Технологии Пятой империи», написанная в соавторстве с Сергеем Кугушевым.

В Русскую доктрину в историософском плане была заложена моя авторская концепция Смутных времён, в ядре своём созданная ещё в 1995 году. Нами двигала сверхрациональная вера (или интуитивное знание) в особый закон сжатия-разжатия русского пульсара, вдоха и выдоха России, «компенсационной экспансии», которая обязательно приходит после очередной Смуты и оказывается не просто возвратом утраченного, но и новым завоеванием, новым наступлением цивилизации и в пространственном, и в геостратегическом плане, и в плане цивилизационной мощи (мощи знания, технологий, культуры, способности объединять вокруг Русского мира другие народы и общества).

Со свойственной ему художественной мощью Проханов исповедовал эту веру в образе «потаённого кристалла Пятой империи», узреваемого им в путинской РФ. В «Технологиях Пятой империи» об этом писалось так: *«“Пятая Империя” ещё не имеет границ. Не имеет имперского центра. Не имеет своих опричников и гвардейцев. Но она повсюду — в каждом мгновении, в каждой молекуле русского воздуха. Так в мартовской мгле, в последних зимних позёмках начинается “весна света”. Миллионы лучей вторгаются во льды и снега, плавят, жгут, озаряют. В мире начинаются шум, блеск, сверкание. В лесах с замороженных елей осыпаются кипы снега. В полях реют бестелесные лучистые силы. И земля, ещё неживая и сонная, готова к преображению. Грезит Пасхой».*

Так происходило отыгрывание истории в иную, родную реальность, в исправленное будущее, история вызволялась из реальности чужой и чуждой, из украденного у нас настоящего.

ИЗБОРСКАЯ ОСЬ КРИСТАЛЛА

В том же 2007 году произошло знаковое событие, выходящее за рамки литературных и идеологических манифестов и выводящее их на качественно иной уровень, уровень светской литургии — был насыпан Изборский холм в Псковской области. Этот холм стал воплощением долго созревавшего ослепительного замысла, в котором Александр Проханов и Александр Нотин явились творцами

символического «изборского» мифа. Проханов формулировал этот миф как особый «святой курган», в который сносятся земли со всего Русского мира, с мест его подвигов и жертв — как «горсти муки для испечения пасхального хлеба».

В центре этой мистерии встал образ Изборска как жертвенного города, задерживающего врага (подобно Брестской крепости в Великую Отечественную войну). Это пронзительное видение смысла истории и воля к участию в ней стали результатом большого прохановского пути, развитого им особого нутряного чувства событий как текущего здесь и сейчас потока вечности. Это чувство посещало Проханова в юности, когда, как он говорит, в лугах под Лопасней явился ещё неведомый, неизвестный ему по имени Ангел Херсонеса — спустя много лет это откровение и мистическое переживание будет спроецировано на государство, на президента…

Затем на острове Даманский история показала Проханову свою изнанку, предстала как страшный ожог и в итоге заставила его ценить хрупкое и утончённое «государство-шедевр», до того казавшееся грубым неубиваемым левиафаном, нагромождением лицемерий. Это чувство до предела обострилось в нём на рубеже 80-х и 90-х годов, когда запахло в воздухе крушением несокрушимого, казалось бы, советского уклада. Наконец, эта чаша возрождающегося государственничества исполнилась в конце нулевых годов, когда созрел замысел изборского братства — стержня, вокруг которого и станет возрастать кристалл Пятой империи.

Точкой перехода на этот раз был митинг на Поклонной горе, призванный остановить Болотную, и уже мерцающий в ней новый оползень государства. Если в начале 90-х остановить такой оползень не удалось, то в 2012-м — всё получилось. И колесо истории закрутилось в обратном направлении — пошёл отсчёт русского времени. Крым, Донбасс, отторжение иноагентов, исправление Конституции, наконец, СВО, освобождение от опеки Запада и целая линейка новейших консервативных преобразований — всё это стало явью.

Формирование в 2012 году Изборского клуба знаменовало для нас разрыв с навязанной стратегией прозябания — ведь это была не просто ещё одна площадка для дискуссий, это был осязаемый итог Поклонной как самоорганизации антимайданных сил. Клуб стал точкой приложения новых исторических тенденций, может быть, даже тайным центром событий, как бы громко и претенциозно это ни звучало…

Конечно, преображение не происходило в мгновение ока, «по щелчку», процесс этот был по-своему болезненным и сложным. Но изборское сознание шло на несколько шагов впереди событий, подстёгивало их, пыталось спрямить петляющие траектории политиков.

Большой мобилизационный рывок, Синтез красных и белых, Всплывающая Империя, сберегаемый Замковый камень государства, Божественная Справедливость, Русский Ковчег, Вероучение Мечты, Идеология Победы, наши Ответы на гирлянду новейших антисистемных революций, великого обнуления, трансгуманизма, контркультурного разложения — все эти концепты и труды стали значимыми плодами изборцев, вбрасываемыми в общественное сознание и довольно быстро находящими для себя огромное число единомышленников. Изборский клуб превратился в своеобразную «фабрику мысли». Фабрика эта была не классическая, она вырабатывала не холодный рассудочный продукт, как какой-нибудь Рэнд Корпорэйшн или группа Клауса Шваба, а продукт солнечный, сердечный, по-русски одухотворённый, образно и символически заряжённый.

Сам Проханов сравнил изборский феномен с возвращением «философского парохода», ушедшего из Советской России в 1922 году и увёзшего из него творческий цвет русской религиозно-философской мысли той эпохи.

СТРУКТУРА ИЗБОРСКОГО СОЗНАНИЯ

Высший уровень изборского мировоззрения — это учение о русских кодах. К ключевым кодам обычно мы относим коды Победы, Пасхи, священного труда, оборонного сознания, общего дела, России как души мира и идеале справедливости как долженствования. Все они, а также и ещё целый ряд ключевых для русского исторического менталитета кодов получили детальную, а иногда и филигранную разработку в трудах изборцев[1].

В целом изборское сознание стоит на столпах цивилизационного подхода, за эти 10 лет завоевавшего признание в государстве (свидетельство чему — концепция традиционных ценностей и вводимая новая учебная дисциплина «Основы российской государственности»), — однако внутри этого цивилизационного подхода формационный подход

[1] См.: Русские коды. — М.: Наше Завтра, 2022

не отбрасывается, а включается в неё как платформа модерна, прогрессизма, мироощущение, необходимое для построения индустриального уклада, высокой медицины, высокого образования, высокой науки, внедрения ориентиров на доступность для каждого гражданина высших достижений человечества.

Как уже говорилось выше, изборское сознание наполняет историософия синтеза, примирения исторических начал, когда-то сталкивавшихся в противостоянии Смут и гражданских войн. Из этого синтеза прорастает учение о новом периоде русской истории как переходе к Пятой империи (позднепутинский период, он же «донбасский период» русской истории). Изборское представление о русском типе империи строится, в первую очередь, на тезисе о симфонии культур, а не колонизации одними народами других.

Однако изборское сознание — это ещё и целая цепь авторских или коллективных учений: учение о технологических укладах, учение о новом мобилизационном рывке, включающем реиндустриализацию, учение о борьбе с глобальной транснациональной антисистемной сетью, которая угрожает другим цивилизациям, учение о конце капитализма, об анонимных цифровых и сетевых войнах, в которые он сталкивает мир накануне своей гибели. Далее это также и учение о Ковчеге как отказе от глобализации и деструктивной эрозии кодов конкретной цивилизации; учение о священной истории (её сакральной составляющей) и о механизмах управления историей; учение о предпосылках стратегического союза с Китаем, а также о предпосылках союза с Индией и Ираном (проект «Аркаим XXI»), — два этих главных для России союза в изборской оптике не противоречат друг другу, а должны дополнять друг друга, служа фундаментом евразийской гармонии. В этом же ряду изборская Доктрина Русского мира, самая разработанная на данный момент в России, наиболее зрелая и законченная, а также концепция арктической миссии России, прирастающей Севером. Мы развернули свои представления о космизме и ноосферном развитии в пику трансгуманизму и постгуманизму, мы предложили ставшие во многом пророческими концепции о путях укрепления российской армии, о новой холодной войне (ещё до того, как она началась), о православном социализме, о продовольственной безопасности, концепции Большого развития и Большого стиля как аспектах Пятой империи.

Этот перечень изборских трудов далеко не полный.

СКВОЗЬ ТЕРНИИ ЭПОХИ

Изборский поиск и изборская мысль натыкалась порою на чудовищное непонимание, на проклятия и инсинуации. Сыпались они, прежде всего, из либерального лагеря, видевшего в нас возрождение «красно-коричневого» субстрата, подавленного ельцинистами в 1993 году. Но немало горящих головешек кинули в нас и собратья-патриоты, особенно рьяно из лагеря настроенных непримиримо антисоветски, антисталинистски.

В 2015 г. была проведена целая спецоперация по дискредитации Изборского клуба, связанная с якобы предложенной нами «иконой Сталина». Речь шла об иконе Богородицы «Державная», на которой под омофором Матери Божией были изображены без нимбов маршалы Победы 1945 года во главе с генералиссимусом. В церкви звучали и оценки трезвомыслящих священников, не увидевших в этой иконе противоречия канонам. Но нашлись и достаточно влиятельные силы, которые решили раздуть скандал, не предполагая разбираться в произошедшем, а просто раскрутив не терпящую никаких возражений травлю. Одним из главных застрельщиков этой неприглядной кампании был, как стало впоследствии известно, Сергей Чапнин, на тот момент главный редактор официальной газеты Московского патриархата «Церковный вестник». Активность Чапнина, его угрожающие одёргивания и обличения напугали многих архиереев и священников, епархиальные власти в двух епархиях поспешили откреститься и от самой иконы, и от тех священников, которые её освящали.

(Прошли годы. Теперь Чапнин уже из-за границы поливает грязью и Россию, и Церковь, не скрывая своего подлинного «я», а тогда он предстал чуть ли не в роли центрального ревнителя веры всея Руси.)

Поучительной была и история с экранизацией романа «Убийство городов», написанного Прохановым по горячим следам событий. Это до сих пор единственный большой роман в современной литературе, посвящённый донбасскому перелому 2014 года, В романе рельефно предстал феномен Донбасса как форпоста Русского мира, волею обстоятельств вырвавшегося вперёд и занявшего передовую площадку исторического времени, опередившего большую Россию как минимум на восемь-девять лет. Этот феномен может быть ёмко выражен словами одного из персонажей романа: *«Все, кто на Донбассе воюет, все русские люди. И у всех*

один Бог — справедливость. Мы теперь каждый — и “красный”, и “белый”, и у нас один Бог».

Член Изборского клуба, выдающийся наш режиссер Владимир Бортко, вызвался снять по мотивам романа фильм, создал сценарий. В администрации президента идею поддержали, отправили её на уровень киношных и телевизионных начальников… но там вдруг всё забуксовало, начались «мытарства» с этим фильмом… В итоге поступил сигнал: снимать фильм о Донбассе пока не время… Это было начало Минских соглашений, растянувшихся на целых восемь лет обмана, восемь лет взращивания под миротворческую риторику военной мощи киевского режима, культивирования в рамках этого режима целого поколения озверелых русофобов. Ни сопоставимой военной мощи, ни такого озверения, ни такого одурманивания массы украинских граждан в 2014–2015 гг., конечно же, ещё не было…

В 2017 году либеральные злопыхатели взломали фейсбук Проханова, чтобы опубликовать под его именем оголтелый антикремлевский памфлет. В ответ на это Александр Андреевич породил целый цикл романов, гротескно-саркастических пародий на либералов, постмодернистов, белоленточников и «эхомосквистов», получивший обобщённое название «Удар милосердия». Этот опыт ещё ждёт своего воплощения и развития в самых разных жанрах. По мотивам таких произведений мог бы быть создан роскошный сатирический мультсериал, который навсегда покончил бы в народном сознании с остатками репутации «невзоровых», «собчачек» и иже с ними.

Но ни фильм «Убийство городов», который сейчас был бы так нужен и актуален, ни мультфильм про ехидн и иудушек Русского мира так пока и не появились.

И вот — отрадный факт — недавно стало известно, что фильму по роману «Убийство городов» все-таки быть, хотя снимает его и другой режиссер. Время делает свое дело, Россия меняется. Тем не менее, эти примеры показывают, что изборское сознание, хотя и наращивает своё присутствие в национальной жизни, — пробивает себе дорогу с трудом, его не встречают с распростёртыми объятиями. Сопротивление, особенно скрытое, подспудное, в основном в высших звеньях чиновничьей элиты и в среде олигархата, очень велико.

Изборское сознание, хотя и наращивает своё присутствие в национальной жизни, — пробивает себе дорогу с трудом, его не встречают с распростёртыми объятиями. Сопротивление, особенно скрытое, подспудное, в основном в высших звеньях чиновничьей элиты и в среде олигархата, очень велико.

ЭСТАФЕТА «РУССКИХ МАЛЬЧИКОВ»

Изборский клуб по сути — это «русские мальчики» Достоевского, только, может быть, несколько повзрослевшие. Это всё те же герои консервативно-романтических радений и горячих споров с теми же вечными вопросами о Боге и человеке, социализме и Царствии Небесном, мире Божием, его счастье и несчастье, инквизиторе и слезинке ребёнка. Изборские «русские мальчики», несмотря на седину у многих, по сути всё такие же юные. Проханов в его 85 — поразительно юн, о чём можно судить по новым стихам, статьям, интервью. Так что приходят на память слова псалмопевца: **«обновилась яко орля юность твоя» (Пс. 102, 5)**.

Ангел Херсонеса хранит и ведёт нас, подсказывает слова. Проханов неодолимый полемист, известный всей стране по поединкам на Центральном телевидении. В нём работает таинственный «радиоприёмник», принимающий на заветной волне эти слова и подсказки высшего суфлёра, которого в античности считали даром Божества избранным людям. Вероятно, именно его Сократ называл даймонием, духом-покровителем, римляне — гением, христианские отцы — ангелом-хранителем. Платон считал, что это совесть, то есть связь с Богом, присущая человеку изначально.

Это радиочастоты русских кодов, частоты пяти империй, частоты «золотого времени» или того эона, который стоит выше исторического времени. Красота и смысл истории постигаются только из вечности, где история состоялась, сталась, то есть превратилась в Ставшее, в Золотое и Замкнутое совершенство. И только оно позволяет простить и принять весь ужас и кровь конкретной истории, конкретных эпох, Смут и поражений.

Не так давно вышло новое дополненное издание энциклопедии «Русская философия», в которой собраны и с академической скрупулёзностью описаны жемчужины всей нашей отечественной интеллектуальной культуры за тысячу с лишним лет. И в новом издании появились статьи про Проханова и Изборский

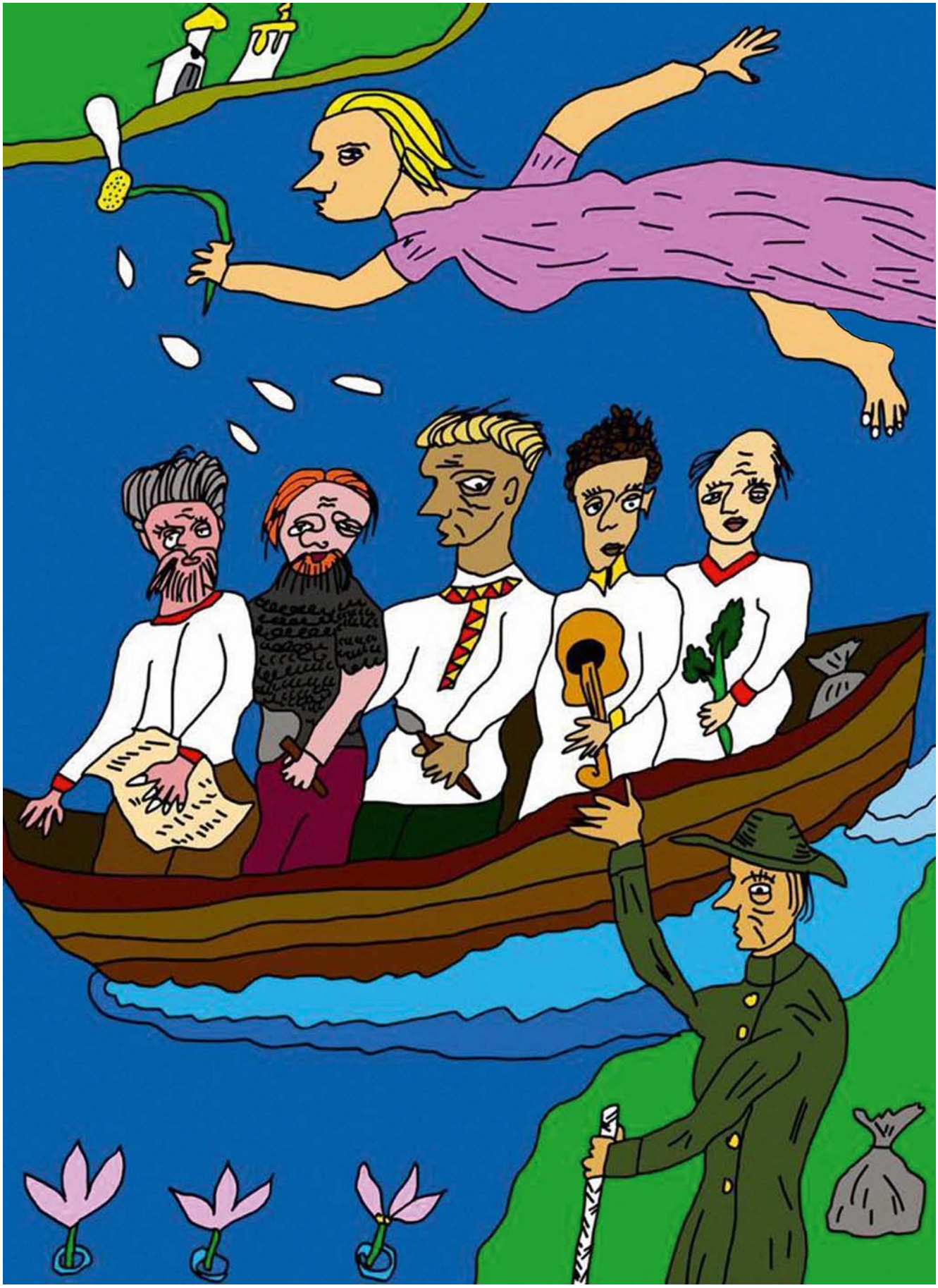
клуб. С энциклопедической ёмкостью в статье о Проханове её авторы отмечают:

«Победа является не только историческим фактом, но и символом “извечной победы”, пасхальности русской истории, обусловленной тем, что Россия восстаёт против тьмы на стороне света, потому что жаждет в земной жизни “божественной справедливости”, а русский путь определяется не расчётом и рациональностью, а интуитивной Русской Мечтой. К вариантам исторически проявившейся Русской Мечты Проханов относит: русские сказки, мифологию Святой Руси, доктрину старца Филофея о Третьем Риме, концепцию России как “Нового Иерусалима”, традицию “русской идеи” у крупнейших русских писателей и философов, идеалы русского космизма, мессианскую подоплёку красного сталинского проекта и др. явления»[2].

Изборское братство стало одним из главных героев в художественной мистерии Проханова. В каком-то смысле он не просто основал клуб, но и «придумал» изборцев, ведь до этого мы были в значительной мере каждый сам по себе, собираясь относительно небольшими группами. Конечно, многие из нас так или иначе пересекались, сотрудничали, некоторые даже дружили между собой — но большим братством всё это стало именно в 2012 году, и именно благодаря обаянию и авторитету Александра Андреевича.

Дальнейшая задача изборского сознания — изваять конкретные формы Пятой империи, не позволить забыть важные смыслы нашего прошлого, не упустить главные из наших кодов, сделать так, чтобы Пятая империя не рухнула в новую смуту, смогла одолеть вековечного супостата. А потомкам мы призваны передать эстафету — учредив не просто клуб для общения и обмена энергиями, но орден мечтаносцев, передающих наследникам свою мечту как заветный меч.

[2] Русская философия: Энциклопедия. 3-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. — М., 2020. — С. 567.



/ Вардан БАГДАСАРЯН /

Наступит ли Завтра?

Метафизика «Русской идеи» в творчестве А.А. Проханова

Одна из главных отличительных особенностей русской мысли («русской идеи») состояла в стремлении к цельности и целостности. Цельность образа Христа можно считать идеалом её раскрытия. Не случайно, что особенно близким для русской рефлексии образом оказался образ Троицы, выражающий единство в любви — неслиянность при нераздельности. Нерасчленима и душа человека. И именно Душа, а не Логос, как на Западе, стала ядром русской культурной рефлексии (прежде всего — великой русской литературы, советского кинематографа).

Цельность русской мысли не равна другому её качеству — целостности как противоположности партикулярности. Русское стремление объединить — спаять идейно и духовно — принципиально отличается от стремления всё упорядочить, разложить по полкам, чем, к примеру, отличалась немецкая классическая философия. Из русского стремления производна и особая российская интеграционная модель — мира миров. Эта модель в публикациях Изборского клуба получила название Русского Ковчега. Этническое многоцветие при цельности единого под скипетром «белого царя» государственного жизнеустроения. Русская политическая модель состояла не в том, чтобы разделить на части (теория разделения властей), отделить одних от других (партстроительство — от партии — этимологически — части чего-либо), а собрать воедино. Для отражения этого аспекта модели российского государственного жизнеустроения используется другое название из лексикона российского государствостроительства — Русский Собор. От устремления к цельности русской мысли была производна и её вселенскость, о которой в «пушкинской речи» рассуждал Ф.М. Достоевский.

В идеале достижения цельности русская мысль оказывалась антиподом западной мысли, построенной на анализе, препарировании целого. Позитивизм возник исторически на культурной почве Запада и может рассматриваться как феномен того, чем русская мысль не является. Запад расчленял и деконструировал. Россия объединяла. При этом её объединение выстраивалось не как синтез, механическое сцепление частей, а как симфония, обретение цельности субстанциональной.

Все эти рассуждения о русской мысли были нужны для выхода на понимание феномена Александра Андреевича Проханова и связанного неразрывно с его именем Изборского клуба. Именно Проханов и именно Изборский клуб соответствуют в наибольшей степени тому, что было принято понимать под «русской идеей», являются её носителями. И, вероятно, никто другой не выступает сегодня столь очевидно с установкой обретения русской цельности, как Александр Андреевич. Собственно, им в начале 1990-х годов и было поднято знамя нового собирания русской духовной рати. Враги назвали эту рать «красно-коричневыми», призывали к расправам над ней, запретам, арестам, расстрелу.

«Красный» компонент этого движения был, безусловно. Красный не только в обращении к большевикам — создателям советской державности, но глубже — к русской семантике борьбы за идеалы. Восходил он к красным стягам русского воинства великого князя Московского. «Коричневого» в прохановском движении не было никогда, и нацистская семантика отвергалась категорически. Об-

ращение к русскому осмысливалось в надэтническом цивилизационном смысле. И в этом качестве соработниками под стягом «святой Руси» (Руси, сплотившей, согласно советскому государственному гимну, народы) могли выступать и выступали представители разных этнических культур.

Тогда, в начале 1990-х годов требовалось поломать установленное как стереотип деление патриотических сил на левых и правых. Враги провоцировали столкновение этих флангов в междоусобной распре, извлекая из неё дивиденды. Проханову удалось впервые соединить патриотов «за Советский Союз» с патриотами «за Российскую империю». Не красных и белых, так как красными были и троцкисты, а под вывеской белых выступали де-факто февралисты, а державников — большевиков с державниками — монархистами, тех кто за Сталина, с теми, кто за царя. Такое собирание сил лево-правого спектра явилось важным смысловым и ценностным прорывом. Народы и цивилизации не бывают ни левыми, ни правыми. Справа бралась религия, семья, традиция, слева — государственное регулирование, коллективизм и равенство, потенциал науки и технологического развития. И этот союз тогда — в 1990-е годы — состоялся. А дальше происходит идейный разгром либералов, затаившихся и перекрасившихся, приспособившихся к либеральной риторике. А в 2022 году указом президента утверждаются традиционные духовно-нравственные ценности России, которые и были результатом преодоления лево-правого разделения российской мысли.

Проханов соединяет не только настоящее, но и историю. Разрывы исторической преемственности приводят к цивилизационной смерти. Распадается связь времён, и прошлое оказывается выброшенным из картины настоящего, происходит манкуртизация, перепрограммирование коллективной памяти. Угрозы таких разрывов для России известны:

1. Разрыв между Древней Русью и Московским царством (по этому направлению, как известно, активно работает украинская пропаганда).
2. Разрыв между Московским царством и Российской империей (антипетровская и антимосковская группировки критиков).
3. Разрыв между Российской империей и Советским Союзом (антисоветская пропаганда).
4. Разрыв между Советским Союзом и современной Россией (либеральная идея преодоления фатума несвободы российского прошлого).

В противоречие этим распадным установкам Проханов выдвигает историософский концепт пяти империй. Сообразно с ним Россия исторически самовосстанавливалась как империя, а следовательно, пятая империя неизбежна. И новое имперостроительство будет преемственно имперостроительству Сталина, Петра I, Ивана Грозного, Владимира Крестителя — культурных героев прежних имперских воплощений России.

Изборский клуб было бы неточно назвать модным сегодня словом «проект». Проекты предполагают определенный алгоритм, сопряжённый с технологиями, ресурсами, календарным планом. Всё это важно, но важно и другое… Чтобы появились проекты, нужен исходный идеал. Над генерацией этого идеала и работает Изборский клуб. Выдвигаемый идеал для России был назван «Русской Мечтой» — коллективным цивилизационно-идентичным идеальным.

Поезд «Русской Мечты» (Александр Андреевич назвал его «Бронепоездом») — остановки — очаги российской цивилизации — Псков, Петербург, Тверь, Москва, Рязань, Краснодар, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Симферополь, Севастополь. Проханов соединяет не только людей и эпохи, но также пространства. Каждая из российских земель внесла свою лепту в единое российское цивилизационное строительство. Выявление этого вклада и раскрытие его через яркие узнаваемые образы — культурные коды и составляет суть замысла — создание карты Российской цивилизации.

Движение Русской Мечты должен был непременно возглавить писатель. Нужен был язык метафор, которым Проханов владеет мастерски. Нужны были не только логические схемы (а они тоже важны), но и художественно мотивирующие образы. И такие образы — Русский Ковчег, Пятая империя, Русские коды, Русский чертёж, Русская Победа — были выдвинуты.

Характерной особенностью русской мысли является её эсхатологизм. Если западная мысль была акцентирована на настоящем, а восточная — на воспроизводимом через Традицию прошлом, то русская — на будущем. Причём русское будущее — не прогнозное время, а финалистское, апокалиптическое. Футурология в российской версии мыслится как эсхатология, последнее разрешение субстанциональных вопросов добра и зла. Эсхатологом является и Александр Андреевич Проханов. Его борьба — это Армагеддон, его образы — метафизика Апокалипсиса. Соци-

альная перспектива для Проханова есть построение Царства Божьего на Земле. О таком царстве мечтали и православные эсхатологи, и большевики. Пять империй России и являлись устремлением к такому Царствию. Кто-то может сказать о неканоничности хилиазма. Но разве существует канонический христианский запрет на то, чтобы бороться за построение государственности по лекалам заповедей Божьих?

Тот же риторический вопрос можно поставить и в связи с апелляцией Проханова к идеям космизма. Безусловно, космизм неканоничен в церковном понимании. Но живая мысль выходит за рамки канонов. Думаю, в космизме Проханова привлекла, прежде всего, фёдоровская философия «общего дела» как нереализованная идея духовной консолидации человечества.

Газета «Завтра» в этом смысле не есть газета текущей политики, а издание политической эсхатологии. Прохановское Метафизическое Завтра — это и есть Царство Божье на Земле. А Царство Божье на земле — и есть Русская Мечта.

И теперь — главное… В 1993 году вместо запрещённой газеты «День» Проханов учреждает газету «Завтра». Известно, что мечта никогда не достигается, а завтра никогда не наступает. Но произошло чудо. И похоже, что Завтра в прохановском смысле всё же может наступить. Вокруг поднятого Прохановым знамени консолидировались силы духовного сопротивления. Шаг за шагом отвоёвывается позиция за позицией. И вот уже идеи «Завтра» звучат из Кремля. Остался всего один, но самый важный шаг: воплощение Слова государственников в государственное Дело.

/ Сергей БАРАНОВ /

Изборское сознание: ответы на вызовы русского времени

Изборский клуб — сегодня наиболее заметное идейное объединение России. По истечении десяти лет с его учреждения ясно, что в своём коллективном составе клуб, возглавляемый Александром Андреевичем Прохановым, — мощное явление мысли первых десятилетий XXI века. И оно определило облик современного русского мировоззрения.

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ СОРАБОТНИК ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ РОССИИ

Цивилизация есть ответ на вызовы времени. Россия живёт как бы в своём времени, которое нужно творить, иначе оно «свернётся», истечёт. Цивилизационная воля — творческие ответы на многочисленные вызовы времени русскому народу и государству. Давать ответы — не просто отбиваться от врагов, а создавать своё, сначала как мечту и проект. Время, в котором живёт народ и цивилизация России, — не простое, «профанное», а осевое. Изборский клуб, как, конечно, и отдельные другие наши сообщества, выражает именно дух русского осевого времени. Публицистическими, поэтическими, аналитическими, философскими, историческими текстами его авторов говорит какая-то глубинная часть души России. Речь их не является заранее заданной формулой, имитацией и постановками «общества спектакля», к которому постепенно, с середины 1990-х, сводилась публичная риторика в мире, в том числе и в России.

Коллективный субъект цивилизационной воли — автор серии цивилизационных выборов по основным вопросам, перед которыми стоит наша страна. Задача сообщества Изборского клуба — прояснить ситуацию этих решений, которая не всегда очевидна в засорённом общественном и личном сознании, и предложить наиболее правильные варианты. Говоря о конкретике, это и судьбоносные решения о Специальной военной операции (СВО), и защита традиционных ценностей, и избавление от пятой колонны, и южноазиатский геополитический вектор в создании транспортных коридоров, и переход к новой экономике. Что такое цивилизационная воля применительно к отдельному человеку и к стране? Её стержень — формула практической философии движения «от Русской Мечты к Победе». Изборский клуб поднял флаг Русской Мечты, показал, что русские и все россияне имеют право на свою общую и личную мечту, так же как, скажем, и китайцы — на мечту китайскую. Формула заработала, и Мечта с Победой творят новейшее русское время, время России.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПЕРВОРОДНОСТЬ

Уникальность мировоззренческой мысли состоит в её цивилизационной первородности, в живой повседневной мысли о своей цивилизации и о других цивилизациях, народах и политических деятелях. «Живая вода» из родника Изборской мысли — мировоззренческая оптика, её чистые незамутнённые глаза, которыми часть российского общества видит себя и других, своих партнёров и врагов. Изборский клуб и движение Русской Мечты — самоорганизующийся цивилизационный проект, ориентированный в будущее, а не в прошлое. Это не «задний ум», которым крепки многие консерваторы, а ум крылатый. Основные его плоды должны прорасти через 10–20–50 лет. А может быть, уже через полгода. Сейчас Россия «проскакивает» на лету за месяцы то, к чему «карабкалась» десятилетиями.

Этому уже предшествуют десятилетия трудов членов Изборского клуба, десятки книг и докладов по основным отраслям стратегического планирования и обществознания. Многие официальные российские институции, которые по своему назначению должны были бы этим заниматься, сегодня по-прежнему заблокированы в качестве инструментов мировоззренческой оптики. А «глаз» государства: это и академические институты, факультеты и лаборатории вузов, государственные и корпоративные аналитические центры, многочисленные фонды, медиа, пиар-структуры, — все они либо издают ничего не значащую продукцию для отписки, для галочки, повторяющую сто раз уже пройденное, либо продолжают накачивать общественное сознание второсортной западной идеологией и картиной мира. Тем самым образуются наслоения псевдоморфоз, складывающиеся в бесконечные тупики истории, культуры и человеческих судеб. Либо создаются

Изборский клуб — это не «задний ум», которым крепки многие консерваторы, а ум крылатый. Основные его плоды должны прорасти через 10–20–50 лет. А может быть, уже через полгода. Сейчас Россия «проскакивает» на лету за месяцы то, к чему «карабкалась» десятилетиями.

фантомы из симулякров, которые не способны сформировать Повестку великой страны. За них вынуждены отрабатывать Изборский клуб и отдельные мозговые и идеологические центры, которые можно сосчитать по пальцам.

ПРООБРАЗ СЕТИ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ

В современном мире мозговые центры, обладающие определённой интеллектуальной автономией, образуют нейросеть общественного сознания, предлагая свой собственный вариант мысли и действия на государственном уровне. Это не просто живые компьютеры, собирающие на заказ данные и проекты, а общественные институциональные структуры, энергетически пробуждающие цивилизационную волю и интуицию у власти и общества. Число общественно-политических и интеллектуальных клубов в России позорно минимально и укладывается в один десяток. Из них лишь единицы реально работают и регулярно выдают «на-гора» осмысленные продукты. Большинство по разным причинам неэффективны. Они либо существуют на бумаге, никогда не собираясь; либо проводят заседания ни о чём с громкими темами; либо погрязли в бесконечных внутренних дискуссиях и посиделках; либо заняты саморекламой и вбросами в социальных сетях.

Численность мозговых центров в России уступает численности таковых в США более чем на целый порядок (150 против 1776, по другим данным —1781) и почти на полпорядка в Китае (600). Россия также уступает здесь Индии, Великобритании, Германии, Франции. По численности работников и их реальной оплате мы отстаём ещё больше. Это говорит о том, что данный инструмент управления сознанием не востребован в России. Он противоречит сложившейся закрытой извне системе информационной циркуляции и заменён имитацией и тайными вливаниями кому-то нужных инсайдерских мнений. Сочетание мозговых центров и публичных клубных площадок, на которых происходит апробация их результатов, создаёт инфраструктуру общественного сознания.

Изборский клуб выступает одним из наиболее плодовитых интеллектуальных общественно-политических клубов и мозговых центров, продукция которого отвечает стандартам качества и новизны. Он выдвинулся на роль лидера соответствующих структур в патриотическом крыле. Свидетельство — проведённые им во второй половине 2021 года дискуссии об образе будущего России с участием представителей клубов на основе интегрального доклада «Идеология Победы как национальный проект» (автор-составитель В.В. Аверьянов)[1]. Доклад в концентрированном виде выразил итоги ряда резонансных работ предыдущих лет.

НАД ОДНОСТОРОННИМИ КРАЙНОСТЯМИ

Изборскому клубу удалось соединить то, что долго не удавалось в российской истории, хотя и давно назрело. Он соединил две непримиримые идеологии, красную и белую, революцию и реакцию, незыблемый фундамент и полёт в небеса, динамику и статику, движение вперёд и вечное возвращение, духовность православия и материализм политэкономии, идеалистический романтизм и жёсткий прагматизм, мечту и трезвую рациональность, народ и власть. И он соединил всё это так, чтобы оно обрело новое качество и со временем воплотилось в новом интегральном общественном, технологическом, экономическом и культурном укладе, который формируется в России. Только вместе они будут успешными и долговременными.

Изборский клуб — попытка построить мост между исторической Россией и Россией будущего, посреди которых лежит идеологическая и культурная пропасть. А.А. Проханову в одном из своих, на мой взгляд, лучших идеологических романов «Таблица Агеева» удалось построить объединённое поле русского сознания. Он осуществил это в виде светоносной многоликой периодической таблицы цивилизационных кодов, являющихся главному герою романа в трансовых или сновидческих состояниях. Но, по сути, лидер Изборского клуба этим же занимается и в других своих работах, еженедельных колонках, статьях, заметках на злобу дня в газете «Завтра». Особый стиль Изборского русского сознания — его видение реальности и будущего изнутри цивилизационных кодов, в специальном изменённом состоянии провидца. Без которого, кстати, вообще сложно писать серьёзные тексты, приоткрывающие над текущими и прошлыми событиями завесу густой информационной и обывательской лжи и тавтологии.

[1] Изборская идеология. — М.: Наше завтра, 2022.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И НАРОДНАЯ ПОЗИЦИЯ — ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ СЕГОДНЯ?

Конечно, один из главных продуктов Изборского клуба — образ мыслящего и действующего русского человека в современном мире 2010–2020-х годов, накануне антропологического перехода, оборачивающегося в бесконечную череду перемен. Это всё те же герои романов Проханова, других известных членов клуба — авторов статей и докладов о русских кодах и о русском человеке как традиционном цивилизационном типе. Здесь приоритет созидания и трогательного отношения к истории, присутствие духа, веры и мечты, волевая расчётливость и гибкость, жертвенность и сноровка, интеллигентская утончённость и открытость простонародной мудрости, фундаментализм и динамизм, национальное мышление и интернационализм. Сегодняшний патриот — человек, который играет «вдолгую», понимая временность и обречённость несправедливых порядков и институтов. Но он должен не лежать на печи и ждать, периодически выражая своё недовольство, а работать со здоровыми государственными силами. Это человек не монструозный, устрашающий, а гибкий, современный и культурный. Он, безусловно, опасен для врагов, он просчитывает их коды, он привык иметь дело с отупевшим обывателем. При этом мы понимаем, что главная ценность — это России вечная, обладающая самостоятельностью, преемственностью и силой своего государства. Россия должна собраться и маршем пройти через гибридную эпоху, не задерживаясь в ней и не заглядываясь в бездну, не засыпая, не впадая в эвтаназию потребительского денежного общества.

СИНЕРГИЯ И МНОГОГОЛОСЬЕ

Изборское сознание — результат индивидуальной деятельности десятков членов и экспертов Изборского клуба в разных регионах России. В большинстве случаев они пишут и выступают по собственной инициативе, периодически откликаясь на призыв товарищей о разработке той или иной темы, но высказывая своё собственное видение вопроса. Руководство клуба создало возможность этой работы и продвижения её результатов, сведения их в единые мастерские мысли по определённым темам. Они придерживаются разных философских и религиозных взглядов, оценок политических и исторических фигур, современных политиков. Однако они едины в главных моментах:

неприятии западнической неоколониальной позиции во всех её разновидностях, делающей Россию униженной периферией; поддержке идеи Пятой империи — новой формы российского государства и цивилизации; приоритете позиции народа над интересами и заблуждениями узких групп; признании ценности всей русской истории.

УСЛЫШАТ ЛИ ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО?

Станет ли изборское сознание исторически ценным Знанием, влиятельным идейным оружием страны? Есть шанс, созданы предпосылки. Однако полностью всё решит дальнейший ход исторических событий. Предстоит сделать ещё очень много: создать детальный образ нового социально-экономического устройства, соответствующего Русской Мечте и ведущего к Победе. Необходим детальный план перехода к нему. Такое ощущение, что в значительной массе российское общество, пытаясь догнать, вернуть уходящую «прекрасную эпоху», сидит и пытается насладиться жизнью на огнедышащем вулкане, по которому уже поднимается вверх через геополитические разломы раскалённая лава осевого исторического времени. Пора духовно и организационно мобилизоваться и использовать шанс.

ОТВЕТ ФАЛЬСИФИКАТОРАМ ИЗБОРСКОГО СОЗНАНИЯ

Благодаря трудам на ниве русской цивилизации и творческой позиции Изборский клуб обрёл множество недоброжелателей, не стесняющихся прибегать к ядовитым наветам. Взгляды ведущих мыслителей Изборского клуба подверглись извращениям и фальсификациям со стороны западнического неолиберального сообщества. Остановлюсь только на двух ярких примерах.

Д.э.н. Б.В. Корнейчук в статье «Принципы и противоречия Изборской доктрины»[2] обвинил Изборский клуб ни много ни мало — в «варварстве», назвав три его принципа: этнический национализм, якобы вытекающий из использования термина «русофобия» (борьба с русофобией и за права русского народа — это национализм?!); «примат идеологии» (а что в этом плохого?); «негативное отношение к демократическим ценностям и правам человека». Откуда он взял последнее? Это вовсе не вытекает из действительно плохого отношения изборцев к либералам и либеральной идеологии, к западникам и рекрутируемой из них пятой колонне. Мыслители Изборского клуба уважают человеческую личность как подобие образа Божьего, считая сохранение традиционной личности огромной ценностью. Именно в этом смысл прав человека, а не в разложении личности разных народов через права меньшинств. Узкий национализм также был всегда чужд Изборскому клубу, который исходит из понимания своей миссии и доктрины как общеевразийского и мирового явления, противостоящего варварству глобальной олигархии.

Имеет место и фальсифицирующая критика изборского сознания справа со стороны тех, кто придерживается православно-монархической, антисоветской ортодоксии. В качестве главного обвинения против Изборского клуба выдвигают вероисповедную идеологию Победы. Историк-монархист М.Б. Смолин считает, что её, мол, «гипертрофируют до абсолютно шовинистического взгляда на 9 мая как на Победу Побед (всё с большой буквы)». Критик справа считает: «Их мечтаносные «шлюзы» подозрительно напоминают те кингстоны, которые уже открывались большевиками при затоплении корабля Российской империи». Фактически историк-монархист обвиняет в своём «Розыске...» авторов

[2] Корнейчук Б.В. Принципы и противоречия Изборской доктрины. // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 72–79. С. 72, 77.

доклада в идеологии развала империи, сравнивая СССР с «безумным потопом»[3]. Критики справа не хотят понять, что социализм Четвёртой империи, как относительно справедливый строй без олигархии, не может быть вычеркнут не только из прошлого, но и из будущего России, из её мечты, из её сути, а не просто из истории её побед.

Основной упор Смолин делает на критику вероучительного характера Изборской идеологии. Однако любое серьёзное глубинное идейное движение, если оно не верхушечная группка интеллектуалов, может быть только вероучительным, то есть религиозным, основанным на вере, хотя и восходящим в своей основе и повседневной жизни к православию, но не заменяющим его. Примером сотрудничества может служить участие Изборского клуба в Рождественских чтениях Русской православной церкви в качестве отдельной секции. Создание духовного и идеологического культового движения с верой в Россию и её Победу не означает ереси и секты, а, наоборот, избавляет от риска скатывания к таковым. Православная церковь, в свою очередь, не может выступить политико-идеологическим центром и конструктором будущего, и мы не вправе требовать этого от её пастырей. Попытка создать такое внутри церкви привела бы к ереси и угрозе односторонней политизации.

В мировоззрении членов и экспертов Изборского клуба в разных индивидуальных вариантах авторов присутствует широкая философская духовная платформа, совместимая с традиционными религиями, признающими духовную архитектуру мира, и оставляющая им свободу веры. Я бы назвал её соборным персонализмом, по аналогии с мировоззрением русских религиозных философов Серебряного века, наследником которых наряду, разумеется, и с другими течениями русской мысли выступает Изборский клуб. Соборный персонализм — философско-метафизическая основа русской идеи, которая должна быть ведущим направлением русской цивилизационной философии. Она представляет собой консервативную фундаменталистскую позицию по отношению к западному мейнстриму. Это русское народное религиозное мистическое сознание, восходящее к глубинному православию. В современном мире может быть влиятельна именно такая гибкая идеологическая схема мировоззрения, не претендующая на полноту истины. Узкая православно-монархическая платформа не способна заменить его и может быть только составной частью российского традиционализма.

Любопытно, что в своих формулировках против Изборского сознания М. Смолин сближается с либералами, приписывая изборянам «тоталитарность коммунистических человекостроителей», чего никогда и никем из них не заявлялось; а также называя высочайшую историческую оценку Победы 1945 года в Великой Отечественной войне «шовинизмом». Как можно договориться до такого? Подобная обструкция изборского сознания, основанная на ярлыках, абсолютно неприемлема в традиционалистском лагере и вызвана, можно только догадываться, не чем иным, как завистью и нежеланием работать мышлением и волей. Признанием серьёзности идейного влияния Изборского клуба стала террористическая атака Запада руками головорезов из украинских спецслужб на крупнейшего философа А.Г. Дугина и его соратников, приведшая к трагической гибели блестящего молодого мыслителя Дарьи Дугиной. Исключительность акции террора против изборского сознания в том, что украинские власти из страха личного возмездия до сих пор воздерживаются от террора на территории московского столичного региона, тем не менее они дерзнули напасть именно на его творцов, а не на каких-то других врагов украинского режима. Главное в украинстве — психологический террор, направленный против сознания. Она совпала по времени с введением Украиной санкций против видных членов Изборского клуба, которые можно истолковать как сигнал к его упреждающей международной изоляции с целью не допустить распространения идей клуба за пределами России.

Но, на мой взгляд, усиление международного влияния изборского сознания неизбежно. Перспективой может стать превращение сообщества клуба в крупнейший мозговой и идейный центр массового духовного движения России, всей Евразии, всего мира. Движения, альтернативного западному глобалистскому мейнстриму.

[3] Смолин М. Розыск об изборской вере Ордена мечтаносцев. / Наследие империи. 10 и 11.12.2021. https://rusnasledie.info/rozysk-ob-izborskoj-vere-ordena-mechtanoscev/.

/ Фёдор ПАПАЯНИ /

Деятельная мечта

Со-знание Изборского клуба, как я его понимаю, это совместное знание о сущностях, явлениях и процессах в разных сферах. Речь идёт о Высшем знании и одновременно о знании земном. Речь идёт об их неразрывной связи. Знание получено как плод осознания, как результат размышлений, опыта и учений свободных мыслителей, собранных и сплочённых авторитетом председателя клуба. Александр Андреевич Проханов заслуженно является совестью русской нации и пастырем многих её интеллектуалов.

Совместное Изборское знание, о котором идёт речь, структурировано командой членов и экспертов клуба. Каждый из них вносит свою посильную лепту, осмысляет свою проблему, развивает свою идею, иногда приходя к выводам, в какой-то мере отличным от мнений других членов. Как в хоре песнопения искусный дирижёр гармонизирует капеллу, направляя разноголосье в единую чарующую мелодию, так и председатель Изборского клуба превратил разнообразные знания его членов в единое вероучение Русской Мечты и Идеологии Победы.

Любой ум тускнеет в окружении бездарей, а любая мысль постепенно угасает, пребывая в поле ничтожных идей или стремлений. И наоборот, пытливый ум возвышается в окружении деятельных талантов, а человек интеллектуально развивается в полном соответствии с поговоркой: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Поэтому самый короткий путь обретения мудрости — пребывать и творить в обществе современников с просветлённым сознанием. Изборский клуб, собранный Александром Андреевичем, является для многих уникальным

сообществом для такого роста. Клуб по сути своей является проекцией духовной и интеллектуальной глубины личности самого А. Проханова. Для изборского сознания нет непосильных теоретических проблем социума или неразрешимых гуманитарных задач.

Изборское сознание включает условные нейронные сети, занятые аналитикой разных социальных сфер. К примеру, клубная нейронная сеть сознания под условным названием «любомудрие» мощнее и куда полезнее отечеству, чем целый Институт философии РАН, руководство которого давно стало проводником антигосударственных установок с приоритетом «всечеловеческих» универсальных ценностей Запада. Русская Мечта в этой сети рассматривается как философская и социальная категория, которая зиждется на православной культуре. Нейронная сеть идеологии занята сложнейшими вопросами идеологических построений. У изборского сознания нет тёмных пятен в идеологии. Все идеологемы проработаны до филигранного блеска. Клубом разработано несколько идеологических концептов, различающихся по форме, но абсолютно единых по содержанию. Экономическая сеть клуба выступает оппонентом финансового экономического блока правительства РФ и Центробанка («птенцов гнезда Гайдарова»), не допускающего должного экономического развития России. Одновременно тут разработана программа экономического возрождения России. Сеть военной аналитики даёт объективное понимание процессов при проведении СВО, признавая и объясняя неурядицы и одновременно раскрывая стратегию победы и её победоносные идеологемы. Историческая нейронная сеть показывает, что будущее зависит от правильного осмысления прошлого, от выводов, вынесенных из исторических уроков. Политологическая сеть не только осмысляет сегодняшнее геополитическое противоборство, но и противостоит интеллектуальным вызовам, а также контенту актуальных информационных угроз. Нейронная сеть культурологов представлена борьбой за традиционные ценности. Все нейронные сети изборского сознания пересекаются, собирая воедино всю аналитику в изборское миропонимание.

Несколько десятилетий тому назад я услышал по телевидению от А. Проханова, что он «солдат империи». Слово «империя» с 1917 года и во всю допрохановскую эпоху было почти что ругательным, тождественным насилию над народами, сродни какому-то мистическому ужасу. От Александра Андреевича я узнал, что на самом деле империя — это лучшая из известных форм государства, когда-либо выработанных человечеством. Империя по Проханову — это симфония народов, симфония языков, симфония пространств, симфония культур и верований. Это организация разрозненного, рассечённого человечества в огромную симфонию. Поэтому не надо бояться слова «империя» — учит Проханов. Имперское учение Александра Андреевича побудило меня на собственные научные изыскания в этой области. Теперь я и многие мои соратники из Изборского клуба Новороссии стали убеждёнными имперцами.

Империи, как и люди, имеют разные лица, разные души и разную судьбу. Империи делятся на варварские (колониальные, морские) и цивилизационные (мироустроительные, классические). Единство цивилизационной империи — во множестве населяющих её народов и их культур. Только в рамках объединяющего цивилизационного имперского проекта можно сохранить суверенность, этническую самобытность, защитить народы от «катка» глобализма, уничтожающего национальную идентичность. Вопрос воссоздания в России цивилизационной империи (Пятой по Проханову) — это очень важный вопрос национальной идентичности, являющийся стержнем, главной опорой национального сознания и достоинства не только русских как титульного этноса, но и всех без исключения составляющих империю народов. Возрождение этой Пятой империи можно рассматривать как реализацию естественного права наших народов на жизнь и спасение.

Членов Изборского клуба иногда упрекают в излишней мечтательности, от которой мало проку. Мол, Русская Мечта по своему психотипу сходна с народной сказочной мечтой о Золотой рыбке, исполняющей все желания. Мол, с её помощью прохановцы надеются распутать клубок накопившихся российских проблем. На это изборское сознание может ответить так: «Если идея не реализована, то она действительно может восприниматься прелестным мечтанием. Но если она реализована — то сразу приобретает статус мудрой идеи и умелой политической практики».

Рассмотрим Русскую Мечту на примере ЛДНР. Тем более что мечтания русских Донбасса чёрным по белому прописаны в государственной идеологической доктрине «Русский Донбасс». Итак, уже сбылась мечта о вхождении Донецкой и Луганской республик в состав Российской Федерации в качестве её полноправных субъектов. Сбылось и то, что Донбасс стал передовым бастионом Русского мира, русской нации в сопротивлении этнокультурному и геополитическому поглощению извне, стал одной из опор православной цивилизации. В ЛДНР русский народ является ведущим субъектом исторических процессов. В ЛДНР все на 100% русские, пусть и различного этнического происхождения. В ЛДНР внутренняя русофобия полностью искоренена, проведены деолигархизация и национализация собственности украинских олигархов. И тут появляется риторический вопрос: «До того как вышеупомянутые мечты дончан сбылись, это были наивно-прекраснодушные мечтания (которые сродни прелести) или, наоборот, это были мечты-планы как руководство к действию?!»

Русская Мечта по-прохановски всегда деятельная, всегда созидательная, она реальна и серьёзна, она всегда является стратегическим планом. Русская Мечта и Идеология Победы в таком контексте едины и неразрывны.

Сим победиши!

/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

Чудо Русского мира и изборское сознание

Десять лет Изборскому клубу. Юбилей его основателя Александра Андреевича Проханова. Встречи, споры, поездки, книги, статьи, передачи. Пора подвести черту, оглянуться в прошлое, выделить «параметры порядка», определявшие пройденный путь. Время заглянуть в будущее, которое сейчас создаётся народом нашего Отечества, и его грядущее, которое формируется также благодаря усилиям Изборского клуба. Среди прожитого, проделанного, продуманного обращу внимание только на три грани кристалла изборского сознания, которые кажутся мне самыми важными.

ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней.

Ф.И. Тютчев, 1870

Удивительным образом основания изборского сознания определяются теми словами, которых нет в европейских языках или там они понимаются по-другому.

Совесть — способность самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности, глубокое осмысление и принятие в себе гражданского долга. Она отражает золотое правило этики, как оно сформулировано в Евангелии от Матфея: «И так во всём как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Но понятие совести в нашей цивилизации шире. Можно вспомнить этику Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне». Это западное видение — человек песчинка в океане вселенной, и только к себе он и обращается.

Совесть в мире России — уникальной, удивительной, самодостаточной цивилизации — это иное. Это «со-весть» — совместное, соборное переживание произошедшего с Отечеством и каждым из нас и активный отклик на это.

Типичное обращение к человеку, с которым что-то случилось на Западе: «У вас есть проблемы?», у нас: «Как вам помочь?» Это очень большая и важная разница.

Сознание. Удивительно сложное и интересное понятие, не понимаемое в должной мере современной наукой, и вместе с тем — одно из оснований нашего бытия. Когда учёные начали всерьёз заниматься созданием искусственного интеллекта, то оказалось, что мы очень плохо понимаем, что такое естественный интеллект.

Со-знание — совместное действие. Круглые столы, обсуждения, журнал «Изборский клуб. Русские стратегии» меняли восприятие и оценки происходящего у каждого из нас. Для этого и нужен клуб. И далее каждый реализует многое из понятого нами вместе, наше совместное знание, в тех пространствах, в которых он работает и играет значимую роль.

При этом очень важна *целостность, сочетание рационального, интуитивного и эмоционального восприятия*. Наука, искусство, публицистика — грани сверкающего изборского кристалла. Но высшие смыслы важны и интересны не только сами по себе, но и как инструмент преобразования Отечества, позволяющий пробиться к звёздам.

По-моему, очень точно сказано в автореферате Ю.С. Черняховской — дочери члена Изборского клуба: «Можно в известном смысле утверждать, что политическая наука своим ядром имеет политическую философию, а политическая философия — художественную метафору, то есть в итоге сама политическая мысль и политическое знание оказываются соединением политического и художественного... Научно-технический романтизм может быть рассмотрен как форма мифотворчества, как создающий политический конструкт, обращённый в будущее, обладающий способностью идеального политического конструирования и прогнозирования и выполняющий функции производства базовых образцов, интеграции общества, целедостижения и адаптации».

Здесь звучат два очень важных слова — «миф», миф для новой России, и «научно-технический романтизм». Всегда с восхищением читаю в романах и передовицах строки Проханова о заводах, создающих космические

Со-знание — совместное действие. Круглые столы, обсуждения, журнал «Изборский клуб. Русские стратегии» меняли восприятие и оценки происходящего у каждого из нас. Для этого и нужен клуб. При этом очень важна целостность, сочетание рационального, интуитивного и эмоционального восприятия. Наука, искусство, публицистика — грани сверкающего изборского кристалла.

ракеты и подводные лодки, атомные станции и зенитные комплексы… В этих строках ощущение мощи и величия сверхдержавы, имперского мифа. Классик клуба — Максим Калашников. От его книг и статей возникает удивительное ощущение, что будущее рядом, что сейчас работают люди, воплощающие его. Просто нам надо их увидеть и немного поддержать…

Сотрудничество. В клубе это со-трудничество. Огромное удовольствие от совместной работы, большая радость от результатов, которых достигли коллеги по клубу.

Наверное, это очень важная грань в кристалле изборского сознания. Когда Мао Цзэдун спрашивал Сталина о причинах огромных успехов Советского Союза, Сталин ответил: «Люди должны работать». Именно этого остро не хватает последние тридцать с лишним лет в России. Из страны за годы реформ вывезены и продолжают вывозиться триллионы долларов — из экономики страны выкачивается кровь. Из страны хотели сделать купчиху, торгующую нефтью и газом, а из населения «квалифицированных потребителей сделанного другими». Но пришла война, и выяснилось, что Отечеству сейчас нужны не «потребители», торговцы и охранники, а воины, инженеры, рабочие…

Очень важно ответить на вопрос, почему же победители в Великой Отечественной войне живут хуже побежденных? Мне этот вопрос часто задают школьники и студенты.

Действительно, можно посмотреть список стран по валовому внутреннему продукту (с учётом покупательской способности на душу населения (данные Всемирного банка за 2021 год) … США (11-е место, $ 69 288), Германия (21-е, $ 57 928), Финляндия (25-е, $ 55 007), Израиль (33-е, $ 43 722), Япония (39-е, $ 42 940), Россия (55-е, $ 32 803).

Финляндия была отсталой окраиной Российской империи. Многие субъекты РФ гораздо богаче этой страны. Но сейчас она является одним из лидеров в инновационном развитии мира. Её школьники входят в первую десятку по международному рейтингу PISA, а наши — в четвёртую десятку. Наверное, стоит посмотреть, как им это удалось и почему у нас дела обстоят значительно скромнее… И поучиться у них не грех.

Красноречив и пример Израиля. Помнится, недавно был бум нанотехнологий. И в Израиле всем этим занимались учёные и инженеры из России, и в результате страна стала лидером в этой области. Как бы нужны были многие из этих наработок в условиях войны… У нас же этим активно занимался Анатолий Чубайс, говоривший, «что трудно получить атомную молекулу»… А потом уже за дело взялась Генеральная прокуратура.

Именно сотрудничество может преобразить Россию! Подлинность, а не имитация. Именно этот подход является ключевым в изборском сознании.

Истина. Именно у нас часто размышляют над «вечными вопросами». Концепт истины служит высшим моральным идеалом. Поиск истины — важнейшая часть культуры. Иностранцам приходится объяснять, что истина — высшая правда, и раскрывать смысл пословицы «Истина хороша, да и правда не худа». В эпоху тотального распространения средств массовой информации множество людей на экране, в интернете, в газетах готовы толковать «как надо», «как велели». Конъюнктура правит бал. Для изборского сознания, напротив, характерно стремление к истине, к пониманию реального положения дел. Хотя, конечно, такое стремление не всех радует, И, конечно, не очень выгодно. Но сложилось так, как сложилось.

Душа. Ключевое слово в русском языке, в нашем восприятии жизни. Для нас это духовное, моральное и эмоциональное ядро человека. Именно в душе развёртывается моральная и эмоциональная жизнь человека. Духовное в нашем сознании вновь и вновь оказывается выше материального. Очень трудно объяснить, что огромная потеря за эти тридцать лет, пройденных по кривому пути, состоит в том, что у народа отняли видение будущего, понимание того, куда мы идём, а поэтому и душа болит.

Изборское сознание — русское сознание. Наверное, в этом его важнейшая грань.

ИЗБОРСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ

В который век в рассветной мгле
Тебя сирены вой разбудит,
Не измени своей земле,
А остальное будь, что будет.

В. Скобцов

По-видимому, основой основ изборского сознания является «Слово к народу», написанное Александром Прохановым и напечатанное 23 июля 1991 года в «Советской России», а позже в газете «День».

Мы жили в великой и прекрасной стране — СССР, — определявшей в XX веке вектор развития мировой цивилизации, победившей

в самой страшной войне, открывшей человечеству дорогу в космос. Развитие нашей сверхдержавы могло уберечь цивилизацию от мировых войн… Поэтому в 1991 году важно было удержать страну, не дать произойти катастрофе, не позволить разрушить созданное трудом многих поколений, отвоёванное кровью миллионов наших солдат. Именно к этому и призывали авторы письма.

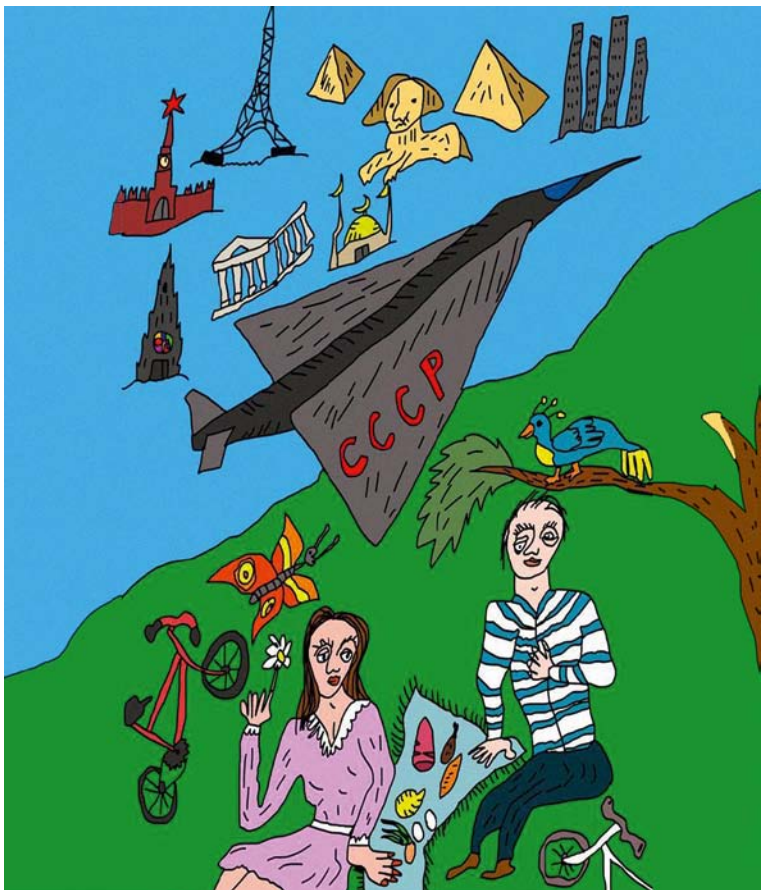
Это вошло в историю и, к сожалению, не цитируется в школьных и вузовских учебниках. Его стоит вспомнить: «Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии…

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырёх углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский разбор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?..

Мы обращаемся к партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к центристам и земцам, к певцам национальной идеи. Мы обращаемся к партии — коммунистической, которая несёт всю ответственность не только за победы и провалы предшествующих семидесяти лет, но и за шесть последних, трагических, в которые компартия сначала ввела страну, а потом отказалась от власти, отдав эту власть легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворожденных законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны. Коммунисты, чью партию разрушают их собственные вожди, — побросав партбилеты, один за другим мчатся в лагерь противника — предают, изменяют, требуют для недавних товарищей виселицы, — пусть коммунисты услышат наш зов!»

Кроме Александра Проханова письмо подписали Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников, Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов, Людмила Зыкина, Вячеслав Клыков, Валентин Распутин, Василий Стародубцев, Александр Тизяков.

К сожалению, это обращение не было услышано. Катастрофа произошла. Сейчас понятно, что слова, сказанные в этом обращении, были пророческими. Жернова Истории мелют медленно и верно. Трудно было тридцать лет назад даже вообразить, что армии бывших союзных республик будут сражаться друг против друга, а в освобожденном Мариуполе будут восстанавливать памятник Ленину.



Мы имеем обломки великой страны. Подлинность сменилась имитацией. Что делать? На что можно надеяться? *На самоорганизацию, на соборность, на стремление людей вместе выбираться из той исторической пропасти, в которой мы оказались!* В нашей цивилизации у такого подхода есть традиция — артель, община, советы. Важно убедить людей, что идти надо в будущее, а не в прошлое, не поодиночке, а вместе, опираясь на разум и дух России. Именно этим, на мой взгляд, и занимается Изборский клуб, да и сам Александр Андреевич.

Не считаю себя знатоком и любителем русской литературы. Тем не менее А. А. Проханов подарил мне один из своих романов. Попросил прочитать и высказать мнение. Я постарался высказать своё мнение о романе и о его «магическом реализме» откровенно и объективно. Александр Андреевич убедил меня обсудить роман и в видеоформате на «День-ТВ». По-

том мне было подарено собрание романов «Око президента»[1], я прочитал другие произведения руководителя нашего клуба.

Запомнились слова Проханова в ответ на мои пожелания и замечания по поводу вышедшего романа и его следующих изданий: «Я не буду ничего переделывать. Написалось как написалось. Сейчас надо писать следующий роман». Мне стало ясно, что и свои романы писатель воспринимает как инструменты самоорганизации, как средство достучаться до души народа. Вспомнились строки Маяковского:

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.

Надеюсь, что количество перейдёт в качество, что усилия Изборского клуба и многих миллионов людей в мире, которые верят, что Россия через все тернии прорвётся к звёздам, дадут желаемый результат.

Стоит обратить внимание ещё на один важный момент. Люди существуют в рациональном, эмоциональном и интуитивном пространствах. Не всё определяется расчётом, важны чувства, нравственный выбор. Помните слова таможенника Верещагига из «Белого солнца пустыни»: «Я мзду не беру — мне за державу обидно». Важно, чтобы то неоправданное, что творится в нашем Отечестве, вызывало отторжение, неприятие, эмоциональный отклик. Именно на это во многом направлены усилия Проханова и многих других членов Изборского клуба. Достаточно посмотреть многие их видео, где средством самоорганизации становится эмоциональный накал изборцев. «Я — художник», — часто повторяет Проханов. Масштаб дарования измеряем не мы с вами, а история Отечества.

Среди изборцев люди разных взглядов, профессий, статусов. Что же их объединяет, что можно положить в основу их сотрудничества. Наверно, императивы таковы.

Духовное выше материального.

Общее выше личного.

Справедливость выше закона.

Будущее важнее настоящего.

Общность духа, культуры, исторической судьбы, а не железа и крови — главное в формировании народа.

Природная рента принадлежит народу.

В давние времена я встречался с выдающимся экономистом Дмитрием Семёновичем

[1] Проханов А. Око президента. Собрание романов. — М.: Книжный мир, 2021. — 1392 с.

Львовым, и он с горечью рассказывал мне, почему очевидные вещи, оценки отделения экономики Академии наук игнорируются властью, которая продолжает толкать страну в экономическое болото. И в конце беседы он сказал, что рано или поздно дело в России дойдет до идеологии, хотя он, вероятно, этого уже не застанет. Он попросил, если я буду иметь к этому отношение, включить последний тезис. Выполняю обещание.

СТРАТЕГИЯ КОНЬКА-ГОРБУНКА

Уж служба, так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать.
.....
Ну не плачь же, Бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.

П. Ершов

Россия — не Запад. Это видно по сказкам, отражающим характер народа. Любимая для многих народов Европы — «Золушка». Милая, хорошая исполнительная девочка делала всё, что ей велели, и слушала отца, мачеху, сестёр. И в конце концов получила прекрасного принца. Трудолюбие должно вознаграждаться.

У нас иначе. Наверное, наша любимая сказка «Конек-Горбунок», а любимый герой — Иван-дурак. Не очень хорош он в обыденной жизни, да и рассказывает невесть что про дьявола и прочие небылицы: «Братья, сколько ни серчали, / Не смогли — захохотали, / Ухватившись под бока, / Над рассказом дурака».

Однако когда приходит время испытаний, его умение держать слово, смелость, упорство, готовность помочь ближним становятся решающими. Эти качества позволяют ему спасти и себя, и всё царство. И, конечно, готовность к риску. Что говорил ему Конёк: «Вот уж есть чему дивиться! / Тут лежит перо Жар-птицы. / Но для счастья своего / Не бери себе его. / Много, много непокою / Принесет оно с собою». Не послушал, взял, и всё, что положено, сделал.

Такое разделение России и Европы естественно. В последней земледелие нерискованное — хорошо работай, и своё получишь. Одиночка в этих условиях прекрасно выживает. У нас иначе. Один день год кормит. Иногда работаешь, работаешь, а толку нет.

Стоит вспомнить, как в сентябре 1993 года Проханов в газете «День» выступил против действий Ельцина, назвав их государственным переворотом. Редакция газеты подверглась разгрому ОМОНом, её сотрудники были избиты, имущество и архивы были уничтожены. Два номера подпольно печатались в Минске. Помню огромные очереди за газетой «Завтра», которую продавали на улице Правды. Символично — людям была нужна правда… С Прохановым долгие годы многие издания не беседовали, его старались не печатать и не упоминать. Дорого даётся перо Жар-птицы… Помню, каким шоком и радостью для нас было первое интервью Проханова в «Литературной газете», которое опубликовал Юрий Михайлович Поляков. Низкий поклон ему за это. И премия «Национальный бестселлер» за роман «Господин Гексоген», полученная в 2002 году… Есть что вспомнить…

За прошедшие тридцать лет в нашем Отечестве было множество партий, союзов, объединений и прочих организаций, стремившихся собрать людей вместе, помочь им защитить свои права и Россию. Причём сделать они это хотели по своей инициативе, без веления власти. Оглянёмся вокруг — где они? От колоса до колоса не слышно голоса. Покойный градоначальник Москвы Ю.М. Лужков шутил, что его всё время приглашают на первые съезды организаций и почти не зовут на вторые. Большинство союзов распадается до этого времени…

Секрет относительного долголетия изборцев, наверное, в воплощении принципа «направляемого развития». Выдающийся математик, философ, мыслитель Н.Н. Моисеев объяснял мне эту стратегию так: «Мы несёмся по реке с порогами и водоворотами, стремясь переправиться на другой берег. У нас нет ресурсов, чтобы плыть против течения или просто хорошо управлять. Но мы видим временами попутные течения и гребём, пользуясь ими. Важно не потерять другой берег».

Секрет относительного долголетия изборцев, наверное, в воплощении принципа «направляемого развития». Выдающийся математик, философ, мыслитель Н.Н. Моисеев объяснял мне эту стратегию так: «Мы несёмся по реке с порогам и водоворотами, стремясь переправиться на другой берег. У нас нет ресурсов, чтобы плыть против течения или просто хорошо управлять. Но мы видим временами попутные течения и гребём, пользуясь ими. Важно не потерять другой берег».

То же мне объясняли и на «сказочном уровне». Неурожай пришёл, есть нечего, и отправляет старик сыновей милостыню собирать. Возвращаются к вечеру два старших брата с пустыми сумками да ещё и побитыми: «Работать вам надо, дурни, — а не побираться», — объяснили им местные нищие.

Приходит Иван-дурак с полным мешком пятаков, еле дотащил. «Как же удалось, Ванюшка?» — спрашивает дед. — «Дуракам все дают. Мне предлагают пять копеек или десять. Я беру пять». — «Да почему же пять, а не десять?! Десять-то больше!» — «Да если бы я брал 10, то кто бы надо мной смеялся и ещё давал!» — «А почему же копеек тут нет?!» — «Иван не прост — копейку брать не станет».

Во времена Батыя, да и позже русские княжества теснили и на западе, и на востоке. Князья, которые покорились, не выживали. «К русским немцы и шведы относились ещё более жестоко, чем к прибалтам. Если, к примеру, захваченных эстов превращали в крепостное состояние, то русских просто убивали, не делая исключения даже для грудных младенцев», — пишет Лев Гумилёв. Те, кто воевал со всеми, изгладились из памяти. В историю вошёл приёмный сын хана Батыя, Александр Невский, разбивший немцев на Чудском озере и победивший шведов, которые шли на Новгород. Среди его заветов выделю два: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать — на Востоке»; «Не в силе Бог, а в правде».

Эти мысли ко мне регулярно приходят во время встреч в клубе. В самом деле, по масштабу рассматриваемых проблем и глубине анализа в течение многих лет газета «Завтра» должна была иметь миллионные тиражи… Многие статьи из журнала «Изборский клуб», издаваемого тиражом… тысяча экземпляров, должны были бы войти в школьные учебники. Но историю в нашем Отечестве преподают по 86 учебникам. При этом президент поручил подготовить *один* учебник, рассматривающий историю России в XX веке. Не получается у историков. Видимо, не хватает полномочий для реализации своего поручения президенту России. Про учебники естествознания не говорю — там Ильин на Ильине сидит и Ильиным погоняет. Главный писатель у нас, судя по школьным букварям, Солженицын, главный поэт — Бродский, главный философ — Зиновьев. Впрочем, есть и перемены к лучшему — в Ленинграде около здания Двенадцати коллегий, где в XVIII веке располагались высшие органы государственного управления, снесли помойку и установили памятник Сахарову. Этот государственник предлагал превратить в конфедерацию 50 одноранговых республик со своими армиями, финансовыми системами и экономической самостоятельностью. Конечно, американцам, мечтающим разбить Россию на семь государств, до этого академика далеко.

Почему наши школьники, которым, возможно, вскоре придется защищать Родину, а через десяток-другой лет взять на свои плечи ответственность за наше Отечество, до сих пор должны воспитываться в антисоветском, антикоммунистическом духе?!

Есть альтернатива! Стараниями Александра Андреевича и его соратников было снято более двух десятков фильмов: «В поисках Русской Мечты» — о разных регионах России. Удивительно красиво и интересно! Эти замечательные фильмы разок прокрутили на канале «Россия-24» и… всё. Наши школьники и студенты не знают в массе своей не только зарубежной, но и своей собственной страны. Естественно эти фильмы показывать на уроках географии им! Но не тут-то было! Видимо, нельзя брать Иванушке 10 копеек, пятака хватит.

Раньше учителя объясняли мне, что у них просто на это нет времени в учебном плане. (В общем, некогда Родину любить и что-нибудь узнавать о ней.) Но ситуация изменилась. Каждую неделю в каждом классе есть «Уроки о важном». Узнав об этом, порадовался: наконец-то детям расскажут о мире, в котором мы живём, и проблемах, которые решают взрослые. Россия ведёт сейчас войну, от которой зависит наше будущее, судьбы детей и внуков. Но это не отнесли к «важному»!!! Что же на самом деле важное? Министерство знает и выдаёт в интернете отличные материалы для этих занятий: «День пожилых людей», «165-летие со дня рождения К. Э. Циолковского», «День музыки»; «День отца (!)», «День учителя», «День матери»; «Мы разные, мы вместе»; «160 лет со дня рождения К. С. Станиславского»; «Медиаграмотность и цифровая гигиена»; «Светлый праздник Рождества» и, конечно, «Федеральные спикеры». Слова «докладчик», «оратор» и тому подобные оказались вытеснены из русского языка «спикерами». Спикают детям 3–4-го класса патриарх Кирилл, предприниматель Касперская, глава Совфеда Матвиенко, министр просвещения Кравцов… На вопрос, что же им говорили сегодня на этих уроках, многие школьники отвечают дипломатично «как всегда».

При таком раскладе я часто спрашивал Александра Андреевича: «Для каких читателей

мы издаем «Изборский клуб»? И каждый раз он мне отвечал: «Мы издаем журнал для одного читателя». На этого читателя вся надежда. Может быть, наш журнал ему поможет.

Клуб наш велик и разнообразен. Признаюсь, что многих его членов я не знаю и никогда не видел. Раньше, прочитав статьи и книги некоторых, я с изумлением спрашивал Александра Андреевича, читал ли он это, слышал ли, вникал ли в деятельность этих людей. «Вы думаете, в этом есть необходимость?» — слышал я каждый раз. Ну а потом я вздыхал с облегчением, вспоминая беседу с выдающимся просветителем России Сергеем Петровичем Капицей. В течение многих лет он заведовал кафедрой физики в Московском физико-техническом институте. Нелегка кафедральная жизнь. Поле для обид и претензий в ней велико. И когда Капице всё это излагали с естественным предложением уволить злоумышленника, он отвечал: «Вы совершенно правы, но увольнять я никого не буду. В зоопарке должны быть разные звери». На мой нынешний взгляд, тогда кафедра физики в Физтехе работала отлично. Это уже потом, когда кафедрами МФТИ начали заведовать такие выдающиеся физики, как Чубайс и Улюкаев, а факультеты заменили на школы, дела пошли иначе.

Помог Конёк-Горбунок Ивану-дураку справиться с проблемами, многие из которых, заметим, Иванушка сам и создал. Надеюсь, что и Изборский клуб поможет России.

ИЗБОРСКИЙ ИМПЕРАТИВ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Хрустел Урал, дрожала Волги жила.
Рвалась границы призрачная лента.
То распрямлялась русская пружина,
Скрипящие сдвигала континенты.

А. Проханов

Название Изборск удивительно созвучно нынешней реальности. Деревня в Печорском районе Псковской области. Впервые упомянут в летописи под 862 годом в связи в призванием варягов. Изборск достался Трувору (младшему брату Рюрика), который княжил в нём два года. При княгине Ольге (945–960) стал пригородом Пскова. С 1330 года до XV века крепость выдержала восемь осад. Крепость впечатляет. Суровые башни, построенные не для красоты, а для защиты, для готовности к многомесячной осаде. Двойные стены с узким проходом между ними. Даже если враг прорвётся сюда, у него мало шансов уйти живым. В 1920 году

перешёл к Эстонии, но вернулся в Россию. В 1945 году был передан Псковской области РСФСР. В 1966 году в этом городе снимался фильм «Андрей Рублёв». Рядом с городом Словенские ключи, или ключи Двенадцати апостолов. По преданию, вода этих ключей прибавляет здоровья праведным людям, живущим с чистой душой, и отнимает у других.

Изборск — это символ нашей тысячелетней цивилизации, величия русского духа. Чтобы ни случилось, мы отстоим своё и вернёмся в Россию, несмотря ни на какие границы и договоры, прочерченные и заключённые в эпоху предательства.

Россия — не Запад. Спору между этими мирами более тысячи лет. В ходе спора по вопросам догматического, канонического, литургического и дисциплинарного характера папа римский и Константинопольский патриарх предали анафеме друг друга. И действительно, пути православной и католической церкви оказались разными. Можно вспомнить и крестовые походы, и Святую Инквизицию, и протестантство, и Реформацию, и стремление римских пап сочетать мирскую и духовную власть, а также многое другое, связанное с развитием католической церкви. Механизмы самоорганизации в обществе различны. Западный императив: «Каждый за себя, один Бог за всех», — принципиально отличается от суворовской заповеди: «Сам погибай — а товарища выручай».

Иными оказываются и социальные регуляторы. На Западе закон: «Пусть гибнет мир, но царствуют законы. Если царствуют законы, мир не погибнет». Советский Союз разваливали под лозунгом «Разрешено всё, что не запрещено законом». Наши императивы — культура и совесть.

Иное отношение к Богу. Сергий Радонежский (1314–1392) — духовный *собиратель* русского народа. Впечатляет икона, где он изображён с пилой распиливающим бревно. Не проповеди, а сама жизнь как служение высшему. Мартин Лютер (1483–1546) *разделил* Европу на католиков и протестантов, открыл эпоху религиозных войн. Вспомним Варфоломеевскую ночь и возглас короля Генриха IV «Париж стоит мессы».

Ликвидация России, её смыслов, императивов, культуры имеет много идеологов. Лейбниц считал необходимым для блага Европы обрубить лапы русскому медведю. Судя по мемуарам, Наполеон начал войну в 1812 году, чтобы освободить своего наследника от проблемы ликвидации или раздела восточного соседа.

Влиятельный русский мыслитель П. Я. Чаадаев (1794–1856) писал: «Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать… Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать её, предпочитаю унижать её — только бы её не обманывать».

От неприятия один шаг до войны. «В XXI веке Америка будет развиваться против России, за счёт России, на обломках России», — писал Збигнев Бжезинский.

Отторжение вызывает у отечественных либералов и наша литература: «Я перечитал Достоевского, и я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает желание разорвать его на куски», — пишет А. Б. Чубайс. В историю вошел и другой афоризм этого человека: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут».

Однако многие выдающиеся мыслители связывали будущее с развитием России. Социолог и один из основателей цивилизационного подхода к истории Н. Я. Данилевский связывал будущее с созданием нового государства, объединяющего славян и имеющего столицу в Константинополе. Ему возражал Достоевский в 1877 году, когда Россия воевала с Турцией за свободу Болгарии: «Не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными… Особенно приятно будет для освобождённых славян… трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей человеческой культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации». Достоевский оказался прав. Кажется, что он смотрит в сводку текущих новостей. Польша, Чехия, Болгария… История мрачно шутит: «А мы за тех, за тех, кто побеждает!» … И проблемы на постсоветском пространстве возникают потому, что наши соседи, бывшие союзные республики, не верят в силу России, в то, что она победит…

Выдающийся философ Гегель полагал, что на исторической сцене именно Россия сыграет выдающуюся роль в обозримом будущем. Немецкий публицист Освальд Шпенглер, написавший «Закат Европы», огромные надежды возлагал на Россию. Арнольд Тойнби — разведчик и один из самых влиятельных историков XX века, считал, что России под силу найти Ответы на брошенные историей Вызовы.

Тем не менее всё ещё велико влияние Запада на отечественные элиты. Оно и понятно — там живут богаче, да и элиты более многочис-

ленны. Как говорили в окаянные 90-е: «Рубить бабло надо здесь, а тратить там!» Проблемы те же — Чацкий восклицал: «Хоть у китайцев бы нам несколько занять / Премудрого у них незнанья иноземцев. / Воскреснем ли когда от чужевластья мод? / Чтоб умный, бодрый наш народ / Хотя по языку нас не считал за немцев». Говоря современным языком, Грибоедов был заместителем министра иностранных дел, и проблема западничества российской элиты со всеми её грустными следствиями была для него очевидна.

Важный вклад в понимание противоречий России и Запада внёс выдающийся мыслитель, историк, этнограф Лев Николаевич Гумилёв. Рассматривая динамику этносов, он ввёл понятие «пассионарности».

По сути, это доля людей в обществе, готовых заплатить своим благополучием и даже жизнью за воплощение своих смыслов, ценностей, представлений о будущем. Пассионарии — своеобразные «ядра кристаллогизации» в борьбе людей за общие интересы. В ходе развития этносов доля пассионариев в нём меняется, и это меняет их культуру и способность защищать себя. В пору горбачёвщины и ельцинщины элиты стремились превратить Россию в «новый Запад», и, как показала история, это было огромной ошибкой.

Об этой ошибке Л.Н. Гумилёв писал в своей последней книге «От Руси к России»: «Механический перенос в условиях России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения…

Конечно, можно попытаться «войти в круг цивилизованных народов», то есть в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не даётся даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция». (Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. — М.: Экспресс, 1992, с. 299.)

Одной из граней изборского сознания является концепция Пятой империи, выдвинутая Александром Прохановым: «Русская история — это история русских империй. Россия как цивилизация всегда формировалась и складывалась в имперские периоды. Под империей надо понимать необязательно существование метрополии или колонии, необязательно существование императора, централитета. Нет! Под ней нужно понимать симфонию, гармоническое соединение пространств, народов, культур, верований — когда достигается то, что отдельно взятый народ достичь не может. Имперская общность порождает грандиозные школы, произведения искусств, лидеров. Цивилизация движется империями». Вероучение Русской Мечты, идеология Русской Победы, Религия справедливости — и о многих других гранях изборского кристалла рассказывают передовицы газеты «Завтра», книги, статьи, передачи Александра Андреевича. Надеюсь, и он сам, и другие изборцы подробно расскажут об этом на страницах данного номера.

Обращу внимание на другую грань. Идёт война. Очень важно разобраться в её сущности и победить. В теории самоорганизации есть понятие *бифуркации* (от французского «раздвоение», «ветвление»). Это точка в пространстве параметров, в которой прежняя траектория развития становится неустойчивой и появляются (или исчезают) другие пути в будущее. Это понятие, появившееся в математике XIX века, сейчас вошло в массовое сознание.

Именно в точке бифуркации и находилось человечество на рубеже XX и XXI веков. Америка не смогла взять на себя роль «глобального шерифа», появились новые центры силы, которые развиваются быстрее.

Как жить дальше? Пойти в XXI век или повторить XX с его мировыми войнами и многими другими проблемами? Конечно, хотелось бы пойти в будущее, а не возвращаться в прошлое! У человечества множество острых проблем, которые надо решать сообща. Сейчас происходит *глобальный демографический переход* — скорость роста населения мира очень быстро (на времени жизни одного поколения) падает. Промышленность развивалась совсем не так быстро, как ожидалось в 1950-е годы, и компьютеризация производств не оправдала надежд — глобальных экономических сдвигов не произошло. Поэтому нас ждёт *технологический переход* — кормить, обогревать, лечить, перевозить, расселять людей надо иначе. «Цивилизации одноразовых стаканчиков» («попользовался — выбросил») приходит конец. Человечество недостаточно богато для того, чтобы позволить себе дешёвые,

скоропортящиеся вещи. Надо не увеличивать ВВП, а эффективно пользоваться имеющимися ресурсами, которых оказалось не так много. Поэтому нужен *ресурсный переход* — резкое уменьшение объёма используемых невосполнимых природных ресурсов, переход от линейной к циклической экономике. *Глобальные климатические изменения* требуют совместных усилий по снижению и поддержанию биосферы.

В коммунистическом варианте развития человечества при реализации лозунга из «Манифеста коммунистической партии» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — мы шли в будущее именно этим путём. Такой путь требует самоорганизации людей, сотрудничества в деле решения глобальных проблем в пределах всего человечества. При этом и коммунистическая, и либеральная идеологии мыслились как единый, общий рецепт для всех стран и народов. В Интернационале исходили именно из этого.

К сожалению, есть и другой путь. Именно по нему, судя по всему, и начал двигаться современный мир. Самоорганизация происходит на уровне цивилизаций. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», — писал Ленин. Это учение создавалось 150 лет назад, в индустриальную эпоху. Классики не заглядывали в будущее и надеялись создать сообщество, позволяющее накормить голодных, дать работу желающим. Предполагалось, что рабочие, которым партии объяснят, что капиталисты их обирают, сознательно и активно будут защищать свои права. Идеологи вначале думали, что пролетарии одних стран, когда всё поймут, не будут стрелять в других таких же пролетариев…

Кроме того, есть учение и идеология, а есть практика их воплощения. Численность членов КПСС в 1985 году составляла 18 млн — с учетом членов семей — почти 50 млн, огромный народ. Ныне численность членов КПРФ — 160 тысяч, средний возраст члена этой партии 55,6 года… Прежде чем звать в будущее, наверное, членам КПРФ следовало бы разобраться, что же произошло в коммунистическом движении в нашем Отечестве. Прежде чем указывать «Что делать» стоит выяснить «Кто виноват»…

За XX век многое произошло. Численность человечества увеличилась почти вчетверо, средняя ожидаемая продолжительность жизни — вдвое. Имели место две мировые войны. Независимо от строя голодных накормили. Огромное влияние приобрели средства массовой информации. Интернет сделал неравенство очевидным, и сейчас миллионы людей считают, что их обобрали, а также считают, что кое-что стоит отнять у соседей. Из 100 человек в ведущих странах двое работают в сельском хозяйстве, 10 в промышленности, 13 в управлении. Доля рабочих в обществе гораздо меньше, чем в XIX веке. Мыслителям левой ориентации следует иметь это в виду. Кроме того, идея об «общечеловеческих ценностях», раскручивавшаяся в пору перестройки, как показала история, оказалась бредом. Цивилизации сейчас выступают со своими смыслами и ценностями. Именно эти ценности и определяют стратегии цивилизаций.

Именно к такому миру, разбитому на соперничающие друг с другом цивилизации при доминировании доли США, и ведёт Америка. У капитализма нет будущего — значит, по их мысли, надо повторить прошлое. Американский социолог С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» рассматривает историю XXI века как борьбу восьми сложившихся цивилизаций за тающие природные ресурсы.

Более того, война планировалась Америкой. И об этом не раз шла речь на круглых столах Изборского клуба. В 2009 году директор частной разведывательно-аналитической организации STRATFOR Джордж Фридман писал: «Причины, вызывающие эту конфронтацию (как ранее холодную войну), предрешат её результаты, которые будут такими же, как и результаты холодной войны, но на этот раз их достижение не потребует от США значительных усилий… На этот раз Китай будет стоять в стороне. В прошлый раз Россия полностью контролировала Кавказ, но теперь это будет не так: на Кавказе Россия столкнется с присутствием США и Турцией. Во время холодной войны у России было большое население, теперь её население сильно уменьшилось и продолжает сокращаться. Внутренние проблемы, особенно на Юге, будут отвлекать внимание России от Запада. В конце концов страна развалится и без войны (как уже развалилась в 1917 г., и это произошло снова — в 1991 г.), а вскоре после 2022 г. рухнет военная мощь России». (Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. — М.: Эксмо, 2010, с. 162).

На одном из заседаний Изборского клуба, посвященного украинским делам, в то время, когда на многотысячных демонстрациях толп в Киеве прыгали и кричали: «Кто не скачет, тот москаль» и «Украина — це Европа», — Александр

Алексеевич Нагорный сказал: «Дальше — война. И воевать нам придется, хотим мы этого или нет». Тогда ему активно возражали, но сейчас ясно — он был прав.

В практической плоскости американские стратеги активно используют гумилёвские подходы. Наиболее острые и жестокие войны происходят тогда, когда воюют общности с одинаковым уровнем пассионарности. Вспомним новейшую историю — корейцы воевали с корейцами, вьетнамцы воевали с вьетнамцами, сейчас русские воюют с русскими, а американцы исправно подбрасывают дровишки в кровавый костер организованной ими войны…

Война — суровый экзамен. Россия вновь в точке бифуркации. Александр Андреевич часто говорит о Чуде Победы. Нам необходимо это Чудо!

Валовый внутренний продукт (ВВП) стран, поддерживающих Украину, в 38 раз больше, чем ВВП России. Происходящее напоминает гражданскую войну, когда множество разных стран поддерживали белогвардейцев и слали им оружие и материальную помощь. Гитлер 30 июня 1941 года заявил, что рассматривает войну с СССР как совместную европейскую войну против России. И его союзниками в этой войне оказались Япония, Италия, Финляндия, Болгария, Венгрия, Румыния, Хорватия, Таиланд, Албания, Словакия и множество представителей из других стран.

Целью войны на Украине является не территория, не ресурсы, не люди, а система международных отношений. Сталкиваются Потсдамский мир, который отстаивает Россия, и проамериканский вариант с диктатом США, капитализмом и повтором XX века.

Во время войны стоит послушать военных. Мне кажется, что сейчас уместны чеканные формулировки генерала Владимирова: «Победа в войне всегда остаётся за самым правым, решительным, терпеливым и самоотверженным. В войне побеждает тот, чья воля и решимость победить — сильнее, кто готов идти до конца, кто лучше подготовлен к войне и кому есть что и кого защищать, даже ценой жизни. Конечная победа принадлежит тому, чьи цели справедливы и нравственны. В войне побеждает не самый сильный, а тот, кто не сдается и не проигрывает».

«Победа есть не роскошь, а первейшая необходимость» (А.В. Суворов).

В войне смыслов побеждает не та сторона, которая выигрывает пространство, ресурсы или даже приходит к управлению, а та, которая захватывает будущее.

Думается, что именно формулировка, развитие и отстаивание смыслов мира России и есть главная грань изборского сознания. Именно про это и написаны все романы Проханова. Надеюсь, что именно эта грань приблизит Чудо Русской Победы.

/ Юрий ТАВРОВСКИЙ /

Архитектор изборского сознания

Работая над новой книгой «Китайское чудо: корни и плоды», я постоянно думал о сходстве и различиях в исторической судьбе китайцев и русского народа. Возможно ли «Русское чудо»? Что дало Поднебесной возможность для нынешнего рывка к процветанию и могуществу, который не способен остановить весь коллективный Запад? Что мешает России вытащить себя за волосы из болота безалаберности, казнокрадства и уныния?

Россия и Китай очень похожи в своей приверженности к самодисциплине, самодержавию, беспрекословному подчинению «помазаннику Божиему» или «Сыну Неба». Именно эта традиция даже после завершения тысячелетней имперской власти предопределила победу системы «вождизма» в свергнувших самодержавие революционных партиях и созданных ими государствах. Как и в прошлом, судьба страны стала зависеть от личных качеств вождя/императора.

Великие государи Иван Грозный, Пётр Великий, Екатерина Великая — у нас. Цинь Шихуанди, ханьский У-ди, танский Сюань-цзун, цинские Канси и Цяньлун — у них. Они раздвигали пределы своих держав, развивали ремёсла, поощряли искусства. Красные династии выдвинули своих вождей. Ленин и Сталин у нас. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин у них. Они собрали осколки распавшихся держав в единое целое, отбили атаки могущественных внешних врагов, нашли путь к стремительному возрождению национальной мощи.

Но у «вождизма» есть и обратная сторона. Стоит слабому деятелю сесть на трон или в кресло генсека,

как следуют неизбежные катастрофы. Начинаясь с великих императоров, династийные циклы развивались по нисходящей и в конце выводили на историческую сцену трагические фигуры слабых телом и душой деятелей, которые сами вешались на дереве в саду Запретного города или покорно спускались в подвал на расстрел.

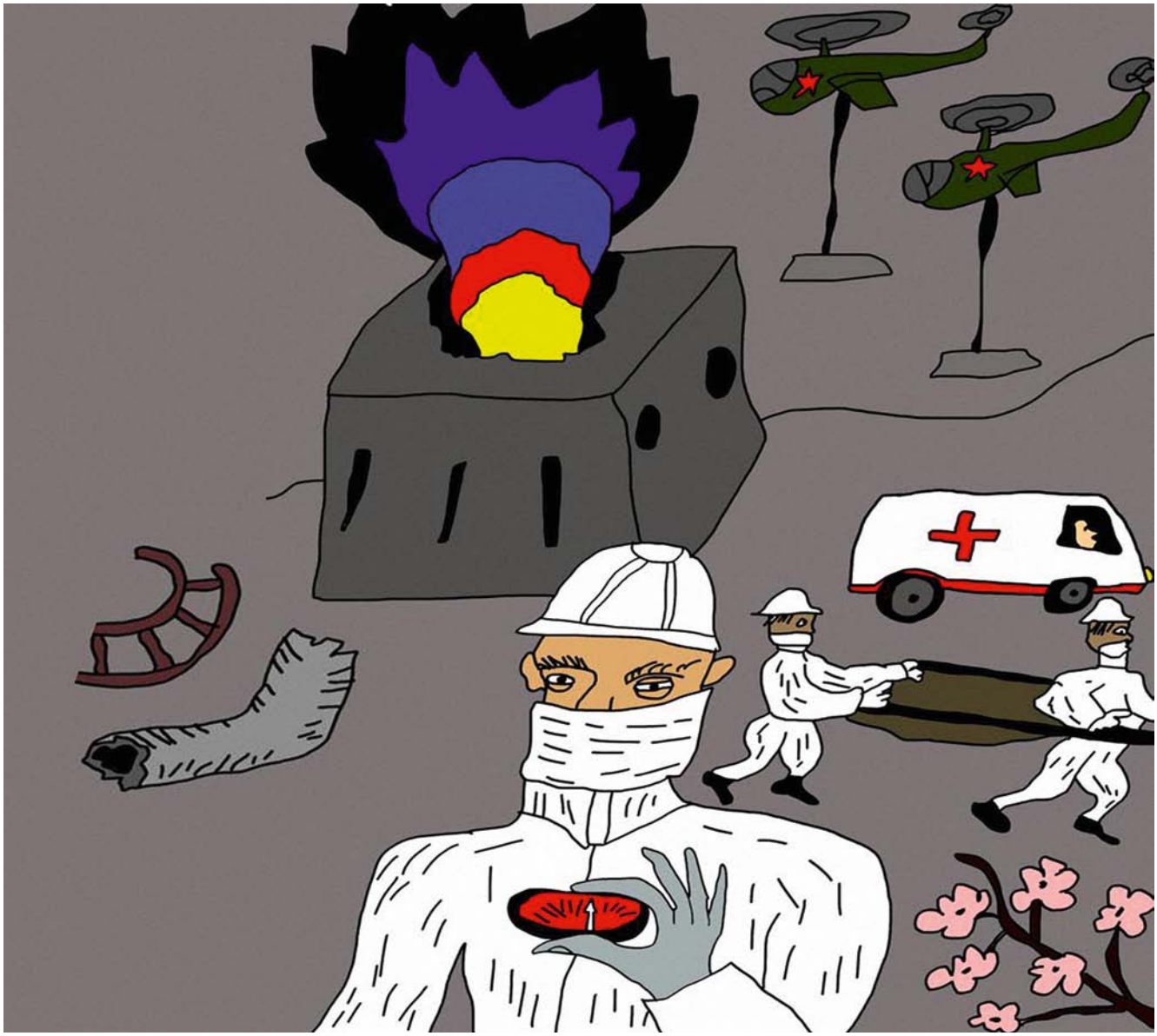
Взбалмошный Хрущёв делил русские земли и тем самым закладывал заряды замедленного действия на будущее, разрушил геостратегический замысел Сталина о союзе с Китаем. «Подкаблучник» Горбачёв вообще довёл великую державу до краха и распада. Назначенный преемником Мао Цзэдуна его земляк Хуа Гофэн оказался слепленным из другого теста и даже ценой участия в государственном перевороте не смог удержаться у власти, уступив её Дэн Сяопину. Оказавшийся подлинным вождём нации, Дэн Сяопин разработал механизм взаимодействия плановой и рыночной экономики под контролем компартии, названный сначала «реформы и открытость», а затем «социализм с китайской спецификой». В то же время он привёл к руководству компартии сначала Ху Яобана, а затем Чжао Цзыяна, которые в стремлении к политическим реформам обострили противоборство в верхах и довели дело до событий на площади Тяньаньмэнь.

Кризис двух правящих коммунистических партий, двух вариантов «вождизма» произошёл практически одновременно. Сначала в Пекине, а затем в Москве во весь рост был поставлен вопрос о существовании правящей партии как несущей конструкции государства. В Пекине критическую ситуацию спас Дэн Сяопин, подтвердивший свою историческую миссию вождя нации. В Москве деятель провинциального калибра Михаил Горбачёв не решился пресечь действия деструктивных сил, связанных с зарубежными центрами. «Вождизм» наглядно продемонстрировал свои сильные и слабые стороны. Сейчас Россия и Китай управляются деятелями-вождями, сконцентрировавшими в своих руках практически всю полноту власти. От правильности решений Кремля и Чжуннаньхая зависит настоящее и будущее наций.

Си Цзиньпин, ставший за 10 лет правления и фактическим, и формальным вождём, начал своё правление с провозглашения долгосрочного плана «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Реализация общего плана и составляющих его экономических, внутриполитических и внешнеполитических стратегий должна обеспечить Китаю к 2049 году ведущее положение в мире. Средством достижения цели остаётся созданный ещё при Дэн Сяопине «социализм с китайской спецификой», обеспечивающий синергию плановой и рыночной экономики. Сохраняя преобладание рыночного сегмента, дающего около 60% ВВП и 80% рабочих мест, Си Цхиньпин всё отчётливее усиливает роль правящей партии в соблюдении принципов социализма при распределении национального продукта, в духовной жизни страны.

Путину с самых первых дней в Кремле пришлось преодолевать один кризис за другим. Война в Чечне, распустившийся олигархат, вольница региональных правителей, расширение НАТО, «цветные революции» в Грузии и на Украине, теперь вот ограниченная военная операция. До создания долгосрочной стратегии руки пока не дошли. Но даже после преодоления нынешнего беспрецедентного кризиса заглянуть за горизонт будет непросто. У нас есть основные компоненты для конструирования принципиально новой системы ускоренного развития. Как и в Китае, это государственный сектор и рыночный сектор. Взаимодействие между ними весьма непростое. Возникновение синергии двух секторов, как и в Китае, невозможно без третьего компонента — мощного общенационального сетевого ресурса управления, разрешения проблем на всех уровнях. В Китае этим компонентом является компартия, которая при помощи пяти миллионов партячеек и почти сотни миллионов членов партии собирает реальную информацию, анализирует её, вырабатывает предложения и принимает решения, контролирует выполнение. Партия играет важнейшую роль также в выработке национальной идеи. За последние 10 лет ей удалось дополнить скомпрометированную маоистами и коррупционерами коммунистическую идею восстановленными традиционными конфуцианскими моральными принципами и, главное, национальными ценностями величия Поднебесной, отрицанием попыток навязывать ей иностранные советы и рецепты. В формуле «китайской мечты» главные слова — «возрождение китайской нации».

В Изборском клубе к изучению китайского опыта относятся более внимательно и сочувственно, чем в других объединениях интеллектуалов, всё ещё остающихся под идейным влиянием Запада. Среди членов клуба меньше остаточных предрассудков в отношении Китая. В этом большая заслуга покойного Александра Алексеевича Нагорного и, конечно же, Александра Андреевича Проханова. Даже опыт военного корреспондента на острове Даманский не замутил видение национальных интересов России, всё чаще совпадающих с интересами Китая в совместном противодействии «сдерживанию» со стороны Запада. На круглых столах и в неформальных беседах тема «китайской мечты» обсуждается все последние годы. Не без влияния привлекательного китайского образца нами разработана концепция «Русской Мечты». Благодаря вселенскому видению Проханова наш клуб не стал «лягушкой на дне колодца» и смотрит на мир во всей его многогранности. Именно в сочетании чёткого понимания национальных интересов России, а также объективного видения отношений с союзниками и противниками мне видится суть изборского сознания. Это сознание сейчас особенно необходимо сражающейся России. Это сознание надолго останется национальным достоянием России.



/ Андрей ФУРСОВ /

Русский писатель в минуты роковые

Меченосец — это одно из качеств многогранной личности Александра ПРОХАНОВА

I

«Меченосец». Так называется недавний великолепный роман Александра Андреевича Проханова.

Меченосец — это одно из качеств многогранной личности Александра Андреевича. Меченосец в смысле психоисторической принадлежности не к средневековому ордену, а к тому ордену меченосцев, который хотел создать Сталин как ядро нового общества, как гарантию необратимости и победы «Красного проекта».

Проханов родился в символичном 1938 году: 1937–1938 годы — разгар схваток холодной гражданской войны, которую пытались и пытаются заярлычить как «сталинские репрессии», выпячивая одно и хитро пряча другое, намного более важное и страшное. Холодная гражданская война подошла к концу в марте 1939 года — к XVIII съезду ВКП (б) — и окончательно сошла на нет, растворилась в Великой Отечественной. Однако холодная уже не война, а схватка продолжалась, нарастая, до самого конца существования СССР — «Красного проекта», и Александр Андреевич был постоянным и активным участником этой борьбы, а на финальной стадии — среди лидеров одной из сторон. Стороны правой, но, к сожалению, не победившей — в земной жизни. Сам Проханов написал об этом так:

Я был солдат. Я жизнь провёл в сраженьях.
Моих утрат не взвесить на весах.
Я потерпел земное пораженье,
Но одержал победу в небесах.

Думаю, под поражением писатель имеет в виду прежде всего то, что враг смог разрушить СССР. Но может ли один человек примерять на себя поражение Государства и Системы (впрочем, уже само это говорит о масштабе личности), тем более что СССР, строго говоря, не потерпел поражения: предательская верхушка капитулировала. Потому-то и нет у русских — настоящих советских русских — патриотов комплекса поражения и вины, как у немцев. Этот комплекс вдалбливали в них англосаксы после Второй мировой войны, стремясь кастрировать или даже уничтожить дух Шиллера, и во многом преуспели. Нам они при активном участии пятой колонны такой комплекс тоже пытались привить — не вышло. Они удивляются: раз вы проиграли, должен быть комплекс потерпевших поражение. А вот хрена, мы — не проиграли, капитулировал иудушка Горбачёв.

Но разве газета, теле-, радиоинтервью и общественная деятельность — не победа? Писатель в России — больше чем писатель, и Александр Андреевич этот принцип перевыполнил. Однако писатель ещё и писатель, и при всех других гранях эта у Проханова — главная грань. Первая книга А.А. Проханова «Иду в путь мой» (1971 г.) вышла с предисловием Ю.В. Трифонова, одного из лучших советских прозаиков. Притом что Трифонов и логикой судьбы, её времени и места тяготел к так называемому либеральному лагерю советской литературы, талант и широта взгляда позволяли ему выходить за «узкопартийные рамки», за «ограду» престижного «Дома на набережной» (менее даровитые персонажи этого лагеря так и остались в тинейджерском вареве «арбатских детей»). Это позволило Трифонову не только выделить Проханова из молодой писательской поросли, но и увидеть главное — то, что у Александра Андреевича тема России, русского народа — *«не дань моде и не выгодное предприятие, а часть души»*, что он, в отличие от классических деревенщиков, не педалировал тему крестьянской России, русскости как крестьянственности. Отдав дань сельской Руси (в том числе и конкретно биографически), Проханов очень быстро перешёл к теме современной, промышленно-городской советской России, СССР. В 1970-е годы он пишет несколько романов и повестей именно о советском обществе, которое на то время уже довольно далеко ушло от крестьянского прошлого.

II

Русский писатель, но не почвенник, к тому же один из наиболее ярких представителей так называемых сорокалетних, — это привлекло к Проханову внимание определённого сегмента нашей литературы, не вполне нашей, не вполне литературы, но тем не менее важного.

Вот как описан этот сегмент в романе «ЦДЛ»: *«В писательских домах у “Аэропорта” обитала неявная власть, управлявшая судьбами писателей и всем литературным процессом. Явная власть, представленная вельможными секретарями Союза писателей, гнездилась в доме Ростовых, что примыкал к ЦДЛ. Но была не всесильна. Делила своё влияние с “мудрецами” “Аэропорта”, которые часто действовали вопреки желаниям секретарей. И те, имея опору в партийных верхах и в КГБ, уступали бесшумному бархатному давлению “мудрецов”…»*

Вот к такому «мудрецу» (в романе «ЦДЛ» — некий Андрей Маркович) и пригласили главного героя романа Куравлёва (то есть в реальной жизни — Проханова) на смотрины, с придыханием предупредили: *«Не исключено, что подойдёт Лазарь Семёнович»*.

Андрей Маркович прощупывает Куравлёва и в то же время даёт установку: *«Мне кажется, — продолжил беседу Андрей Маркович, — необходимо пополнить ряды тех, кто причисляет себя к последователям Трифонова. Ну не буквально! Русские писатели не могут потчевать нас рассказами о том, как растут овсы или как прекрасен был обряд венчания. Мы должны заглядывать в наше социальное будущее. Трифонов не заглядывает в будущее, но будущее стремительно приближается. У этого будущего должны быть свои исследователи, свои летописцы. Близятся великие столкновения, великие схватки. Литература будет в них участвовать. Какое оно будет, это будущее? В галифе, с синей фуражкой охранника? Или по-европейски свободным человеком? Михаил Сергеевич Горбачёв при встрече сказал мне: “Мы*

нуждаемся в писателях. Мы надеемся на их поддержку"».

Проханова тестируют на роль русского глашатая кругов, стоящих за сегментом.

Смотрины удались, причём Куравлёв/Проханов понимает ситуацию: *«Я заключил неписаный договор, быть может, с дьяволом»*. Но случай, точнее — Бог-изобретатель, а вместе с ним и сам Проханов управили иначе: Афганистан. За очерк о войне, о нашей армии сегмент и его холуи объявляют Проханову бойкот, *«и с этой минуты кончается его романтическое писательство, а начинается смертельная схватка с теми, кто провёл борозду и напитал её кровью»*. Впрочем, как и в любой творческой среде, проблемы создают не только враги, но и друзья или те, кто ими почему-то считается.

И не случайны строки Проханова: *«Врагов объявленная злоба. Друзей отравленный укус»*, — прямая перекличка с Пушкиным: *«Мне слышится друзей отравленный привет»*. Показательно, что замену Куравлёву сегмент нашёл именно среди тех, кто из якобы друзей: место Куравлёва/Проханова вприпрыжку занял тот, чья фамилия в романе изменена минимально — Макавин. За превращение в человека свиты «дьявола» ему пришлось заплатить: наступил сюжет усреднения таланта. Ну а в творчестве Проханова всё большее место стала занимать военно-политическая тематика с восточным (афганским) «акцентом» — тетралогия «Горящие сады», «Рисунки баталиста» и др.

По сути, в форме истерна Проханов создал советский имперский роман. Притом что и царская Россия, и СССР были империями, писатели и поэты-имперцы у нас — крайняя редкость. В дореволюционной России явным имперцем, опять-таки с восточным уклоном, был Н.С. Гумилёв — но поэт, не прозаик. В СССР главный имперец — прозаик Проханов. «Восточно-имперские» романы Проханова со стеклянной ясностью (как сказал бы Владимир Набоков, которым, как и его антиподом Андреем Платоновым, увлекался в молодости Александр Андреевич) демонстрировали: в советской литературе кроме патриотов, красных и белых, и либералов, интернационалистов раннесоветского типа и космополитов позднесоветского теперь есть советские имперцы, имперцы советского типа. Пусть в одном лице — писателя Проханова, который, кстати, к концу 1980-х был уже не только признанным писателем, но и секретарём Союза писателей, и главным редактором журнала «Советская литература». Но ведь мир — понятие не количественное, а качественное.

В 1980-е Проханов своими романами делает большой шаг на пути превращения бинарной оппозиции «патриоты — либералы» в треугольник, который, как известно, самая устойчивая конструкция. Третий, образующий, угол обеспечивала идея советской имперскости, осмысление СССР не как матушки-России и не как центра мирового революционного процесса, а прежде всего, как Красной империи. При этом подозреваю, выбор Проханову с его чувством вкуса диктовали не только история, политика и судьба, но и эстетика — Большой стиль Красной империи, которой, кажется, не хватало рефлексии именно по этому поводу. Хотя СССР на Западе и называли империей, у нас первым в литературной форме, что очень важно для литературоцентричной страны, отчётливо, без обиняков и с проекцией на идеологию заявил это Проханов. Эстетический резон и восторг были здесь далеко не на последнем месте.

III

Увы. Треугольник не состоялся.

Сова Минервы вылетает в сумерки. Свои имперские романы Проханов писал в десятилетие стремительного заката Советской империи, по сути — во время хроники её объявленной смерти. Причём закатывалась она не столько сама, сколько закатывали её в «лунку истории» сознательно: не только враги, но своей неадекватностью, простотой (той, что хуже воровства) — те, кто должен был её защищать. Были ещё и третьи, кто хотел на месте СССР создать свою — не империю, а что-то вроде мегакорпорации, их Александр Андреевич выведет в романе «Меченосец».

Проханов с его обострённым чувством истории ощутил обречённость горе-защитников Системы ещё до их поражения. Вот он размышляет о будущих гэкачепистах: *«Все они казались недалёкими, почти примитивными для того дела… Но оно требовало изощрённости, гибкого ума. Всего того, чем в полной мере обладали "перестройщики" Яковлев, Дейч, Явлинский, Чубайс. Множество советников. Всё многочисленное дружное племя, которое ополчилось на государство, готовило ему бесславный конец. Государственные мужи владели флотами, воздушными армиями, разведкой, казной. Но не владели тем сатанинским интеллектом, каким владели противники. И это мучило Куравлёва, когда он плескался в ледяном бассейне с Янаевым, который выкрикивал:*

— Эхма! Забодай меня комар!»

Разумеется, Чубайсы, Явлинские и прочая публика такого рода были сильны не сами по себе — в известном смысле вполне убогие и ничтожные персонажи с замешанными на социопатии комплексами, которые время позволило им выплеснуть на людей. Они были сильны другим. Во «Властелине колец» эльф Леголас говорит об орках: *«Их подгоняет чья-то злая воля»*. Всю эту шелупонь, этих орков перестроечно-постперестроечного времени подгоняла воля серьёзных, скажем так, людей внутри страны и за её пределами. В романе «ЦДЛ» «хромой бес перестройки» Александр Яковлев объясняет автору, что переход власти (от Горбачёва к Ельцину) — не проблема, что в реальности *«в этом нет необходимости. Борьба происходит в мирных формах. Ибо ею… управляют ответственные люди»*. Да, сегодня мы знаем, что среди этих ответственных людей был, например, президент США Джордж Буш — старший. Именно его главной

заслугой Мадлен Олбрайт считала руководство демонтажом Советской империи. Именно ему как главному начальнику первому отрапортовал Ельцин о результатах беловежского сговора. Именно Буш в полном соответствии с интересами тех кланов, которые он представлял, и вопреки аргументам Чейни принял окончательное решение об устройстве постсоветского пространства: не союз суверенных государств (ССГ) числом от 40 до 60, а союз независимых государств, СНГ — 15. Разумеется, и сам Буш — лишь высоко- (очень высоко) поставленный клерк, были и другие, ещё более «ответственные люди», но суть ситуации ясна. И вот пришёл 1991 год. Проханов:

В Кремле разбилось голубое блюдце.
И с колокольни колокол упал.
Зажглись над Русью люстры революций,
И начался кромешный русский бал.

Эти строки вызывают в памяти волошинский «Северовосток», но не строки *«Быль царей и явь большевиков»* и не *«В комиссарах — дурь самодержавья, / Взрывы Революции — в царях»*, а другие: *«Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперёк...»* Причём бесы оказались мелкими. Но это если мелкий бес — сам по себе, то, как у Пушкина, он *«понатужился, понапружился... два шага шагнул... ножки протянул»*. А если его поддерживает хозяин — закордонный буржуин, то гоголем пойдёт.

В налетевшей стремительно, как поднятые ветром листья в ноябре: то ли с похоронами домовых, то ли с ведьминими свадьбами, — уродливой жизни Проханов создаёт русскую советскую имперскую газету — в социуме не просто с антиимперской-полуколониальной, а с антисоветской и русофобской властью, пьяно и униженно кривляющейся перед Клинтоном, в социуме, где ельцинские холуи под американские аплодисменты сначала расстреляли парламент страны, а затем под американскую диктовку сварганили Конституцию.

Все 1990-е — противостояние Проханова и его соратников с мелкими бесами и их хозяевами. Но дело Проханова — не только газета, не только высекание искры. Он пишет — роман за романом, причём не только военно-политические, но и острополитические (например, «Господин Гексоген», 2002 г., премия «Национальный бестселлер»).

Все 1990-е — это действия Проханова и его соратников, словно в качестве партизанского отряда на оккупированной территории в надежде на то, что «наши придут». Пришло время — пришли. Может, не совсем «наши», не совсем по своей воле и не от хорошей для них жизни, а потому, что высокомерный и тупой Запад загнал в угол самый прозападный в русской истории режим и заставил его обороняться, причём активно. Эта оборона, стартовавшая Мюнхенской речью, постепенно приближала, хотя далеко не во всём (это понятно: классовое бытие определяет классовое сознание — и классовые намерения), позицию власти к имперской позиции Проханова. Как говорил И.В. Сталин, логика обстоятельств сильнее логики намерений. И вот — чудеса, да и только: например, в 2012 году указом В.В. Путина Проханов становится членом Совета по общественному телевидению, начинает часто появляться на телеэкране и даже бьёт врага на его территории — даёт интервью «Эху Москвы».

Все эти годы писатель оставался верен себе — и Советской империи. Ведь империя, как вообще различные сущности, в том числе идеальные, существует, пока живы её солдаты и офицеры, память о ней. Более того, она существует, пока есть кто-то, пусть даже всего один человек, кто её мыслит. Недаром когда-то Маркс сказал о Реформации: *«Революция началась в мозгу монаха»*.

Закончился XX век, о котором Проханов скажет: *«Век мой вскрикнул, вспыхнул и умчался, / И растаял где-то вдалеке»*. Наступил век XXI. В творческой биографии Проханова — это «романный взрыв». Чем объяснить его? Не смогу назвать все причины, но некоторые очевидны. Эти романы — форма сопротивления тому, что не принимает душа.

Они — выплеснутая боль по утраченной империи, по утраченному величию, по людям, которые эту империю строили, по их мечтам. Эти романы — способ самостояния вопреки. Они — ответ на вопросы: как это всё могло произойти? Что происходит сейчас? Что будет? Всё это есть и в «Семикнижии», и в «Политологе», и в «Теплоходе "Иосиф Бродский"», да и в других.

И вот что интересно. Реалистические политические романы Проханова нередко окрашены в магические тона, оказываясь в каком-то смысле и этюдом в багровых тонах магического реализма — сплава рациональности и чародейства: привет Эдгару По, Михаилу Булгакову и Габриэлю Гарсиа Маркесу. Впрочем, творчество, будь то художественное или историческое, — это всегда чародейство, магия. Как писал Эрнст Юнгер, произведения искусства относятся к магическому быту. Магическое в восприятии Прохановым советской истории, империи — не случайно. У поколения Трифонова (1925 г.р.), тем более у людей его судьбы, революция и то, что за ней последовало, — это, прежде всего, боль. У Проханова и многих из его поколения боль отчасти улеглась, и высветилось то, что за ней скрывалось, — трагическая магия. Или, если угодно, магия трагического праздника истории, локомотив которой шёл по трупам в прямом и переносном смысле. Другое дело, что увидеть магию и сказать это в той форме, в какой сказалось, смог только Проханов. В неменьшей степени в романах Проханова слышен привет Гоголю и вообще русской смеховой культуре, в которой, в отличие от западной, смешно и страшно может быть одновременно.

IV

Среди романов, написанных Прохановым в XXI веке, я как читатель и как историк выделяю то, что воспринимаю как трилогию: «ЦДЛ» (2021), «День» (2021), «Меченосец» (2022). И хотя «Меченосец» написан позже и его герой — не писатель Куравлёв, как в «ЦДЛ» и «Дне», по хронологии это первая часть: события происходят в 1984-м — начале 1985 года, «ЦДЛ» — это лето 1991 года, «День» — осень 1993-го. Трилогия, хотя и с перерывами во времени, охватывает период 1984–1993 годов, переломный период не только советской, но и русской истории. Прохановская трилогия — единственный романный цикл об этом «вывихнутом времени», о социальной войне и міре (то есть обществе), о хождении по мукам такого времени, о котором в романе «Меченосец» сказано: оно *«выпало из календаря»*. Я более подробно остановлюсь именно на этом романе, поскольку он знаковый сразу в нескольких отношениях и, на мой взгляд, ярко проявляет многое и в творчестве Проханова, позволяя прочитать некие скрытые шифры, и в его позиции наблюдателя и сотворца эпохи, и в его анализе.

Трилогия — это и свидетельство острого на глаз и точного на слово очевидца и ушеслышца, и одновременно анализ произошедших событий. Причём от романа к роману, и особенно в «Меченосце», анализ становится всё более тонким и глубоким. В «ЦДЛ» показаны и те, кто проиграет, и те, кто победит, и те, кого Юрий Кузнецов назвал маркитантами. В «Дне» присутствуют и те, кто пойдёт на баррикады, и те, в кого эта баррикада целит, а также кукловоды и куклы (в «ЦДЛ» они названы «матерчатыми»). А чего стоит описание Ельцина и времени, а точнее безвременья, которое он воплощал и которое тащил за собой, как Вий, окружённый сворой нечисти. Вот только убийственный для нечисти петушиный крик не раздался.

Итак, Ельцин: *«Куравлёву показалось, что в его дом вошёл огромный истукан с вырубленным ртом, в котором вяло чавкал застывающий бетон, язык с трудом проворачивал застывающее месиво. Ямины, в которых должны были помещаться глаза, смыкались, и на дне их что-то липко блестело. Время, которое предшествовало появлению истукана, остановилось, запруженное каменным туловищем. Накапливалось, взбухало, не в силах пробить запруду. За спиной истукана остановленное время горбилось*

огромной горой, перед каменным брюхом открылась пустота. Начиналось безвременье».

Я не случайно вспомнил «Вия». Образ истукана — гоголевский, а вот на ельциноидов нужен был бы Пётр Боклевский — потрясающий иллюстратор «Мёртвых душ». Но это к слову.

В «Меченосце» Проханов, во-первых, показывает механизм реального заговора «ответственных людей» внутри страны и этих самых людей. В «ЦДЛ» устами писателя Макавина говорится о том, что в Париже богатые и могущественные люди (*«они знают подоплёку, а не ширму»*) решают судьбу России, что «эти люди уже пришли сюда, они здесь, они подпиливают сваи, на которых стоит Советский Союз», в «Меченосце» показаны не забугорные планировщики и исполнители разрушения, а местные, советские. Их задача по должности и по совести не допустить разрушения, но действуют они с точностью до наоборот и не важно, с какими намерениями. Если в «ЦДЛ» лишь вскользь упоминаются некие дровосеки в самом Кремле, которые пилят древо, именуемое государством, огромная машина, подпиливающая опоры государства, но главный герой романа никак не может обнаружить «глубинную волю, совершающую разрушение», то герой «Меченосца», а точнее Проханов, эту волю обнаруживает, но об этом чуть позже.

Во-вторых, в романе глазами капитана КГБ Сергея Максимовича Листовидова мы видим широкую панораму изнаночного (в социокультурном и идейном плане) СССР, изнанку, которой в начале 1990-х предстоит поменяться местами с лицевой частью. Мы знакомимся с организованными в кружки русскими и украинскими националистами, с православными и с косящими под психов (а отчасти действительно психами) художниками, сионистами и фашистами, молодыми комсомольскими и партийными функционерами, презирающими Систему, страну и народ, уже примеривающими на себя одежды будущих хозяев новой системы, её прокураторов — *«в белом плаще с кровавым подбоем»*.

В «экскурсиях» героев «Меченосца» по кружкам-кругам аномального (з) ада позднесоветского социума слышна перекличка с романом В.А. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Оба автора проводят нас по репрезентативным, как сказал бы социолог, идейно-политическим группам советского общества. У Кочетова их меньше, у Проханова — больше, но ведь в конце 1980-х, в ситуации разложения советского общества, их и было больше, чем в 1960-е.

Путешествуя по «кругам антисоветчины», словно попадаешь в мир какотопии — этот термин ввёл Энтони Бёрджесс в романе «1985». «Какос» — плохой, нечто вроде немецкого der Dreck (но не столь сильное, как die Scheiße, скорее латинское cacatum или, по-русски говоря, «кака»). Какотопия — это мир, сделанный из чего-то нехорошего, плохо пахнущего. В «Меченосце» мы попадаем в какотопическую сферу позднесоветского общества. Значительная часть этой изнаночной сферы превратится в постсоветское общество и станет его лицом, а точнее — рожей. Впрочем, не сама превратится, а её превратят. Превратят такие, как начальник Листовидова генерал-полковник Иван Фёдорович Клубников, в качестве прототипа которого угадывается Филипп Денисович Бобков, в 1984–1985 годах тоже генерал-полковник, один из «птенцов гнезда» Евгения Петровича Питовранова.

Задуманная Клубниковым, а также другими генералами, высокопоставленными номенклатурщиками и министрами операция сводится к внедрению Листовидова в «зоны аномальных явлений», в антисоветские кружки и к вербовке их лидеров. Но не для того, чтобы уничтожить эти кружки, а для того, чтобы с их помощью опрокинуть старое, ветхое, сгнившее государство и создать новое, оседлав поднимающиеся из бездны перемены. Это для Листовидова «аномальные зоны» — помойка, и он прямо говорит об этом. На что героиня романа Варя, в конце оказывающаяся подведённой к нему сотрудницей КГБ и специалистом по этим самым зонам, возражает: *«В этих домах вершится история. У истории нет помоек. В этих домах история себя обнаруживает. Не на партийных съездах, не на космодромах, не на великих стройках. История обнаруживает себя в шорохе чуланов… В этих чуланах видно, как гибнет государство… Каждый кружок, где мы побывали, — это норка, где живут маленькие зверьки. С огромными зубами. Каждый выгрызает из государства крохотный ломтик. Ломтик за ломтиком — и ствол государства начинает качаться и падает»*.

Это кажущееся очевидным суждение на самом деле — глубокая мысль самого Проханова, вложенная в уста героини. Справедливость и точность этой мысли полностью подтверждается эволюцией, причём не только социальной, но и биологической. Советская Россия рождалась не в парадах и войнах России самодержавной, а в эсеровских и большевистских кружках, капитализм — в «чуланных» союзах протестантов, в действиях таких людей, как Мартин Лютер, которых гуманисты типа Эразма Роттердамского называли viri obscuri — «тёмные» (в смысле «неотёсанные») мужики, послеантичное будущее рождалось в христианских катакомбных подпольях позднего Рима. В биологии это называется рецессивной мутацией, когда виды, вытесненные на периферию экологической ниши, но обладающие универсальной способностью жить на «помойке», на обочине, при изменении ситуации быстро занимают место бывших цветущих хозяев прежней жизни (для сравнения: млекопитающие и динозавры).

Аномальные зоны в позднем СССР празднуют свой пикник не только на обочине. Они прорастают наверх. Процесс подрыва государства идёт не только снизу и сбоку, но и сверху. Когда Варя называет комсомольских вожаков, готовящих сброс государства, бобрами, подгрызающими его

ствол, и Листовидов предлагает поместить их в «бобровый заповедник» или пустить на воротники, в ответ он слышит: «Этот заповедник, мой милый, находится на Старой площади, а там совсем другие бобры… Ты говоришь: «Госбезопасность! Она спасёт государство». Но это она грызёт государство. Ты побежишь доносить на бобров, войдёшь в кабинет с правительственными телефонами и увидишь огромного бобра, грызущего ствол государства».

Так оно и происходит. Когда Клубников, по сути, приказывает Листовидову готовить из кружковских микрофюреров новых лидеров, капитан понимает, что центр антигосударственного заговора им обнаружен. Это и есть ответ на вопросы, поставленные Прохановым в «ЦДЛ» и «Дне», и ответ этот предъявлен в романе потрясающими по силе сценой и монологом Клубникова. Листовидов понимает, что *«генерал и был тем огромным бобром, подгрызающим ствол государства. Листовидов видел сальный мех, жёлтые резцы, плоский резиновый хвост. Бобёр восседал в кресле среди телефонов правительственной связи. Следовало кинуться на него и убить. Спасти государство.*

Генерал захлопнул папку. Казалось, он угадал безумный порыв Листовидова.

— Государство, Сергей Максимович, переодевается. У него большой гардероб. Там есть генеральские мундиры, рясы священников, смокинги, тюремные робы».

И — финальная фраза, бросок завершается болевым приёмом, которым генерал вербует-добивает капитана, апеллируя к истории: *«Мы идём туда, куда нас ведёт история. Когда ломается мир, под обломками гибнут прежние хозяева мира, а встают из развалин новые. Гибнущий мир — место, где плодятся будущие вожди. Майор Бонапарт под Тулоном засыпал картечью город и превратился в Наполеона. Капитан госбезопасности, волевой, просвещённый, переживший в младенчестве смерть и спасённый для великих свершений, — такой капитан может встать из развалин».*

По логике генерала, ветхое государство нужно доразвалить и похоронить.

Символ похорон отжившего государства в романе — похороны Черненко, причём мертвецом здесь оказывается не только Черненко, но и организатор траурного мероприятия Горбачёв, которому суждено стать новым и последним генсеком. Листовидов всматривается в него, и его веселит мысль о том, что Горбачёв не догадывается о своей роли в истории: *«Он был землекоп, копавший могилу “ветхому государству”. Он спускал это “ветхое государство” в могилу истории… В гробу, заваленном цветами, лежало «ветхое государство».* Горбачёв оказывал ритуальные услуги, запечатывал гроб «ветхого государства», ставил сургучную печать с клеймом каракатицы… Горбачёв с понурой гурьбой стариков — «мертвецы, погребающие мёртвых», эдакие морвиваны высокономенклатурного разлива.

V

В романе ни Клубников, ни Листовидов, ни Варя не знают, увенчается ли успехом их операция. В отличие от них, Проханов и мы знаем: не увенчалась. Попытка снарядить в своих интересах новую русскую птицу-тройку не удалась. И в этом плане проигрыш коллективного Клубникова — позорный: имея на руках если не все, то многие козыри, они проиграли свою партию — в обоих значениях этого слова, они тоже в известном смысле «забодай меня комар». Предатели, которых они готовили, оказались нежитью, и это — приговор тем, кто самоуверенно полагал себя игроком, а оказался всего лишь колодой старых карт. В известном смысле история поступила с ними, при всех их спецкачествах, как Ихарев из гоголевских «Игроков» с талисманно-любимой, но не оправдавшей надежд колодой карт «Аделаидой Ивановной», швырнув её об дверь: *«Дамы и двойки летят на пол».* Тузы и короли, добавлю я, тоже.

У Проханова сразу несколько ответов на вопрос, почему проиграли Клубниковы, и это делает «Меченосца» произведением не только литературы, но и аналитики. Предъявляя первое объяснение, Проханов выходит на проблему планирования в истории, управления историей — на то, что я называю проектно-конструкторским подходом к истории. Вот какие мысли вкладывает писатель в уста генералу Клубникову: *«Человек только и делает, что планирует историю. Другой вопрос, в какой степени сбываются подобные планы. Их результаты отличаются от замыслов. Возникает совсем другая история. Историю формируют не планы, а ошибки планирования. Но вот вопрос: мы ли управляем историей, или она управляет нами? Мы стараемся овладеть историей, взять её в плен, планируем её ход. Но, не ведая того, закладываем в наши планы ошибку. Сквозь эту ошибку, как сквозь игольное ушко, история выскальзывает на свободу, освобождается от нас. Будущее — это ошибочно спланированное настоящее».*

Какую же ошибку заложили в свои планы Клубниковы? Чего не учли? Нескольких вещей. Первая ошибка — рассуждая о «ветхом государстве», они почему-то решили, что они к этой ветхости не относятся. Когда-то А.А. Зиновьев сказал, что если вы сломаете старый сарай, то из его досок вы сможете построить сарай же, только хуже качеством. Ломая систему, коллективный Клубников даже не думал о том, какие силы направляют его деятельность, наивно полагая, что в тех сетях-паутинах наднационального элитного влияния и управления, куда их допустили, они — среди пауков. Это одна сторона дела. Другая — в том, что у планировщиков «переодевания государства» не было понимания, какие силы русской и мировой истории они выпускают своими действиями, словно джинна из бутылки. Нередко именно у спецслужбистов-оперативников встречается самоуверенная короткость мысли — восприятие истории как спецоперации гигантского

масштаба. И если для отрезков относительно спокойного развития систем это пусть с натяжкой, но допустимо, то для периодов разрыва времён, наступления «минут роковых» это хуже преступления и ошибки, это чаще всего самоубийство, как минимум — политическое. Например, зубатовщина могла частично сработать в 1870-е, в начале XX века это была пуля в лоб в прямом и в переносном смысле.

При всём уме спецслужбистов, их мысли нередко оказывались коротенькими, как у Буратино. Генерал сам роняет фразу: *«Когда верхний иерархический слой начинает гнить, гниение охватывает низшие уровни, и организация погибает. Высшей формой организации является государство. Если вы замечаете гниение низших слоёв, значит, гниением охвачены верхи»*. Последней фразой генерал, по сути, выносит приговор самому себе и перспективам своей «затейки».

В романе Олега Маркеева «Угроза вторжения» (события происходят в 1993–1994 гг.) гроссмейстер подковёрных интриг говорит одному из нуворишей от власти: *«Вы, как все нынешние кремлёвские хозяйчики, не ведаете, что творите... Своей бестолковой операцией вы разбудили силы, о существовании которых даже не подозреваете. По собственной глупости вы вторглись в сферы, причастности к которым не имеете. Хуже — даже не можете иметь! И за вторжение придётся платить по полному счёту»*. Но то в романе Маркеева, в реальности всесильному генералу и его сообщникам сказать это было некому. Результат — на экспресс «История» они опоздали. Спецоперация, какие бы тёплые места Клубниковы ни заняли после 1991-го, обернулась для них злым роком — потерей всеохватывающей власти, наркотик которой несравним для этих людей ни с какой кормушкой. Клубниковы, что бы они о себе ни думали, сами были частью «ветхого государства», манипулирующие ещё большей ветхостью. Только они этого не знали — не положено. Если Горбачёвы — это просто прошедшее время, то Клубниковы — прошедшее в настоящем, но таком, которое без будущего, по Петру Вяземскому: *«Во мне найдёшь, быть может, след вчерашний, / Но ничего уж завтрашнего нет»*. А ведь главный удар по государству, которое заговорщики считали ветхим, наносился не из прошлого, а из будущего, из завтра, и они этот удар пропустят. Об этом символически свидетельствует финальная сцена романа: Листовидов помогает психбольным в пижамах сажать саженцы корнями вверх. Не этим ли по факту, по результату оказалась вся операция Клубникова?

Вторая ошибка связана с Листовидовым, а точнее с тем, какое трансформирующее влияние оказала операция на её непосредственных исполнителей. Речь о «ловушке осы-наездницы». Инструктируя Листовидова, Клубников говорит, что процесс вербовки нынешних антисоветчиков как кандидатов в управляемую Лубянкой элиту будущей новой (то есть по факту — антисоветской) России сродни тому, как оса-наездница откладывает яйца в тело жирной гусеницы. Личинки, вылупившиеся из яиц, питаются гусеницей, та превращается в бабочку, но личинки остаются и в ней и продолжают поедать её живьём, по окончании процесса личинки превращаются в осу-наездницу, которая покидает уже мёртвую бабочку. Судьба завербованных — стать социальным вариантом «гусеницы» для рождения новой «осы». По Клубникову, Листовидов и должен стать осой-наездницей. *«Не просто вербуйте, — говорит генерал, — а откладывайте яички на будущее. Пусть завербованные вами будущие министры, депутаты, банкиры переместятся в “обновлённое государство”. Вместе с ними переместитесь и вы. Их не станет, а вы отряхнёте оставшуюся от них труху и продолжите существование в “обновлённом государстве”»*.

Но «гладко было на бумаге»: в процессе одной из вербовок, то есть оплодотворения вербуемого будущей смертью, до Листовидова вдруг доходит очевидное: а ведь неизвестно, кто оса, а кто — гусеница, уж не он ли? Вот этого обратного эффекта и не предусмотрели Клубниковы (а он-то и сработал в 1990-е).

Равно как и того, что, полагая себя осами-наездницами, они сами для кого-то более сильного и далёкого могли выступать в роли гусениц.

Но были и более близкие, а не забугорные «осы». Конкретная история показала: Клубниковы не учли степени криминализации позднего советского общества, широту и глубину её влияния на позднесоветское общество и его верхи — партократов и спецслужбистов. А ведь умные люди это прекрасно понимали. Например, в середине 1970-х годов советский экономист-японист Я.А. Певзнер писал в дневнике, что если в Советском Союзе когда-нибудь победят рынок и связанная с ним «демократия», результатом станут распад СССР (разбегутся все республики, кроме, может быть, Белоруссии) и, самое главное, тотальная криминализация всех сфер жизни. Так оно и произошло. В 1990-е возник симбиоз чекистов, чиновников и криминала, эдакая ЧЧК (звучит почти как Чичиков) — глубинная власть по-российски, которая со временем надела государственные одежды. И мостившие ей дорогу Клубниковы власти этой оказались не нужны так же, как в «Золотом ключике» столетний Говорящий Сверчок — Буратино, который со словами «Убирайся отсюда!» запустил в него молотком. Их будущее действительно оказалось плохо спланированным настоящим. А всё почему? Потому что, как повторил за Р.И. Косолаповым Ю.В. Андропов, *«мы не знаем общества, в котором живём и трудимся»*. Кто-то скажет: но в конечном-то счёте победили чекисты. Да, но какие? Коммерческий чекист Грибов из романа «Новый вор» Юрия Козлова — это чекист клубниковского разлива? Или уже не совсем?

VI

Вовсе не так просто обстоит, на мой взгляд, дело с жанровым своеобразием трилогии, особенно «Меченосца». Вообще, у русской литературы и пришедшей к нам в XIX веке с Запада жанровой сетки интересные, скажем так, отношения. Отвечая на вопрос о жанре, в котором написана его великая книга, Лев Толстой заметил: *«Что такое “Война и мир”? Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт ни одного примера противного»*. Толстой в качестве примера отступления от европейской жанровой нормы приводит «Капитанскую дочку». И он, конечно же, прав, под-

чёркивая систематичность «отступления». Его пример можно дополнить: «Евгений Онегин» — роман в стихах, «Мёртвые души» — поэма. А к какому жанру отнести «Былое и думы» Герцена, «Дневник» Достоевского, почти всё написанное Розановым? Правда в том, что русская реальность плохо вписывается не только в прокрустово ложе триады «экономика–социология–политология», но и в сетку западных литературных форм, отражающих буржуазную реальность. Трилогия Проханова — цикл политических романов, и в значительной степени это так. Но это «так» — неполная характеристика. На мой взгляд, эта трилогия, особенно «Меченосец» (и это роднит его со многими другими вещами Проханова), — поэма в том смысле, который вкладывал в это слово Гоголь, определяя как поэму «Мёртвые души». Я уже не говорю о том, что трилогия посвящена душам — живым и мёртвым, ведущим борьбу не на жизнь, а на смерть. Приходится с сожалением констатировать: мёртвых душ в трилогии больше, чем живых, не говоря уже о бесах, полубесах и бесенятах «из неудавшихся, с насморком», на которых мы насмотрелись в «аномальных зонах». В целом это неудивительно: эпоха конца — это выморочное время, время живых социальных мертвецов. Мертвецы Клубниковы могут породить только мертвецов — а нас убеждают, что мертвецы не могут размножаться. Ещё как могут.

Является ли шабаш умертвий в 1990-е финалом русской государственности, или это временный провал, раздастся ли петушиный крик и испуганные карлики и духи бросятся «кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь»? Есть нечто, что питает сдержанный оптимизм по этому вопросу, причём из области как «практики», так и «теории». «Практика»: в последние месяцы 2022 года крысокарлики разного калибра полетели во все концы, а за ними — «ведьмы, блохи, мертвецы». «Теория»: образные рассуждения и умозаключения Проханова о природе русской государственности с её циклическими падениями и возрождениями. Разумеется, этот процесс когда-то может и прерваться — «нам не дано предугадать», но — dum spiro, spero (пока дышу — надеюсь). И стакан всё же наполовину полон, а не пуст. Дети и внуки победителей, расписавшихся на Рейхстаге, рассуждать иначе не могут.

VII

В «Меченосце» важны мысли о природе государства в России. Проханов сравнивает его с дельфином, ныряющим и выныривающим в океане русской истории: *«…необъяснимое свойство государства Российского умирать и вновь воскресать, каждый раз в новом обличье, сберегая свою тайную сущность, стремление к ускользающей от понимания новой буре, исчезновению и новому воскрешению. Российская империя напоминала громадную льдину, лениво плывущую в просторных берегах. Когда берега сужались, русло сжималось, течение убыстрялось, льдина раскалывалась, проносилась сквозь стремнину множеством мелких обломков. Но когда берега расширялись, течение стихало, льдина снова срасталась и во всей красоте и величии продолжала свой путь. Листовидов чувствовал, как льдина государства начинает трещать, ломаться на две льдины — старое и обновлённое государство»*.

Почему же это государство всё время воскресает? Почему нередко его разрушители сами начинают его воссоздавать? Потому что либо жизнь заставляет — иначе кирдык, либо разрушителей отодвигают и приходят строители. Именно так произошло в 1937–1938 годах. У Проханова есть объяснение, почему так происходит, и оно весьма убедительно: при всех минусах и проблемах русской государственности, государство — это единственное, что есть у русского народа в борьбе за место в истории, в противостоянии хищникам и чужим. *«С помощью государства народ вгрызался в историю… Государство мостило поля сражений костями героев, прятало в ямы изуродованных пытками мучеников. Государство примиряло ненавидящие друг друга сословия, укрощало властолюбцев, вершило суды и казни. Низвергало тщеславных вождей и отдавало победу осторожным лукавцам. Государству слагались хвалебные оды и глухие хуленья. Но всё это казалось мерцаньем. Государством было то, что не имело названия и давало всему названия. Делало вдох — и всё начинало дышать, плодоносило, умножалось. Делало выдох — и всё хирело, осыпалось, превращалось в строительный мусор на картине Кандинского. Государство было таинственным сердцем, бьющимся в русской истории. Оно останавливалось — и прекращалась история. Начинало стучать — и эти стуки превращались в громы победных сражений, грохоты невиданных строек»*.

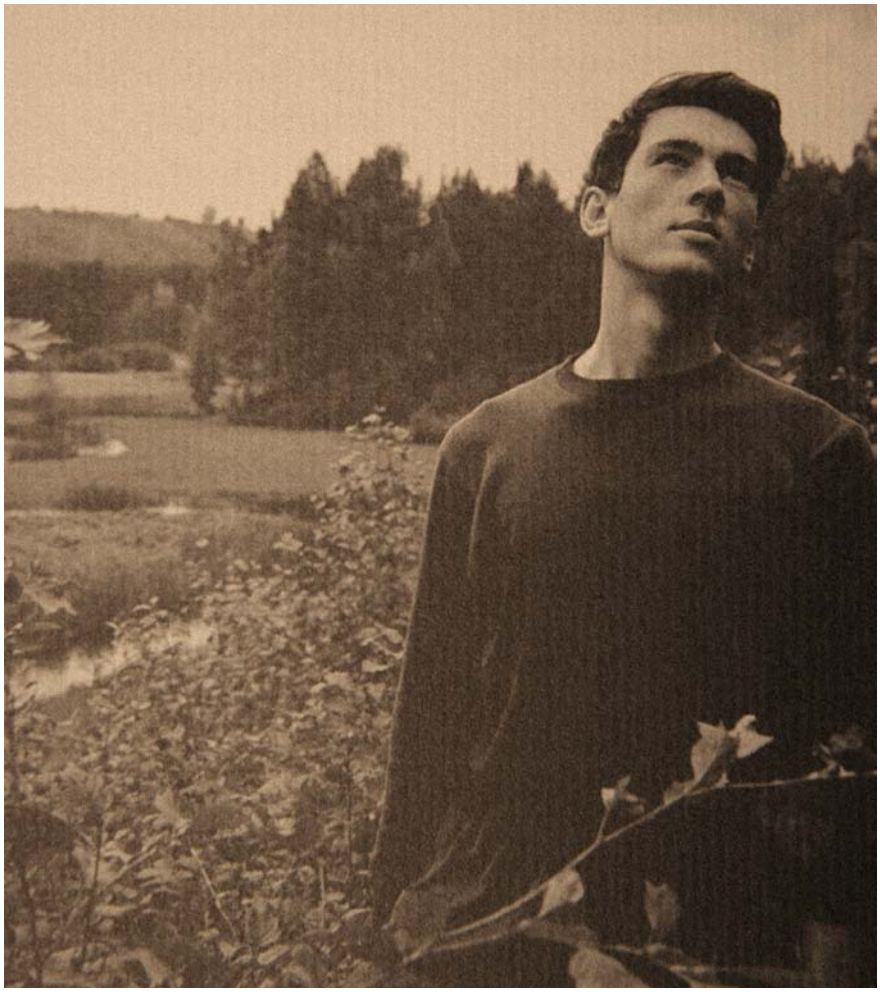
Важное слово — мостило. Мост. Государство в России — это, помимо прочего, мост — в историю, в будущее, каким бы страшным это государство-мост, будь то опричнина Ивана Грозного или диктатура грозного Иосифа, ни пытались рисовать. Совершенно ясно, что Проханов ассоциирует себя с государством. И в этом смысле не случайны следующие его строки: *«Я — мост, ведущий от рожденья к смерти. / Я — по мосту идущий пешеход»*.

У Проханова личное не просто переплетено с историей, а спаяно с ней. Он прорубается в историю, в прошлое, в том числе и ради лучшего понимания и преобразования настояще-будущего. Отсюда — ещё одна его метафора:

Я — прорубь в прошлое. На дне моём — цветы,
И девять войн, и лица милых женщин.
Но если в глубину вглядишься ты,
Увидишь дым, сочащийся из трещин.

Но ведь если есть дым, то есть и огонь: дыма без огня не бывает. Проханов — писатель огненный. А у огня нет возраста, независимо от того, мерцает ли он в сосуде, или полыхает заревом нашей истории.

С юбилеем, Мастер.



/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Проханов – код русского времени

Пять лет назад я написал книгу об Александре Проханове «Ловец истории». Посвящённая сорока романам и повестям писателя, она не вполне филологическая. Это скорее прохановская биография, рассказанная через его прозу. Но кроме этого, я пытался ответить на очень важный для самого себя вопрос: каковы взаимоотношения человека со временем?

Русская и мировая культура отзывается на это по-разному. Порой ответы явные, прямолинейные, порой противоречивые, туманные. Гёте умоляет остановиться прекрасное мгновение. Чехов всем своим творчеством говорит, что человек не успевает за временем: на каком-то витке или повороте оно отрывается, уходит далеко вперёд, и тебе остаётся только слушать, как стучат топоры в вишнёвом саду. Священник Павел Флоренский был уверен, что «нужно всегда идти впереди века, даже если век идёт назад».

Чтобы обрести в этом вопросе хоть какую-то точку опоры, нужно проделать путь через творчество большого писателя, не проанализировать, а прожить его романы, воспринять художественную реальность не как вымысел, а как реальнейшую из реальностей.

В «Ловце истории» сложились замысловатые синусоиды прохановского времени: обретение собственной тропы и голоса в первых книгах — «Иду в путь мой» и «Желтеет трава»; время технократических романов о больших советских стройках, об одушевлении машины; время семнадцати войн, на которых побывал писатель; пора предчувствия великой катастрофы — гибели Советского Союза; пора чёрного безвременья 90-х, когда на обломках Красной империи возникли существа, подобные персонажам Босха; постепенное имперское возрождение России, связанное с правлением нынешнего президента. Синусоиды порой пересекались в общих событиях и персонажах, художественное время позволяло себе уплотнять и переставлять реальные события, но в итоге получилась летопись длиной в более чем полвека.

Тогда, в 2018 году, завершив свою книгу на самом свежем романе Проханова, я тревожился о том, что заканчивается она не на знаковом рубеже: 2018 год по своей исторической важности не был сопоставим ни с 1991-м, ни с 1993-м, ни с 2014-м. Не виделось края тектонической плиты времени, у которого вновь оказалась бы наша страна. Не было, казалось, этапной черты, которую хотелось подвести.

Но теперь, когда Проханов за минувшую пятилетку опубликовал три повести и восемь романов (а ведь были ещё почти три сотни передовиц, книга воспоминаний, два цикла стихов, серия рисунков; а ведь мы ещё не знаем, что таится у Проханова в письменном столе) и когда все прежние синусоиды выстроились по-иному, стало ясно, что 2018-й не в историческом, а в метафизи-

ческом смысле очень важная граница. И определяется она переменой в отношениях писателя и времени.

Если прежде Проханов неутомимо гонялся за временем, готовил для него литературные ловушки, пытался углядеть его лики и контуры, то теперь время стало неотрывно следовать за Прохановым. Время оробело перед Прохановым, как оробело оно перед египетскими пирамидами, Красной площадью или Аркаимом — перед всем тем, что больше времени, что невместимо во время. Осознав, что, не запечатлённое в литературе, оно становится безликим, безголосым, помертвелым, время, как дитя, тянущее взрослого за рукав, стало умолять найти для себя новые формы жизни. И эти формы Проханов нашёл.

Реверсивное время, обращённое вспять, когда писатель из сегодняшнего дня размышляет о Перестройке (роман «Меченосец»), 1991 годе (роман «ЦДЛ»), 1993 годе (роман «День»).

Это романы, в которых описывается, как *«работает огромная машина, подпиливает опоры, разносит вдребезги стены, перекусывает связи, раскалывает плиты, и вся незыблемая мощь государства начинает крениться, оползает, грозит рухнуть, засыпать живых своими уродливыми обломками»* («ЦДЛ»).

Это романы, в которых мы видим, что *«развенчиваются герои Гражданской войны и Отечественной. Хохочут над Чапаевым, иронизируют над “панфиловцами”. Ленин стал комическим персонажем, Сталин чудовищем. Власть зовут “воровской”, армию называют “кровавой”. Военно-промышленный комплекс нарекли упырём, пьющим кровь экономики. Госбезопасность — “союз палачей”»* («Меченосец»).

Это романы, в которых охватывает ужас оттого, что *«советское время кончилось, началось неизвестно какое. Между советским и новым временем провели сапожным ножом, с хрустом рассекли кожу, хрящи, сухожилия. Открылась рваная рана с бурлящей кровью»* («День»).

Но в том не болезненная ностальгия писателя, не попытка вновь пережить мучительное прошлое. Это особая временная хирургия, позволяющая найти в прошлом ещё живые ткани и сшить с ними настоящее, вырезав чёрную материю исторической пропасти. Это стремление локализовать в романе трупные яды, чтобы они не просочились в современность.

Семейное время, прежде рассредоточенное Прохановым в разных романах и повестях в образе матери и жены, погибшего отца, дядьёв и дедов, многоликих предков, оживающих на фотографиях из семейного альбома. Твой род, твоя семейная хроника — это тоже история страны, со всеми её битвами и победами, надрывами и ликованиями.

История многоцветным лучом прошла сквозь кристалл детства, на миг сфокусировалась в нём и затем разъялась на множество жизненных путей будущего писателя (роман «ОН»). Детство — родниковое время, исток времени, первый день творения, где тьма и свет чётко различимы. Искушения, грехопадения, хлеб, добываемый в поте лица, — всё после, а в детстве — радость каждого дня и часа. Неведомыми тропами оно возвращается к тебе, поседевшему, и приносит тот первозданный свет, воскрешает всех родных и близких.

Так же в повести «Деревянные журавли» оживает любовь. Любовь к той, которая была с тобой всегда, даже до вашей встречи. Ты так ждал её, ту, что на всю жизнь останется тебе верна, что родит тебе детей, что с молитвой будет ждать тебя с войны. Быть может, мир уцелел, не рухнул в последний миг в пропасть только оттого, что вы любили друг друга. За вашу любовь миру было прощено многое.

Сакральное время. Время инобытия, одоления смерти, поиска вечных русских кодов, время сбережения в человеке человеческого. Повести «Певец боевых колесниц» и «Священная роща», романы «Сыны Виссариона», «Таблица Агеева», «Тайник заветов», «Леонид» — это битвы за бытие. Россия — поле битвы, её, граничащую с Царствием Небесным, враг рода человеческого силится отнять от неба, вырвать из вечности.

Быть может, все пройденные Прохановым войны были приуготовлением к этой главной войне. Быть может, изнурительная гонка за историей была ради отдаления её конца. Проханов говорит самому себе: *«Россия неодолима, как неодолим Господь. Россия ведёт борьбу с демонами у самых врат в Царствие Небесное. И мы не отступим, ибо отступать некуда. За нами Царствие Небесное!»* («Священная роща»).

Теперь время может укрыться только в России. Вне России — безвременье, беспамятство, «конец истории». Вне России нет летописцев и прозорливцев. Нет тех, кто стал воплощённой историей. Потому времени нужен Проханов. Нужна скорость его творческой реакции, какая редко бывает у прозаиков. Времени дорог прохановский дар сработать на опережение и явить образ грядущего.

Всякий писатель застревает во времени, если не может расстаться с привязанным к этому времени творческим методом. Человек множества эстетик, Проханов не стал заложником ни одной из прожитых им эпох. Время бросало вызов, не желало принимать старые формы, вливаться в ветхие мехи, и Проханов, всегда оставаясь собой, принимал этот вызов: находил новые образы, создавал новый язык, созидал небывалые художественные миры.

Масштабным людям время не часто отводит долгий век. Мало кому довелось по-настоящему «своей кровью склеить столетий позвонки», перешагнуть через бездну. Проханову удалось. Он представим во всех периодах нашей истории. Он — извечный солдат империи, преодолевающий любые преграды. Он — художник и мудрец, размышляющий над самыми мучительными вопросами. Он — мечтатель, не знающий уныния. Он — русский человек во всей полноте, явление которого, размышляя о Пушкине, обещал нам Гоголь.

Проханов — код русского времени.

/ Захар ПРИЛЕПИН /

Проханов Ковчег

Проханов был главным человеком в моём становлении.

Не одним из — а главным.

Далеко перейдя порог сорока, я спокойно именую себя его учеником и смотрю на него всё с тем же восхищением, с которым смотрел три десятилетия назад.

Я знаю все его книги и читаю каждое прохановское воззвание — именовать «статьями» огненные речи Проханова язык не поворачивается.

Проханов — сутевой человек нашей эпохи.

Вижу его как Ноя, который прошёл сквозь все эти то штормы, то штили. Не перевернулся, проходя водопады. Разгрёб ледяную шугу. Выплыл сам и вывез весь русский род на чистый простор. И голубь несёт нам крымскую ветвь, донбасский цветок, киевский каштан в клюве.

Проханов — один из сутевых людей русской истории и русской словесности вообще.

Среди главных его предшественников мы найдём автора «Слова о полку Игореве» и автора «Повести о погибели Русской земли» — пронзительных плачей о порухе, посещающей наше Отечество из века в век.

Идя далее, видим Гаврилу Романовича Державина и Александра Семёновича Шишкова. Александр Андреевич даже внешне похож на царедворца, а в молодости — на боевого поручика Державина и на адмирала и неистового патриота Шишкова.

Все трое прославляли русское воинство и бережно наставляли русских царей, императриц, вельмож, всякий раз норовивших оступиться в нелепое западничество или грех пренебрежения русским народом.

Всех троих государство призывало в смутные и трудные дни, но едва стихали громы битв и становилось, как думалось вельможам, полегче, — неистовых патриотов со всклокоченными бровями старательно пытались задвинуть подальше, чтоб не слишком шумели и сверкали очами.

Увы, перерывы меж войнами в России всегда малы. И вот уже новая беда у ворот, и очередной премьер-министр просит секретарей: «...и призовите этого, ну вы поняли. Чтоб высказался. Он умеет».

А те отвечают: «Никак не можем призвать-с, ваше сиятельство!» — «Что такое?» — «Он на фронте-с. Вне связи-с!» — «Ну так разыщите на фронте, чёрт вас раздери!»

В следующие времена прохановская страсть отражалась в суровом пути Александра Серафимовича, автора великого «Железного потока», первого писателя, принявшего большевистскую революцию и ушедшего в её великие дела вместе со своими сыновьями. И, конечно же, в Шолохове: здесь мы вспоминаем не только эпика Шолохова, но и его как наставника теперь уже советских вельмож, из десятилетия в десятилетия пытавшегося сказать генсекам и разнообразным придворным: катастрофа при дверях, откройте же, наконец, вельможные очи свои и вглядитесь в неё!

Мне уже выпадала честь поздравлять Александра Андреевича с прежними юбилеями — что само по себе, признаюсь, странно: толку ли поздравлять с очередными датами Ноя — у него совсем иные временные замеры и рамки, не чета нашим.

Но сегодня я хотел бы совместить мою нехитрую здравицу с попутной и, уверен, важной заботой: немного подразобрать бумаги на прохановском столе.

Да не осердится на меня водитель Ковчега.

Так совпало, что в год 85-летнего юбилея у Александра Андреевича Проханова вышел пятидесятый роман. Я собираю и читаю их все, причём в разных редакциях. У меня отдельный шкаф с прохановскими книгами, и я несколько удручён тем, какой непорядок творится в литературоведении при обзорах, слава богу, постоянно пополняющегося наследия Александра Андреевича.

Впрочем, иной раз это объяснимо. Многие его книги имеют по два, а то и по три названия и соответствующее количество вариантов. Романы входят в разные пересекающиеся друг с другом циклы. Хитроумные издатели называют «романами» сборники прохановских передовиц.

Даже опытные читатели и критики путаются в этих лабиринтах.

Но в силу того, что нами эти дорожки изучены, мы сегодня предложим вам путеводитель по Русскому миру Александра Проханова. Конкретный разговор о литературном наследии оставим за пределами данного текста, но лишь пройдёмся по расстановке и боевым порядкам.

Итак.

Романы Александра Андреевича Проханова.

«Кочующая роза» (1974) — первый роман. Безусловная метафора всего прохановского пути заключена уже

в самом его названии: ему предстояла невероятная кочевая жизнь по странам, войнам, стройкам, континентам.

«Время полдень» (1975) — второй роман. Как и два последующих — сильнейшая производственно-лирическая сага; отличная, между прочим, проза.

«Место действия» (1978) — третий роман. Экранизирован в 1983 году. В ролях Иван Краско и Александр Демьяненко.

«Вечный город» (1981) — четвёртый роман. Сюжет книги перекликается с поздним романом «Надпись», тем не менее это два совершенно разных произведения.

«Дерево в центре Кабула» (1982) — пятый роман. Один из самых знаменитых и переиздаваемых у Проханова. Является первым из написанных Прохановым романов, посвящённых войне в Афганистане.

«Дерево в центре Кабула» входит в несколько прохановских циклов.

Первый цикл именовался «Горящие сады»: это тетралогия военно-политических романов о революционных событиях на разных континентах, свидетелем которых становился военкор (журналист? политолог? разведчик?) Проханов. Помимо «Дерева в центре Кабула» в тетралогию входили романы «В островах охотник...», «Африканист», «И вот приходит ветер».

В переработанной версии роман «Дерево в центре Кабула» получил название «Сон о Кабуле» и вошёл в т. н. Семикнижие о генерале Белосельцеве (изначально главный герой романа носил другое имя). Семикнижие составили помимо «Сна о Кабуле» три исправленных и дополненных романа из цикла «Горящие сады», а также три новых романа: «Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген». Позже Семикнижие было завершено повестью «Певец боевых колесниц», тоже посвящённой генералу Белосельцеву.

Наконец, «Дерево в центре Кабула» является составляющим «афганского цикла» Проханова, в который помимо этого входят романы: «Записки баталиста», «Дворец», «Пепел», «Стеклодув», а также повести и рассказы из сборника «Третий тост».

В одном из переизданий роман «Дерево в центре Кабула» («Сон о Кабуле») назывался «Восточный бастион».

В последних на сегодняшний день изданиях роману возвращено первоначальное название.

«Бой на Рио-Коко» (1984) — шестой роман, существенно переработанный спустя полтора десятилетия после первого издания. Изначально вышел под названием «И вот приходит ветер». Посвящён событиям в Никарагуа. Выходил также под названием «Контрас на глиняных ногах». В итоговом собрании сочинений из трёх существующих наименований роман зафиксирован под именем «Бой на Рио-Коко».

«В островах охотник» (1985) — седьмой роман, также существенно переработанный в начале нулевых. Посвящён событиям в Кампучии. Выходил под названием «Матрица войны». В новых переизданиях роману возвращено изначальное имя.

«Африканист» (1986) — восьмой, «африканский» роман (место действия: Ангола, Мозамбик, ЮАР). Был переработан в начале нулевых. Выходил под названием «Выбор оружия». Ныне переиздаётся под изначальным наименованием.

«600 лет после битвы» (1987) — девятый роман. Посвящён советской техносфере.

«Рисунки баталиста» (1989) — десятый роман. Второй роман «афганского цикла». Более тридцати лет не переиздавался. Проханов назвал этот (далеко небезынтересный) роман — «подмалёвком». Вставные новеллы из этого романа вошли в сборник рассказов «Третий тост».

«Ангел пролетел» (1990) — одиннадцатый роман. Совместно с романом «600 лет после битвы» составляет дилогию «Око».

Дилогия «Око» — одна из вершинных в творчестве Проханова. Из дня сегодняшнего болезненно видно, как, создавая эти книги в наступившее время смуты, Проханов пытался доказать стране жизнеспособность советского проекта и пояснял, какие мощнейшие ресурсы заложены в нём.

Увы, обуянная жаждой «демократического реформаторства» страна не вняла увещеваниям русского писателя.

«Последний солдат империи» (1993) — двенадцатый роман. Был существенно переработан в начале «нулевых». Если говорить о стилистике, то во втором, переработанном варианте этот роман стал первой книгой Проханова, написанной в новом, фантасмагорическом стиле.

Посвящён событиям 1991 года. Выходил под названием «Гибель красных богов». В новейших переизданиях публикуется под изначальным наименованием.

«Дворец» (1995) — тринадцатый роман. Третий роман «афганского цикла». Посвящён штурму дворца Амина. Если говорить о хронологии событий, книга «Дворец» открывает «афганский» эпос Проханова.

Перед нами один из самых блистательно выполненных и стремительных в сюжетном строении романов Проханова.

«Чеченский блюз» (1996) — четырнадцатый роман. Посвящён событиям первой чеченской.

«Красно-коричневый» (1997) — пятнадцатый роман. Посвящён событиям 1993 года. Издавался, как и «Дерево в центре Кабула», под тремя разными названиями: данная книга именовалась также «Парламент в огне» и «Среди пуль».

В новейших переизданиях роман носит изначальное имя.

«Идущие в ночи» (2000) — шестнадцатый роман. Посвящён событиям второй чеченской. Вместе с романом «Чеченский блюз» составляет «чеченскую дилогию».

«Господин Гексоген» (2001) — семнадцатый роман. Посвящён приходу к власти нового президента и терактам, сотрясавшим тогда страну.

Буквально взорвал литературную ситуацию, сделав Проханова настоящей литературной звездой нулевых. Первая прохановская книга с конца 80-х, тираж которой взял стотысячную планку. Наряду с «Деревом в центре Кабула» — второй самый знаменитый его роман, «хит».

Завершающий роман Семикнижия о генерале Белосельцеве.

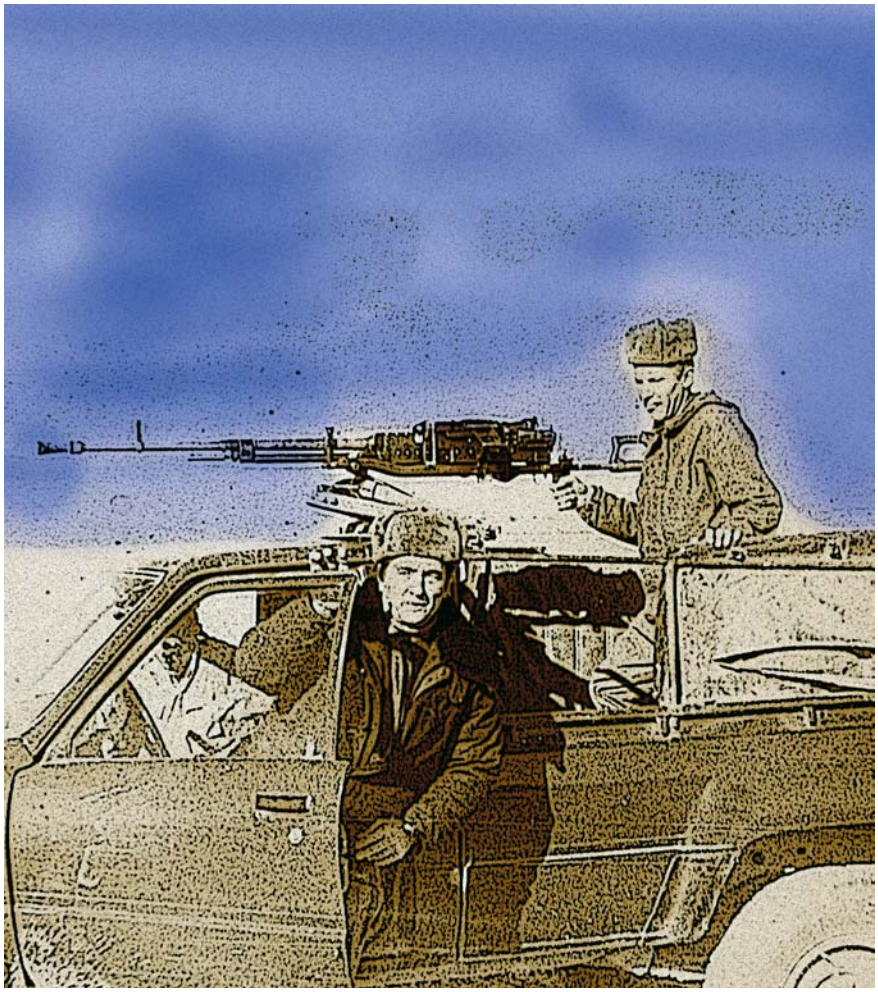
«Крейсерова соната» (2002) — восемнадцатый роман. Отправной импульс сюжета — катастрофа подлодки «Курск».

«Надпись» (2004) — девятнадцатый и на тот момент подводящий определённые итоги роман Проханова.

На мой взгляд, безусловная вершина его творчества, великая книга.

«Теплоход “Иосиф Бродский”» (2005) — двадцатый роман. Очередная в творчестве Проханова антилиберальная сатира. В числе персонажей — Ксения Собчак.

«Политолог» (2006) — двадцать первый роман. Прототипами главного героя считали Глеба Павловского и Станислава Белковского, чем последний, к слову сказать, был крайне горд.



«Пятая империя» (2007) — двадцать второй роман. Художественное воплощение концепции Проханова о «пяти империях» в российской национальной истории.

«Холм» (2008) — двадцать третий роман. Отправная точка сюжета связана с созданием рукотворного холма под Псковом: масштабная культурологическая акция, организованная Прохановым в своё время. Роман посвящён политическим и уличным баталиям нулевых.

«Виртуоз» (2009) — двадцать четвёртый роман. В центре повествования — кремлёвские политологические игры. Главным прототипом романа критика увидела тогда Владислава Суркова.

«Скорость тьмы» (2009) — двадцать пятый роман. Посвящён созданию истребителя пятого поколения. Выходил также под названием «Истребитель».

«Стеклодув» (2010) — двадцать шестой роман. Четвёртый роман «афганского цикла». Главный герой — разведчик Пётр Суздальцев.

«Пепел» (2010) — двадцать седьмой роман. Пятый роман «афганского цикла». Романы «Стеклодув» и «Пепел» составляют дилогию, объединённые одним главным героем. Но если в первом романе события происходят непосредственно в Афганистане, то второй роман является приквелом и посвящён детству Суздальцева, где будущая война врывается в бытие как предчувствие.

«Алюминиевое лицо» (2011) — двадцать восьмой роман. Мрачная сатира об автопробеге по России с участием московского журналиста.

«Русский» (2011) — двадцать девятый роман. Увлекательная фантасмагория о жутких приключениях «среднестатистического» русского человека, угодившего в адский водоворот; роман так и просится быть экранизированным.

«Человек звезды» (2012) — тридцатый роман. Посвящён деятельности президента Международной академии искусств Виктора Арнольдовича Маерса в губернском приуральском городе П. — перед нами пародия на галериста Марата Гельмана. Какая звезда имеется в виду, тоже очевидно.

«Время золотое» (2013) — тридцать первый роман. Посвящён истории «болотных протестов» и появлению давно чаемого лидера русского национального антибуржуазного протеста.

«Крым» (2014) — тридцать второй роман. Несмотря на название, собственно о «крымской весне» там нет почти ничего. Главный герой романа — молодой вице-премьер, курирующий в правительстве ВПК. Роман, дающий надежду на возмож-

ность созидательного преобразования России. Отчасти продолжает тему «производственных романов» Проханова — начиная от «Времени полдень» и «Места действия», через «600 лет после битвы» и «Ангел пролетел» к «Скорости тьмы».

«Убийство городов» (2015) — тридцать третий роман. Посвящён донбасской войне.

«Губернатор» (2016) — тридцать четвёртый роман. Ещё одна, после «Крыма», книга, посвящённая современному политическому деятелю, способному преодолеть хаос политической жизни и выйти победителем в противостоянии.

«Востоковед» (2016) — тридцать пятый роман. Посвящён событиям на Ближнем Востоке (Ливия, Иран) и работе нашей разведки. В данном смысле является продолжением цикла о генерале Белосельцеве и дилогии о разведчике Суздальцеве.

«Убить колибри» (2017) — тридцать шестой роман. Посвящён спецоперации по ликвидации действующего президента, от которого хочет избавиться элита, желающая восстановления монархии. Главное действующее лицо романа… икона Богородицы.

Романы «Русский камень» (2017), «Покайтесь, ехидны!» (2017) и «Подлётное время» (2018) составляют фантасмагорическую антилиберальную трилогию «Удар милосердия».

За данной трилогией следовали экспериментальные романы «Паола Боа» (2018) и «Цифра» (2018), вновь продемонстрировавшие необычайное прохановское остроумие и отличную способность к сломам канона и формы в любом, прямо говоря, писательском возрасте.

«Гость» (2018) — сорок второй роман. Большая пародия на очередной т. н. гайдаровский экономический форум.

«Таблица Агеева» (2020) — сорок третий роман. Прошедший Афганистан и события 1993 года, Пётр Агеев исповедует Русскую Мечту.

«Леонид» (2021) — сорок четвёртый роман. Главные герои — президент России Леонид Леонидович Троевидов и вице-президент, подполковник Александр Трофимович Верхотурцев. Роман вошёл в новый цикл под названием «Око президен-

та»: в этом цикле собран ряд политических романов Проханова, посвящённых кремлёвским перипетиям последних десятилетий: «Господин Гексоген», «Теплоход “Иосиф Бродский”», «Виртуоз», «Время золотое».

«Сыны Виссариона» (2021) — сорок пятый роман: очередная фантасмагория о попытке выхода из медийного морока, объявшего нашу страну.

Романы «ЦДЛ» (2021), «День» (2021) и «Он» (2022) составляют «ностальгическую трилогию».

«ЦДЛ» — роман о литературной юности и зрелости протагониста. Отчасти сюжет романа перекликается с происходящим в книге «Последний солдат империи».

«День» — роман о событиях 1993 года: газета, которую издавал в те годы Проханов, именовалась, как мы знаем, «День». Эта книга является новым обращением к теме, ставшей основной в романе «Красно-коричневый».

«Он» — очередная вершина прохановской прозы, чудесный роман о детстве главного героя, в котором угадывается нехитро спрятанный под другим именем автор, живущий в Москве военной и послевоенной.

«Меченосец» (2022) — сорок девятый роман. Главный герой — капитан КГБ Сергей Максимович Листовидов, обладатель дарованного ему природой «лобного ока».

«Тайник заветов» (2023) — юбилейный, пятидесятый роман.

Для полноты картины и пущего порядка напомним.

Существует также ряд сборников политической публицистики и страстных прозрений Проханова.

Это: «Слово, пронесённое сквозь ад» (1999), «Хроника пикирующего времени» (2005), «За оградой Рублёвки» (2007), «Четыре цвета Путина» (2011), «Поступь русской победы» (2012), «Русский вихрь» (2014), «Новороссия, кровью умытая» (2016), «Страна негасимого света» (2018), «Пятый Сталин» (2019), «В поисках Русской Мечты» (2019).

Эта публицистика воспитывала нас в минувшие 30 лет и 3 года. Наделяла в смутные дни и яростью, и надеждой.

Своей жизнью Проханов доказал: если никогда не сворачивать с избранного пути — однажды увидишь очертания того самого вечного города, в сторону которого ты шёл. И даже различишь надпись на главной его башне.

Проханов знал всех основных фигурантов политической жизни новейшего времени. Иные скажут, что он несколько раз обманно очаровывался кем-то из них. Но это неверно. Это не Проханов ошибся, а люди оказались слишком малы для его веры.

Известны два сборник бесед Проханова с политическими деятелями: «Свой — чужой» (2007) и «Вопрос в лоб» (2020).

Своеобразным открытием стали три сборника стихов Александра Андреевича Проханова: «Наскальная книга» (2011), «Оплавленный янтарь» (2021), «Расплавленный свинец» (2022). Обратный пушкинскому случай: когда годы, прочь от суровой прозы, стали клонить к поэзии. Не менее, впрочем, суровой.

И, наконец, есть две мемуарные книги Проханова: надиктованный рассказ о жизни «Хождение в огонь» (2011) и сборник заметок и воспоминаний о друзьях и встречах «Заветные люди» (2021).

Проханов — безусловный мастер в жанре малой прозы.

Он автор более тридцати рассказов и одиннадцати повестей, каждая из которых должна стать поводом для отдельного вдумчивого разговора.

Безусловный шедевр в истории русской литературы как таковой — повесть «Иду в путь мой» (1971).

Это произведение дало название первой книге Проханова — сборнику чудесных, преисполненных радости жизни и тревоги о предстоящем пути рассказов и повестей.

В ту же книгу вошли три повести, написанные в самом начале 70-х: «Радуйся», «Деревенские», «Полёт вечернего гуся».

Во второй сборник малой прозы Александра Проханова «Желтеет трава» (1974) вошли рассказы и лирическая повесть «Их дерево» (1973).

Предчувствиями скорого распада империи преисполнена повесть «Адмирал» (1987), где зафиксирован разлад между строителями советской империи и поколением конца 80-х. Повесть входила в сборник «Записки на броне» (1988).

В сборник афганской прозы «Третий тост» (существует в нескольких отличающихся по составу вариантах; издавался также под названиями «Кандагарская застава» и «Седой солдат») входят повести «Светлей лазури» (1987) и «Охотник за караванами» (1995). Последняя экранизирована в 2010 году.

И, наконец, три поздних повести.

«Певец боевых колесниц» (2017) — это, пожалуй, самая любимая у меня, наряду с романом «Надпись» и сборником «Иду в путь мой», вещь у Проханова: чистое волшебство русского слова.

В книгу малой прозы 2018 года «Певец боевых колесниц» входила также повесть «Священная роща».

Последняя на день сегодняшний повесть Александра Андреевича Проханова «Деревянные журавли» (2022) — своеобразная рифма к ранней его прозе и наглядное свидетельство того, что в прохановском случае за, боже мой, полвека литературного труда никуда не исчезло ни удивительное зрение мастера, ни его редчайший слух на слово, ни чуткость к бытию.

Засим прошу Александра Андреевича доверить мне быть редактором его собрания сочинений в 85 томах.

Да не удивит никого эта, в сущности, соразмерная вкладу юбиляра цифра. Достаточно вспомнить, что академическое собрание Льва Николаевича Толстого выходило в 90 томах.

Александр Андреевич, я справлюсь.

До встречи на презентации в Киеве.

Действующий пророк

(беседа Виталия АВЕРЬЯНОВА и Михаила КИЛЬДЯШОВА)

Михаил Кильдяшов (далее — М.К.): Для беседы у нас два замечательных повода. Это юбилей Александра Андреевича Проханова, его 85-летие. И 10-летие Изборского клуба. Изборский клуб стал очень значимым и знаковым сообществом в современном культурном, идеологическом пространстве. И мы с вами, Виталий Владимирович, как участники этого сообщества, давайте начнём разговор с того, что же такое Изборский клуб и можно ли говорить сегодня об особом «изборском сознании».

Виталий Аверьянов (далее — В.А.): 10-летие клуба мы отметили в сентябре ещё прошлого года, а юбилей Проханова сейчас отмечаем, и эти даты несколько совместились, породив такую тему — «Проханов и изборское сознание». Это такая, на мой взгляд, двуединая система: без Александра Андреевича не было бы Изборского клуба, а сам Изборский клуб знаменовал выход на качественно новый уровень, на новый этап в судьбе Проханова как творческой личности, как идеолога, а в каком-то смысле — даже как писателя.

Александр Проханов, конечно, пережил несколько больших этапов своей творческой судьбы. Первые этапы ещё в юности, в советское время, были связаны с поиском своего стиля, своего мифа. И надо сказать, нащупал он свою магистральную стезю довольно рано. Если исходить из его собственного самосознания, то ключевой точкой стали события вокруг острова Даманский, свидетелем которых он стал. В тот момент он вдруг почувствовал ход истории, причём не на рациональном уровне и даже не на интуитивном, а на каком-то более высоком, как мне кажется. Он почувствовал ценность исторической России, тогда в лице СССР, и начал рефлексировать на эту тему. Потом уже пришло слово «империя», может быть, не очень точное слово. Речь шла о живой сущности исторической России, которую многие называют империей, кто-то проклиная, а кто-то благословляя то, что им видится за этим словом. Вдруг тогда к нему это пришло как озарение — ощущение великого значения исторической России, России воскресающей вопреки всем провалам и мутациям. И он начал через эту призму смотреть на все события, постепенно всё более и более погружаясь в новый миф, одновременно художественный и философский, воспроизводя его каждый раз на новом уровне.

Проханов, несмотря на то, что он очень популярен и понятен в глазах многих людей, в то же время остаётся многим не по зубам. Потому что эта скрытая визионерская тайна, своего рода откровение для многих остаётся очень далёким просто по природе самого откровения. Они недоумевают, а что, собственно, он имеет в виду, что за этим стоит, где источник этой иррациональной убеждённости? Некоторые утверждают, что это бредни какие-то, сказки, вымысел…

Конечно же, это не так. Сама жизнь доказала, что многие из этих ощущений сбываются. Причём Проханов шёл впереди своей эпохи всё время на несколько шагов. Особенно, конечно, это относится к преддверию краха СССР, когда все были растеряны, а многие люди полагали, что СССР должен уйти. А Проханов тогда был одним из немногих, кто прямо, бесстрашно смотрел в лицо событиям — и в своих манифестах тех лет, и всей деятельностью газеты «День» жёстко встал на защиту исторической России в лице СССР.

Причём надо ведь отметить, что, если посмотреть знаменитую, 90-го ещё года статью «Трагедия централизма», мы увидим в ней, что там даже близко нет никакого елейного, благостного отношения к СССР. Там весьма жёсткое, трагическое восприятие истории. И поскольку мы в Изборском клубе много говорим об этом, я могу свидетельствовать, что и до сих пор это так.

Если бы критики Изборского клуба, которые считают нас махровыми советскими консерваторами, сторонниками реставрации, знали наши внутренние разговоры о пороках советской системы, о её слабостях, об источниках исторического зла, то они, конечно бы, очень удивились. То есть глубокое видение и чёрной, и белой сторон «красной империи» присутствовало изначально. И оно не помешало тогда Проханову стать подлинным рыцарем и защитником уничтожаемого государства, не просто осознанным или преданным своему идеалу, но и верующим в открывшуюся ему истину. Таких людей было тогда очень мало.

М.К.: Конечно. Проханов очень сложен, многогранен. С одной стороны, это человек, испытывавший в молодости неподдельный интерес к Мамлеевскому кружку. С другой стороны, это тот, кто, несмотря на своё апологетическое отношение к советской эпохе, ни дня не состоял в КПСС и, более того, крестился ещё в 70-е годы. Не в перестройку, не в 90-е! Это тоже очень показательно. И мало кто об этом знает.

В.А.: Да, Проханов не был членом КПСС. Но тем не менее он стал, как его недруги называли, «соловьём Генштаба», а по-нашему — «рыцарем СССР», воинствующим защитником России, какой она была на тот момент. Он защищал не идеологию, не догматику, он защищал страну как связность человеческих жизней, как построенную на огромных жертвах драгоценную цивилизацию, уклад национального бытия, в том числе технологический и производственный, в котором эта жизнь обреталась, как душа обретается в теле.

Я очень близко знал отца Димитрия Дудко, духовника газеты «Завтра». Он был церковным консерватором и при этом советским диссидентом, пострадавшим, сидевшим в лагере в юности, затем уже в зрелые годы претерпевшим от КГБ как диссидент, подвергшимся тяжёлому прессингу. Так вот, он в начале 90-х годов сказал такую фразу: «Мы теперь (*под «мы» подразумевая православных.* — **В.А.**) должны быть с коммунистами, потому что теперь они — гонимые, а мы, христиане, всегда с теми, кого гонят».

И потом уже, в конце 90-х, он стал духовником газеты, что многих очень удивило. Духовник, понятное дело, это не тот, кто полностью консолидируется с тем, кого окормляет. Речь шла о том, что вот этот дух защиты того, кого уничтожают, того ценного, что в истории проросло, он объединял, в данном случае — и отца Димитрия, и Проханова, и всю команду, которая складывалась вокруг Александра Андреевича. Отец Димитрий первым, мне кажется, пришёл к мысли о том, что в Путине прорезается историческая Россия, что Путин — это Сталин сегодня… Была такая у него формула. И несмотря на все вещи, которые это как будто опровергали, представляли невероятным или даже смехотворным, Россия будет возвращаться к себе через Путина, уже через него произойдёт этот перелом. Отец Димитрий пришёл к этому раньше других, в начале нулевых. Со временем и Проханов принял эту конкретную логику мистического исторического зрения.

Наиболее важный переход, связанный с сегодняшним днём, произошёл у самого Александра Андреевича где-то в конце нулевых годов. Точный рубеж я не могу назвать. Это приблизительно могут быть 2006–2007 годы, когда были написаны роман «Пятая империя», книга-манифест «Технологии “пятой империи”» в соавторстве с Кугушевым. Именно в этот момент миф империи полностью был им развёрнут. Именно тогда было зафиксировано изменение образа Проханова — от радикального оппозиционера, каким он был ещё в начале нулевых, к государственнику, который поддерживает государство настолько, насколько это государство возвращается к себе.

Окончательно этот перелом дал плоды в 2011 году, на Поклонной горе, когда шло противостояние с Болотной. На тот момент уже был написан роман «Холм», и уже был насыпан Изборский холм, эта удивительная инициатива двух Александров — Проханова и Нотина. К 2011–2012 годам уже полностью сформировалась парадигма изборского сознания внутри Проханова. Потом он объединил в эту парадигму и нас — и в 2012 году возникло то, что возникло.

Скорость творческой реакции Проханова поразительна. Обычно прозаики очень долго раскачиваются. Внук пишет о той войне, на которой воевал дед: вспомним «Войну и мир». Скорость творческой реакции Проханова в этом смысле пример многим творческим людям. Но последнее пятилетие совершенно меняет всю прежнюю канву творческой жизни Проханова. Там появляется реверсивное время, семейное время, метафизическое время…

М.К.: А я, с вашего позволения, посмотрю на всё глазами человека своего поколения и скажу прямо-таки о совсем субъективном, личном и сокровенном. Моя юность пришлась на нулевые годы, и я из того поколения, которое возросло под очарованием литературных и философских общностей рубежа XIX–XX веков. Мы в студенчестве восхищались символистскими кружками и журналами, Новосёловским кружком, Московским религиозно-философским обществом памяти Владимира Соловьёва. И у нас на сердце всегда была печаль от мысли, что на нашем веку вряд ли возможно что-то подобное. И вдруг появляется Изборский клуб. Появляется именно в ту пору, когда он был предельно необходим нашей истории. И появляется не просто как единство интеллектуалов. Павел Флоренский в своё время писал о Новосёловском кружке: «Мы не просто работаем, мы не просто размышляем, мы не просто издаём книги, мы любим друг

друга, каждому до каждого есть дело». Нечто подобное получилось, как я уповаю, в случае с Изборским клубом. Это братство.

И второе, что очень важно: мы, в отличие от множества нынешних интеллектуальных сообществ, не стали кабинетными философами. Мы, что называется, «проехались по стране». И одна из главных задач Изборского клуба, по замыслу Проханова, — это создание «гнёзд», отделений в регионах, достижение всероссийского охвата, преодоление извечной оппозиции «столица — провинция». Проханов мне всегда представлялся человеком, который, как Диоген с фонарём среди дня, ищет человека. И что особенно важно: Проханову, Изборскому клубу, изборскому сознанию каждый человек дорог во всей его полноте. Вы, наверное, как поэт и как философ не раз сталкивались с тем, что академические круги тебе говорят: да что ты занимаешься творчеством — всё уже написано до нас. А творческий круг говорит: да что ты там занимаешься этой научной сухомятиной, надо мыслить метафорами, образами… Проханову же ты пригождаешься весь. Со всеми своими умениями, со всеми своими чаяниями, мечтаниями. Умение разглядеть человека — это великий дар.

И, конечно, собирание русских земель, русских просторов: и в государственном смысле — сплочение регионов, и в символическом, метафизическом — тот самый Изборский холм. Мне отрадно, что в этом холме есть земля с могилы моего земляка — оренбуржца Александра Прохоренко. И сколько ещё драгоценных земель там собрано! С мест русской боевой и трудовой славы, из литературных и молитвенных мест.

Что же касается хронологии жизни Проханова, то для меня как для человека, написавшего книгу о его творчестве «Ловец истории», эта хронология связана, в первую очередь, с прохановскими книгами. Первый этап — это уход в 60-е годы городской интеллигенции в русскую деревню, в леса. Это книга «Иду в путь мой». Затем технократические романы, когда Проханов, как никто другой в русской литературе, подружил Русь и заводскую, мощную, имперскую цивилизацию, сняв противоречия между ними. Русская литература, как известно, не умела писать машину, она боялась машины. Завод в «Молохе» Куприна, теплоход «Атлантида» в «Господине из Сан-Франциско» Бунина, «Фабрика» Блока — во всём этом страх русской литературы перед машиной. Проханов — первый, кто посмотрел ей в глаза и увидел поэзию.

Далее — войны: семнадцать войн, которые прошёл Проханов. Это особая синусоида. Это осевое время в жизни Проханова. Потом период жуткой тьмы, когда не стало советской Родины. Потом преодоление и выстраивание той самой пятой империи, взращивание её.

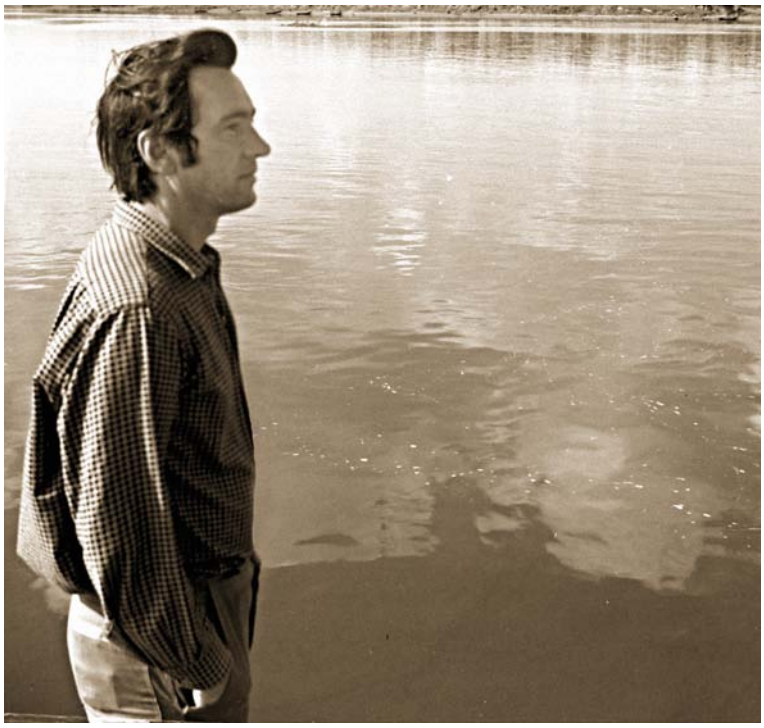
Я свою книгу издал в 2018 году. И это тоже для Проханова был юбилейный год. Я тогда немного печалился, что не виделось какого-то рубежа в этой книге: 2018 год — не 1991-й, не 1993-й, не 2014-й. А сейчас я понимаю, что 2018-й год для Проханова, может быть, один из главных рубежей. И дело не в каком-либо знаковом историческом событии, а в том, что восприятие времени Прохановым кардинально изменилось. Если до 2018-го Проханов гнался за временем, за историей, то после 2018-го уже время погналось за Прохановым. Как говорили древние: «Всё на свете боится времени, но время боится египетских пирамид». Перефразируя: «Да, время стало пусть и не бояться Проханова, но просить его: “Зафиксируй меня!”» Потому что скорость творческой реакции Проханова поразительна. Обычно прозаики очень долго раскачиваются. Внук пишет о той войне, на которой воевал дед: вспомним «Войну и мир». Скорость творческой реакции Проханова в этом смысле пример многим творческим людям.

Последнее пятилетие совершенно меняет всю прежнюю канву творческой жизни Проха-

нова. Там появляется *реверсивное* время, когда в наши дни Проханов вновь возвращается к событиям 91-го и 93-го годов, как в романах «ЦДЛ» и «День» или в романе «Меченосец». Это вновь попытка не просто ретроспективно осмыслить то, что минуло, а вернуться в то время, где возможно привить черенок будущего какому-то плодоносному году или событию.

Возникает особое *семейное* время. Образы матери, жены, что присутствовали во многих прохановских романах, теперь, как никогда, вышли на первые план. Таковы повесть «Деревянные журавли» — о жене и роман «Он» — о детстве. Согласитесь, у нас в последние годы нет достойных произведений о детстве. Ну за исключением, может быть, «Совдетства» Юрия Полякова. И тут Проханов пишет такую сокровенную, проникновенную книгу. Написать подростка — очень сложная литературная задача: он вроде бы ещё ребёнок, а у него уже взрослые искушения. Показать чистоту детства Проханову удалось как никому…

И совершенно особое *метафизическое* время — то, что Проханов художественно осмыслил параллельно с тем, что Изборский клуб осмыслял философски. Мы много говорим о Русской Мечте. Мы много говорим о проблеме трансгуманизма. Мы говорим о взращивании пятой империи. Обо всём этом у Проханова есть романы, особенно острые, яркие, плотные в последнее пятилетие: «Таблица Агеева», «Сыны Виссариона», «Тайник заветов»



В. А.: Я бы хотел ещё несколько слов сказать о самом художественном методе Проханова. Кстати, не так много литературных критиков погружаются в эту материю. А это крайне интересно и важно, в том числе для изборского сознания. Потому что Проханов — это не совсем уж в чистом виде писатель. Так же как он не является в чистом виде политиком. Это действующий пророк в литературе. Почему пророк, я уже начал объяснять. Он провидел и в каком-то смысле предупреждал и предугадывал, а в каком-то смысле и формировал будущее. Как, например, в случае с Изборским клубом, с Изборским холмом и т.д. Потому что Изборский холм — родной брат Бессмертного полка, старший его брат. Это такая светская теургия, не противоречащая православию.

Мифологизация времени у писателя Проханова всегда органично соединялась со словом как оружием прямого действия. Особенно это ярко, конечно, проявляется в публицистике, в передовицах газеты «Завтра», которые всегда читались как художественные произведения посреди бушующего политического мира, политического спектакля, внутри которого мы жили и живём.

Это было соединение в одном лице действующего политика, общественного трибуна, патриарха патриотического движения и созерцателя, самоуглублённого поэта текущего момента. Нечто подобное свойственно и большинству главных героев Александра Андреевича. Если мы посмотрим внимательно, они все у него удивительные. Вот самый главный его герой из цикла «Семикнижие» — Белосельцев. Это разведчик, человек действия, военного действия. И в то же время это созерцатель, который, идя по этому своему жёсткому пути, пути борьбы, схватки, вдруг опрокидывается в созерцание звёзд, цветков, любимой женщины, моря, леса. Окунается в эти стихии как эпическая личность. И многим читателям это непонятно, недоступно их уму. И в завершающем произведении про Белосельцева — «Певец боевых колесниц» — мы находим разгадку, почему это так. Созерцание героя переходит из земной уже во внеземную реальность, в Царствие Небесное, где все вопросы и сомнения разрешаются.

В большинстве романов Проханова мы видим галерею наших современников, иногда даже карикатурно изображённых, очень узнаваемых. И их узнаваемость многих отталкивала, вызывала даже ощущение издевательства. Как,

например, покойного Бориса Немцова, когда он прочитал «Господин Гексоген». Понятно, почему — Немцов увидел там и себя, и своих соратников — чрезвычайно зримо выведенных и в то же время во многом напоминающих каких-то «насекомых»... Это могло казаться неприличным. Но критики не понимали главного: художественный метод работает здесь как оружие. Это не пасквили, а сатира; а подлинная сатира имеет метафизическую составляющую. В ней есть и высший отсвет, который падает на политические ристалища. В то же время каждый из негативных героев Проханова может получить выход в иное измерение, когда расстаётся с этой жизнью, когда он уходит на дистанцию от борений этой жизни. Становится понятно, что всё-таки образ Божий в каждом из них всё равно есть, в каждом из этих «насекомых».

Надо сказать, Проханов действительно очень часто берёт образы непосредственно из жизни. Я могу об этом свидетельствовать. Ну, например, такой случай. Когда мы в 2014 году были на Донбассе и встречались с первым президентом ДНР Захарченко, тогда еще кандидатом в президенты, тот повёз нас на передовую в районе Мариуполя. И там был самый настоящий фронтовой концерт в стиле Великой Отечественной войны. Пели актёры Донецкого драмтеатра. И там среди местных был такой мужичок, который пустился в пляс. Может быть, даже он был не совсем трезвый. И потом я с удивлением... узнал его в прозе Проханова — настолько выпукло он был изображён в романе «Убийство городов».

Думаю, что у Проханова много такого «подглядывания» за действительностью, когда те или иные вещи из жизни мастерски были перенесены в его художественный мир. Конечно, это относится и к политикам, и к достаточно узнаваемым общеизвестным фигурам. И в то же время вся эта узнаваемость обманчива, потому что каждый из персонажей всё равно пропущен через фокус вымысла, в этом художественном мире преображён так же, как и сам главный или лирический герой, который не до конца и не всегда совпадает с самим Прохановым. Это некая двоящаяся, троящаяся сущность, в которой есть много чего. В том же «Убийстве городов» есть два больших писателя, старый и молодой. В принципе, и тот и другой — Проханов. И в то же время каждый из них не Проханов. Потому что каждый из них — это возможность чего-то нового, чего-то небывалого.

При этом нельзя отрицать, что работа часто идет с абсолютно реальными прототипами. В наиболее парадоксальном, наиболее хлёстком виде это проявилось в цикле «Удар милосердия», состоящем из трёх романов. То есть не так, как говорили либералы: «Раздавите гадину!» — а по-нашему — «удар милосердия». Если кто-то уже погибает, следует добить его, чтобы он не мучился. Таково милосердие. Трилогия, о которой я говорю, включает потрясающий «Русский камень», далее — «Покайтесь, ехидны!» и «Подлётное время»... И там, мне кажется, вот эта ипостась сатирическая, карикатурная выведена уже на высший уровень. И сатира обращена в мощное непревзойдённое оружие деконструкции идейного противника. Документальность тех или иных образов, сюжетов претворена в фантасмагорию.

М.К.: А я вспоминаю один из ранних романов Проханова — «Кочующая роза». Там главный герой — тоже человек пишущий: «Я беру с собой в путь всегда блокнот журналиста и тетрадь писателя». Проханов как художник складывается из этого условного блокнота: это человек, который всегда гонится за жизненным материалом, собирает факты, яркие случаи, прекрасно понимая, что есть в жизни такое, что нарочно не придумаешь. Но необходима и тетрадь писателя, которая требует от тебя художественных поисков.

Проханов для меня по-прежнему остаётся загадкой в плане творческого метода. Его ни к кому невозможно причислить, и вряд ли в литературном плане у него могут быть ученики и последователи. С чем это связано? Творческие люди, которым Бог дал жизненное долголетие, очень часто переживают по времени свой собственный творческий метод. Так случилось, например, и с Валентином Распутиным, и с Василием Беловым. То есть они всё главное сказали в определённый период жизни, в силу того, что их творческий метод остался в каком-то конкретном времени, в конкретных событиях и обстоятельствах. Проханов, как охотник за временем, охотился за ним каждый раз с новым оснащением, и в каждом новом периоде, в зависимости от того, какой был облик этого времени, возникал новый творческий метод.

К вопросу о том, возможны ли ученики Проханова... Для меня стал недавним открытием тот факт, что Александр Андреевич какое-то время был руководителем творческого семинара в Литинституте. И мне думается, подлинный учитель в творчестве тот, кто спо-

собен наставить так, чтобы ты в итоге не подражал наставнику, а раскрылся в своей личной сущности. И сегодня те, кто близко общается с Прохановым, понимают это. Нет никакого «прокрустова ложа», единомыслия или единой эстетики. Есть многообразие смыслов, форм. Как говорили святые: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всём — любовь». Поэтому в прохановском творчестве мы видим столько эстетик, сколько хватило бы, наверное, на десяток авторов и на целую череду литературных направлений и течений.

В. А.: Как раз это во многом объясняется тем, что он не просто писатель. Это больше чем писатель. В России, как известно, поэт больше чем поэт. И я как историк русской мысли могу сказать, что специфика русской мысли в том, что в значительной степени она раскрывается через художественные произведения. Например, одним из величайших русских мыслителей является Фёдор Михайлович Достоевский. Лев Николаевич Толстой считается прозаиком-философом. Это такие на поверхности лежащие примеры. В сущности же эта тема бесконечная. Проханов, безусловно, является мыслителем в прозе. Не только потому, что там идут диалоги на философские темы. А потому, что каждый роман — это сгусток концептуальных мыслей, сгусток метафизики.

Сам Проханов в чём-то похож на многих своих героев, описываемых в романах, которые до конца не уверены, что они сейчас смогут что-то сказать убедительное. Они как бы находятся в некоей внутренней полурастерянности. Но потом вдруг какая-то сила заставляет их собраться и пробиться к каналу, соединяющему их с истиной, с тайной и высшей рекой, высшим потоком, где время течёт по-другому и где, может быть, наше время уже протекло и на него можно посмотреть со стороны и с высоты. И в этот момент изливается вот эта информация откуда-то, происходит «подключение к ноосфере». Он не просто о чём-то говорит, он настраивает нас на определённую волну. А это волна русских кодов, конечно.

И я в этой связи хочу поделиться одним наблюдением, которое, может быть, многих удивит. Когда, находясь рядом с Александром Андреевичем на каком-то мероприятии, журналист задаёт вопрос, или идёт какая-то полемика, или возникает потребность осветить новую тему — я вдруг обнаружил такую вещь. Сам Проханов в чём-то похож на многих своих героев, описываемых в романах, которые до конца не уверены, что они сейчас смогут что-то сказать убедительное. Они как бы находятся в некоей внутренней полурастерянности. Но потом вдруг какая-то сила заставляет их собраться и пробиться к каналу, соединяющему их с истиной, с тайной и высшей рекой, высшим потоком, где время течёт по-другому и где, может быть, наше время уже протекло и на него можно посмотреть со стороны и с высоты. И в этот момент изливается вот эта информация откуда-то, происходит «подключение к ноосфере».

В романе «Леонид» есть такая интересная фраза: «Русский человек хочет, чтобы с ним разговаривали на языке подсознания». И вот главный герой этого романа, Леонид, как раз умеет это делать. То, о чём я сейчас говорю, так или иначе чувствовали многие телезрители, которые видели передачи с Прохановым, многие его поклонники. Он не просто о чём-то говорит, он настраивает нас на определённую волну. А это волна русских кодов, конечно. Если человек находится на этой волне, то он с ходу воспринимает посыл. Если он не находится на этой волне, не воспринимает русские коды, то всё это кажется ему глубоко чуждым. Вот по этой линии, можно сказать, проходит водораздел; по одну сторону те, кто с нами, по другую — те, кто не с нами. Есть те, кто с изборским сознанием может взаимодействовать, и есть те, кто с ним в резонанс не вступает. И, к счастью, подавляющее большинство русских людей, граждан России, россиян совместимы с изборским сознанием. Хотя не все об этом знают, конечно.

М. К.: В литературоведении есть такое понятие «дуга характера»: в начале повествования герой один, а потом он, постепенно изменяясь, становится иным. У Проханова же скорее не дуга, а какой-то революционный взрыв: Савл становится Павлом. Не постепенно, а одномоментно. И прохановская проза оказывает на читателя такое же революционное воздействие.

Расскажу одну историю. Однажды меня ко Дню народного единства попросили прове-

сти с незнакомыми студентами читательскую конференцию по поводу какого-нибудь современного патриотического романа. Я предложил студентам заранее прочитать роман Проханова «Таблица Агеева», посвящённый Русской Мечте, кодам Русской Мечты. Группа состояла из девушек педуниверситета, обучающихся психологии. И, честно говоря, на встречу с ними я шёл с определённым скепсисом. Ну, думал, девушки на выпускном курсе, дембельское настроение… Что им там русские коды! Но когда я к ним пришёл, у них неподдельно горели глаза. Они настолько живо заговорили об этом романе, узнавая в нём Фёдора Конюхова, Александра Залдостанова (Хирурга), Сергея Кургиняна… Студентки спрашивали: «А разве такое может быть?! Человек живёт здесь, сейчас, он наш современник — и уже стал литературным персонажем?» Для них это было очень удивительно. Они мне стали рассказывать о сокровенных вещах, о своих детских и нынешних мечтах. То есть роман оказался литературой прямого действия. Литературой, способной повлиять на любого читателя. Это не отложенное действие, а живое и активное.

В. А.: Это связано как раз вот с этой мгновенной возможностью выйти на вертикаль. И в этой связи особенно значимы зрелые стихи Проханова, вот эти четверостишия. Совсем недавно вышел альбом «Расплавленный свинец», в котором собраны 36 рисунков Александра Андреевича и все стихи, которые он написал за последние годы. В том числе потрясающие циклы «Наковальня», «Поэма на броне». Я процитирую оттуда пару четверостиший, чтобы дать почувствовать, что это за вертикальная связь с высшим потоком русских кодов. И сама по себе краткость, афористичность стихов доказывает эту вертикальную природу прохановского метода, настройку на одну высшую волну.

Мы продвигались с боем к Приднестровью,
Мы не искали серебра и злата.
Мы написали праведною кровью
Евангелие русского солдата.

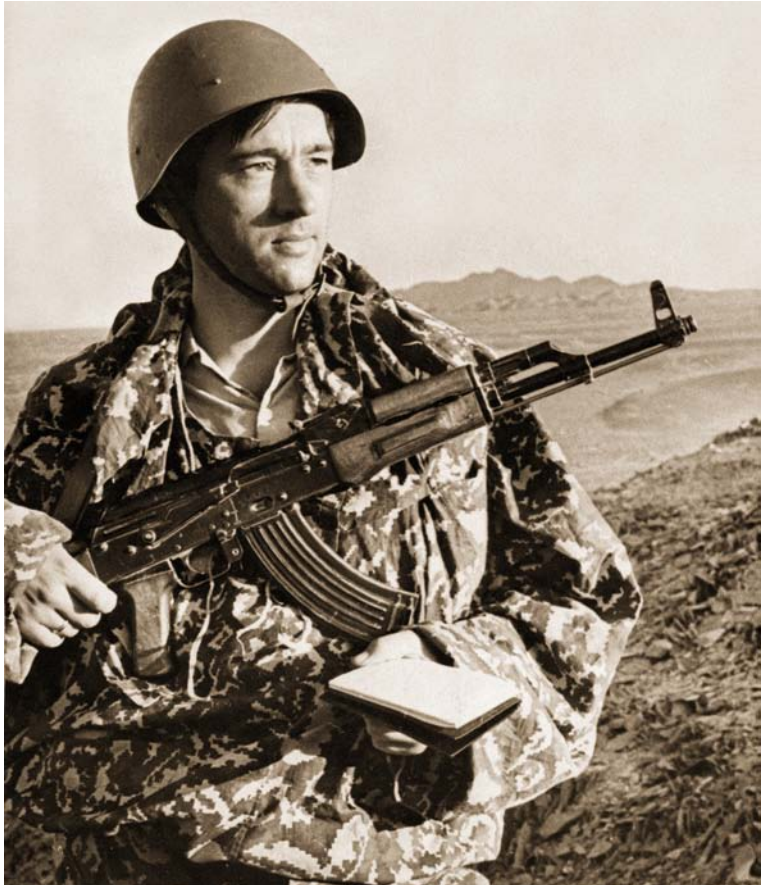
Одно четверостишие, которое высвечивает весь смысл происходящего с нами сейчас. Или вот другое четверостишие, ещё более, может быть, разительное. Там несколько вещей были посвящены тому, как солдат слышит плач ребёнка и ползёт, очень долго ползёт через

все препятствия, преграды. И вот последний из этих катренов звучит так.

И я дополз до каменной руины,
Ребёнок был раздетым и босым.
— Кто ты, дитя несчастной Украины?
Он тихо мне ответил: — Я твой сын.

Вот от такого рода поэзии мы получаем мгновенный ответ на огромное количество вопросов: политологических, философских, исторических. Это доказывает, что художественный взгляд типологически выше других взглядов. И философы давно приходят к этому пониманию ещё начиная с Канта, даже, может быть, отчасти и с Аристотеля. В художественном мышлении происходит синтез всех типов мышления — и философского, и научного в том числе. Потому что на самом высоком уровне любое знание — научное, математическое, философское, какое-то другое — является искусством. То есть это уже даже не мастерство, а более высокий уровень. И вот пример этого четверостишия — как суть может быть ухвачена в короткой формуле, в одном ёмком образе. А затем на эту формулу можно написать огромные комментарии, и это четверостишие как бы развернётся, будучи свитком, предельно сжатым сигналом понимания жизни.

Мы в Изборском клубе постоянно сталкиваемся с тем, что получаем некий толчок,



импульс от основного создателя клуба — Александра Андреевича Проханова. И вокруг этого импульса рождается какая-то новая разработка, новый труд или цикл работ разных авторов. Наиболее яркий пример — это идея «русского реактора», который засыпает, который искусственно усыпляют и который потом, несмотря ни на что, пробуждается. Или идея «вероучения Русской Мечты», связанная тоже с «русским реактором». Это мечта о Царствии Божием, которая ведёт народ через века.

Подобное происходило с разными темами. Таков был прохановский роман «Цифра», вызвавший горячее обсуждение. И в особенности такова была ключевая для нас тема русских кодов. Это сначала роман «Крым», а потом «Таблица Агеева», где напрямую философия русских кодов была развёрнута в художественном полотне.

Но бывает и наоборот, когда мы разрабатываем какую-то тему, а Проханов на неё откликается в виде романа. Например, это тема трансгуманизма, по которой мы сделали большой цикл разработок. А Проханов, всё это слыша, наблюдая, уже тогда, в 2020 году, начал на эту тему свой новый роман «Тайник заветов». И он успел в номер журнала «Изборский клуб» по трансгуманизму дать короткую повесть «Брусчатка». А это была и не повесть вовсе, а глава будущего романа. «Брусчатка» — это такой удивительный миф про брусчатку Красной площади, представляющую собой распиленные части Тунгусского метеорита, которые превратили саму площадь в экран великого космического порыва Советской России, её победы в войне и в космосе, её связи с высшим миром… Такой замечательный миф, своего рода образ антитрансгуманизма. И Проханов постоянно предвидит какие-то наши дальнейшие движения, шаги и подстёгивает их.

Ну, может быть, пару слов надо было бы сказать ещё об удивительных образах Проханова, совершенно уникальных, которые пронизывают всё его творчество. Ну, например, образы «святого танка» или «всплывающей русской Атлантиды»…

М. К.: Мне вообще нравится природа построения этих образов. Это то, что я называю «сакральным реализмом», когда человек нечто почерпнул из реальности, но сумел поднять это до метафизического уровня, вывести за границы привычного естества. Я очень люблю один образ из романа «Пепел»: действие происходит в 60-е годы, главный герой идёт по русскому зимнему лесу, видит кровавую лёжку лося, всматривается в неё, а оттуда вырывается неведомая война с Востока. Война, которая настанет через полтора десятилетия. Или в одном из чеченских романов. Зима. Посреди зимы пробит газопровод. Оттуда бьётся огненный факел. А рядом вишня, подумав, что наступила весна, расцветает от тепла… Очень важный символ преодоления. Может быть, первая весточка пятой империи.

В. А.: Да, я согласен, сакральный реализм очеловечивает природу и в то же время её обожествляет. Вот ещё один пример такого образа. Корабль «Энергия-Буран», вернувшись из космоса, пахнул хлебом. Потрясающе, да? С одной стороны, хлеб — это чисто человеческое. С другой стороны, это Евхаристия, это божественное…

М. К.: В раннем романе «Место действия» тоже есть образ хлеба, и один из персонажей говорит: «Хлебы не на полях. Хлебы в душе у нас. Ситные, утоляющие глад».

Что же касается поэзии, для меня это тоже особенно сокровенная область творчества Проханова. Мало кто знает его как поэта. Мало

кто знает его как художника. Мало кто знает его как фольклориста. Помню, как-то в Рождество мы созвонились с Прохановым, и он с такой детской радостью сказал: «Ко мне сейчас приходили колядовщики! Они пели такие колядки, которых я в юности своей даже не слышал!» Хотя в молодости Проханов собрал несколько сотен фольклорных песен и даже придумал особую нотную запись для них. Вот такого Проханова мало кто знает.

А как поэт Проханов долго таился. Он вкладывал свои стихи в уста персонажам, приводил их в своих передовицах. И лишь в 2011 году впервые издал поэтическую книжку — «Наскальная книга» её название. Там есть настолько проникновенные стихи, что кажется, будто они были в русской поэзии всегда и давно стали хрестоматийными:

Родина моя, трава измятая,
Боль — из сердца пуля не изъятая.
Автомат для боя снаряжу,
Вместо пули сердцем заряжу.

Или вот это — ставшее песней:

«Милый мой, свиданье было долгим.
Ни друзей вокруг и ни врагов.
Белый пароход плывёт по Волге,
А у Волги нету берегов...

Образ Волги возникает и в романе «Таблица Агеева». Она в финале романа вливается в сердце главного героя, и он, замученный врагами, оживает.

В. А.: Не просто образ, но и код! Кстати, вот этот метод сакрального реализма показывает, что каждый глубинный образ, символ — это код. И один из таких образов, который не попал в «Таблицу Агеева», но во многих произведениях Александра Андреевича присутствует, это образ Саур-Могилы на Донбассе. Он предстаёт как новый великий Мамаев курган, новая Сапун-гора нашего времени.

Ну и, конечно, сам холм Изборский как Холм Холмов. Он рукотворный в данном случае, но он является кодом кодов, как место снесения воедино и замешивания, заквашивания в одной точке Русской земли всех русских земель, земель русского подвига и жертвы. Поэтому-то и Изборский клуб, чаша, вмещающая изборское сознание, — это не какая-то писательская фантазия, это глубинное такое, символическое, священное действо.

М. К.: Я бы даже сказал, что есть не просто изборское сознание, есть изборская эстетика. Очень важный вопрос современности: какую эстетику мы сотворим? Скоро с фронта придут люди с богатейшим жизненным опытом. Этот опыт наверняка они захотят излить в романы, стихи, подобно фронтовому поколению «лейтенантской прозы». Но мы же понимаем, что им понадобится определённая творческая подготовка, эстетическая база. Ахматова когда-то сказала об одном молодом авторе: «Голос прорезался, дело за судьбой». Но у нас будет зеркальная ситуация: «Судьба сложилась — надо ставить голос». И важно, чтобы этот жизненный опыт влился в новые мехи. Недавно на съезде Союза писателей России Проханов выступил с речью, где сказал, что если в 60-е годы динамику литературного процесса определяло противостояние деревенской и городской прозы, то сегодня таких очерченных творческих сил мы не наблюдаем. Может быть, их не заметили нынешние критики? И существует ли критика с тем мощным потенциалом, с которым она была в прежние времена, тоже вопрос. Но, на мой взгляд, именно Изборское сообщество способно создать эстетику, гносеологию, онтологию для потенциального творчества тех, кто сегодня и в будущем станет воплощать свой жизненный опыт. Будет ли это эстетика сугубо Проханова? Нет, конечно! Проханову невозможно подражать, на это просто ни у кого не хватит сил. Создание изборской эстетики, собирание вокруг себя нового творческого поколения, прошедшего сквозь огонь, — это задача своеобразного метафизического литературного института. Я думаю, перед Изборским клубом она стоит, и он способен создать подобный институт.

В. А.: И здесь бы я, может быть, чуть-чуть поспорил. Я считаю, что у Проханова могут быть ученики, не в буквальном смысле слова... И потом, такие ученики, которые буквально воспроизводят стиль, никогда не нужны учителю. А настоящие ученики будут обязательно. Они уже наверняка есть, в том числе и среди нас, и они еще будут. Ученики — и как поэта, и как мыслителя, и, конечно, как вот этого действующего пророка...

М. К.: Мы продолжаем вдохновляться примером Проханова! Дай Бог здравия Александру Андреевичу! Мафусаилов век ему!

/ Александр ПРОХАНОВ /

Главы из нового романа

Лейтенант Николай Лощинин, командир десантного взвода, репетировал парад Победы. Его взвод в составе бронеколонн ночью прошел по Тверской, выкатил на Красную площадь, и Лощинин из люка смотрел, как плывут над ним сумрачные золотые купола и грозные рубиновые звёзды. До парада оставалось несколько дней, и начальство отпустило Лощинина к жене Галине Травушкиной, сельской учительнице, живущей в подмосковном поселке Скреплево. Они лежали на кровати в её тесной комнатке. Ночной воздух из открытого окна лил на них ароматы близкого леса, талых вод, первых, на клумбе, цветов. Они не закрывали одеялом голые плечи, всё ещё горячие от недавних касаний.

— Я приезжала в Москву, ходила ночью на Тверскую, хотела тебя увидеть. Но пошли танки, дым, грохот, я испугалась. Какие же они страшные! На меня набежал какой-то сумасшедший в белом костюме и черной шляпе. Чуть не сбил. А тебя не увидела.

— И я искал тебя и не увидел. Помню человека в белом костюме и черной шляпе. Он посмотрел на меня так, словно я хотел раздавить его гусеницами. Юркнул, как заяц, в арку.

Галя подняла вверх руки. Лощинин видел в темноте белизну ее рук, окно с туманными весенними звёздами, слабое мерцание стеклянной вазы и чувствовал к жене такую нежность и обожание, что хотел удержать это чувство на всю остальную жизнь. Не знал, что готовит ему эта жизнь уже через несколько недель.

Через несколько недель лейтенант Лощинин, выйдя из боя, потеряв одну из трёх боевых машин, оглушённый, будет колыхаться в люке и смотреть, как на обочине дымится КамАЗ с развороченной кабиной, и зловоние сгоревших шин лизнёт его жирной копотью. Два вертолёта шли над лесополосой, всаживая чёрные клювы ракет. Крохотное озерко наполнилось солнцем и погасло. И вдруг в изнурённой памяти, среди множества разбегавшихся зрелищ мелькнула чёрная шляпа и безумные глаза человека, убегавшего в арку Тверской.

— Вот все говорят, скоро война, — Галя спрятала голые руки под одеяло и обняла мужа. — Соседка в магазине закупает крупу, макароны. Мне сон приснился, будто летит на меня огромный камень, в полнеба, сейчас упадет и раздавит. Мы с тобой, Коля, поженились, а обвенчаться не успели. Тебя на войну пошлют. Ты говоришь: «парад», «репетиция». А я знаю, тебя на войну посылают. Не репетиция это, Коленька, а война!

— Ну что ты, Галенька, ну какая война! После парада вернусь в часть. Ты ко мне приедешь, и мы обвенчаемся. В отпуск пойду. Мы поплывём по какой-нибудь большой реке. По Оби, по Енисею, по Лене, до самого океана.

— Так и будет, Коля, правда?

Она тихо плакала. Он накрыл ей глаза ладонью. Слышал, как щекочут её ресницы и ладонь вся мокрая от слёз. Шёлк её дрожащих ресниц, и эти тёплые слёзы, и свою нежность к ней он хотел запомнить, словно им предстояла долгая разлука.

Лейтенант Николай Лощинин вспомнил тихий плач жены, сидя с гранатомётом у пролома в стене. В квартиру во время штурма влетел снаряд, пробил насквозь стену, не задев висящую рядом гитару. Уцелел аквариум с серебристыми рыбками, уцелел кувшин на столе с букетом цветов. В пролом виднелись улица с поломанным фонарным столбом, фасад с вывеской «Аптека» и расплющенная легковушка. Танк с грязно-белой буквой «зет» на башне неуклюже поворачивался, выбрасывая синюю гарь. Развернулся и резво, лязгая, умчался за угол, занавесив пролом синим дымом. Николай посмотрел на свою грязную ладонь с мозолями и свежей царапиной и вспомнил, как эту ладонь щекотали шёлковые ресницы жены, мочили её тёплые слёзы.

— Если война начнется, я тебя не пущу, так и знай! Свяжу руки, ноги и не пущу! Дам тебе сонный порошок. Заснёшь, а проснёшься через три года, когда война кончится.

— Как же я, офицер, буду спать, когда война идёт? Я пойду на войну, стану генералом и вернусь с победой. И будешь ты у меня генеральша.

Она смеялась. Её пальцы бегали по его голой груди, будто по невидимым клавишам. Он счастливо замирал, слыша чудесные прикосновения.

Взводный Николай Лощинин сидел на земле, припав к стволу обгорелого дуба. Далеко в ночи догорала деревянная церковь. В стороне горбился чёрный подбитый танк. Тянуло кислой окалиной и горелой резиной. По небу брызгали бесшумные красные трассеры. Вечером роту выбили из села, и теперь в ночи подходило подкрепление. Утром по селу заработают «грады», и начнется атака. Николай Лощинин положил на траву автомат, поправил съехавший бронежилет. И вдруг под твёрдой скорлупой жилета, под грязной тельняшкой услышал лёгкий бег её пальцев, перебиравших незримые клавиши. Счастливо замер, слушая волшебную музыку.

— Если пойдёшь на войну, бери и меня. Буду тебе тельняшку стирать, еду готовить. Если тебя ранят, вынесу на себе, раны перевяжу.

— Миленькая ты моя, ну какая война! Смотри, какие звёзды, какие цветы в вазе.

— Тебя пошлют на войну. Там все винтовки и пушки на тебя нацелены, все пули метят в тебя.

— Промахнутся. Ты им прикажи: «Пули, промахнитесь!» — и промахнутся.

— Пули, промахнитесь! — она поцеловала его в висок, — Пули, промахнитесь! — поцеловала в плечо. — Пули, промахнитесь! — поцеловала в грудь. Она целовала его жарко, слёзно. Окружала поцелуями, и ему казалось, воздух начинает светиться от её поцелуев. Она окружала его волшебным свечением, сквозь которое не достанет ни единая пуля, не коснётся ни единый осколок.

Он бежал с автоматом по селу вдоль забора, за которым огненно, жарко стояли подсолнухи. Две мины, впереди и сзади, глухо рванули, повесив два пыльных облака. «Третья моя!» — успел он подумать, когда грохнуло, просвистело, отбросило к забору, ударило о хлипкие доски. Весь тёс вокруг его головы был утыкан осколками. У подсолнухов срезало шапки. Воронка продолжала дымиться. Осколки шквалом пролетели мимо, огибая его, дырявя доски вокруг съехавшей каски.

— Хочу, чтобы у нас было много детей, мальчики, девочки. Мальчики на тебя похожи, девочки на меня. Чтобы шалили, кричали, играли. Девочки в куклы, мальчики в солдатиков. Представляешь, как-то хожу по комнате, прибираюсь, а сама пою. Что же я пою-то? Колыбельную! Будто у меня в колясочке сын лежит, и я его баюкаю! Обними меня, Коленька, обними! Ты на войну уйдёшь, а мне сына оставишь!

Он целовал её плачущие глаза, голые дрожащие плечи, горячую, полную жаркого дыхания грудь. Она шептала, плакала, улыбалась. И такое сверкание, словно в тёмной комнате загорелась огромная люстра с разноцветными хрусталями. Тихо гасла, и хрусталики меркли, переливались.

— У нас будет сын, — сказала она, и её лицо в наступившей тьме продолжало светиться.

Николай Лощинин, расстреляв боекомплект, лежал в развалинах, среди битого кирпича и ломаной арматуры. Рота, теряя бойцов, откатилась, и он с простреленной ногой, сжимая гранату, видел в пролом, как приближались враги. Их чуткая звериная поступь, тусклый отсвет стволов, тяжёлые, с тепловизорами каски. Знал, что сейчас увидят его, обступят, наставят стволы. Прострелят руки, ноги. Станут глумиться, мучить. Он сжимал гранату, готовый выдрать чеку. Подпускал врагов. Видел край обглоданной кирпичной стены, висящий на арматуре клок лоскутного одеяла. Знал, что ещё секунду будет видеть кирпич, лоскуты одеяла, а потом всё исчезнет в чёрно-красном взрыве. Перед тем как дёрнуть кольцо, последним виденьем явится родное, с сияющими глазами лицо. Ударила батарея, взрыхлила развалины, обрушила стены, разметала врагов. Он лежал, окружённый дымом, прятал гранату.

Чудесная майская ночь с пробуждениями, поцелуями не кончалась. Люстра загоралась, как ночное солнце, рассыпала гаснущие хрустали. Лощинин заснул и проснулся. Открыл глаза. Вся комната была алая. В окне огромная, бесшумная стояла заря. Вливалась в комнату. На стенах заря, на полу заря, ваза с веткой ивы розовая, драгоценная. На розовых половицах стоит Галя, прекрасная, омытая зарёй. Словно вышла из розового озера, подняла локти, поправляет волосы, смотрит на него, видит его восхищение.

Взводный Николай Лощинин вспомнил то чудесное пробуждение, когда, замёрзнув в стальном коробе боевой машины, вылез наружу, накинув бушлат. Сад, где остановились машины, был чёрный, сталь была мокрая от росы, на башнях мутно белели буквы «зет». Над чёрными башнями сквозь корявые ветки светила заря. Пушки на башнях отливали зарёй.

— Закрой глаза и не открывай, пока не скажу!

Он закрыл глаза, сберегая под веками её восхитительную наготу.

— Теперь смотри!

Открыл глаза и ахнул. Она стояла в подвенечном платье. Из-под пышного подола виднелись босые стопы. Платье было розовое от зари, в кружевах, а она среди розовых лепестков казалась чудесным цветком.

— Что это? — изумился он, видя, как она стянула вуаль и кинула её, и по комнате поплыло розовое облако.

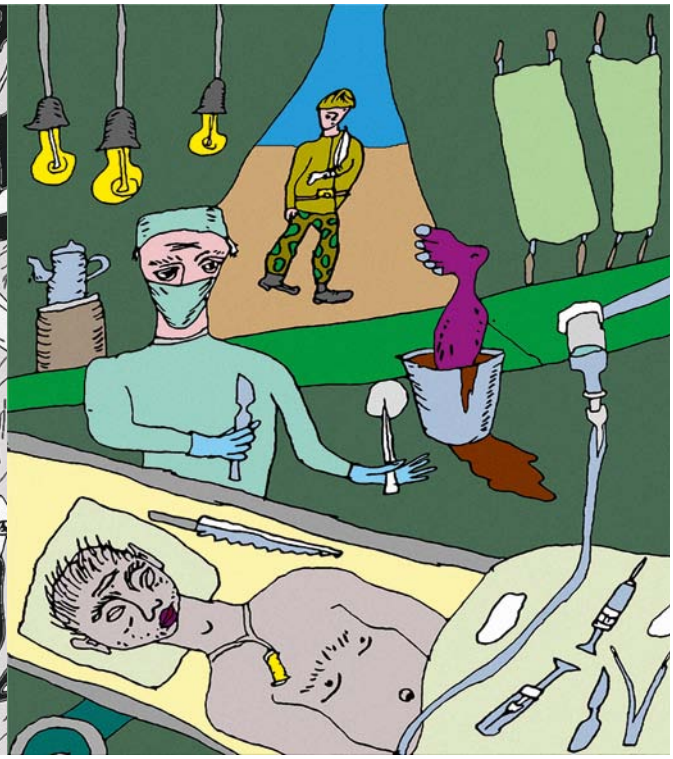
— Мы сегодня будем венчаться. Я говорила с отцом Петром, он нас повенчает.

— Да как же? У меня нет костюма. Нет петлицы, куда розу вставляют.

— Будешь в тельняшке. А колечки я приготовила.

Она протянула руку. На ладони тонко светились два золотых колечка.

Ночью боевые машины заехали в поле пшеницы и встали среди колосьев. Солдаты шелушили



в ладонях колосья, сдували мякину, грызли спелые зёрна. «Грады» пускали в небо светящиеся жёлтые дыни, вдали полыхало, но звука не было слышно. Он вдруг испытал тоску, небывалую, слёзную. Несть конца боям, которые не кончались победой, а только плодили развалины, толпы бегущих по дорогам людей. Несть конца котлам, которые не смыкались, бурлили, огрызались контратаками. Несть конца беззащитным посёлкам, сносимым дотла артиллерией. Несть конца капельницам, медсанбатам, вёдрам, звякающим от упавших отрезанных ног. Тоска была непосильной, смертной. Делала бессмысленным его появление на земле, бессмысленной саму землю, изрезанную фронтовыми дорогами, по которым идут бесконечные слепые колонны. Пропадают в железных дымах. И вдруг — это чудное подвенечное платье, розовое облако венчальной фаты, её голые стопы на розовых от зари половицах.

Их венчали в утренней церкви, полной тихого солнца. Галя была в подвенечном платье, белоснежная, восхищённая, с обожающими глазами. Лощинин был в военной форме, походных башмаках, тельняшке. К вороту булавкой был приколот синий подснежник. Батюшка нараспев читал венчальные молитвы. Сельчане держали над головами Николая и Гали жестяные венцы. Было много вербы, солнца. Стояла миска, полная разукрашенных пасхальных яиц. Ему казалось, что святые и ангелы улыбаются с иконостаса. И было в нём тихое счастье, умиление, доверие к батюшке, к сельчанам, пришедшим полюбоваться их свадьбой.

Полевой лазарет был развёрнут в лесопосадке. Бой ревел в стороне. Гаубицы в контрбатарейной борьбе неистово истребляли друг друга. Танки пробивали дыры в укрепрайоне, горели, и танкисты, сбивая с комбинезонов огонь, катались по земле. В капельницах падали огоньки солнца. Хирург пинцетом хватал белый ватный тампон, втыкал в рану, выдёргивал липкий красный шматок. Лощинин, пьяный от наркоза, водил глазами по брезенту палатки. Кругом улыбались иконы. Батюшка с редкой бородкой держал над Галей венец, и она из-под венца смотрела сияющими глазами.

Вечером, когда малиновое солнце садилось за крыши, они пошли за село к лесу. За околицей взялись за руки и шли полем по влажной дороге с колеями, в которых поблескивала малиновая вода. Пашня была жирная, как шоколад. В небе стояла круглая бледная, прозрачная, как морская медуза, луна. Лес был в тени, с тяжёлыми талыми водами, ароматом невидимых цветов. Пели птицы. На вершине огромной берёзы, озарённая последним солнцем, пела малиновка. Лощинин чувствовал, как в весеннем огромном мире близится чудесное, волшебное, открывается ему, готово явиться. Малиновка слетела с берёзы и скрылась. Луна стала белой, яркой на зелёном каменном небе. Но и она исчезла, словно утонула в тёмной синеве неба. Лощинин и Галя стояли под огромной берёзой. В темноте с дерева лились холодные запахи соков. В прозрачных ветвях загорались первые звёзды. Таинственное, чудесное приближалось, летело над лесами. Лощинин чувствовал его приближение.

Незримый посланец летел от Того, Кто привёл его в этот мир, взрастил на любимой земле, наградил любовью, поставил под огромной берёзой, зажёг в небе звёзды и теперь посылает гонца с чудесной вестью. Тень скользнула по звёздам. Ночная птица, красная в темноте, проплыла над берёзой, раскрыв округлые крылья. Лощинин провожал её бесшумный полёт, зная, что никогда не умрёт.

Город лязгал, будто в железных воротах открывали железный засов. Гулко ухало, словно били палкой в огромное пустое ведро. На левом фланге дрались чеченцы, штурмовали супермаркет. На правом фланге ополченцы пробивались сквозь жилую застройку. По центру работали десантники, и взвод Лощинина брал высотку, прикрывавшую путь к порту. Прижимаясь к борту боевой машины, Лощинин видел, как танк бьёт по фасаду, истребляя огневые точки на первом, четвёртом, девятом этажах. Если снаряд влетал в окно, в глубине раздавался взрыв, дом вздрагивал, а из окна начинал валить дым. Если снаряд ударял в фасад, на нём возникало пышное облако взрыва и зиял тёмный, наполненный гарью пролом.

Взвод Лощинина штурмовал центральный подъезд. Ротный приказал зачистить высотку, пройти по этажам, выйти на крышу и водрузить знамя. Это красное знамя с серпом и молотом было свёрнуто вокруг древка и находилось в руках Лощинина. Вместе с солдатами он прятался за кормой боевой машины, задыхаясь от вони солярки. Машина медленно продвигалась к подъезду. Пули звякали по броне. Десантники вжимали головы в плечи, шли упруго, на полусогнутых, желая казаться меньше и ниже. Ворвались в подъезд и забросали гранатами расчёт пулемёта. Лощинин нажал кнопку лифта, которая провалилась, и кинулся на второй этаж, где десантники кидали гранаты в распахнутые двери квартир. На пятом этаже схватились врукопашную, катились хрипящими клубками по лестнице, вскакивали на лестничной площадке и резались штык-ножами. На девятом этаже раскрылась дверь квартиры, ударила автоматная очередь, срезала сержанта. Лощинин держал знамя в левой, сжимал правой прыгающий автомат. Перекрестил раскрытую дверь, видя, как сверкнули осколки разбитого зеркала. На двенадцатом этаже в него стреляли из пистолета, но бегущий рядом ефрейтор кинул гранату, и взрыв в глубине квартиры прозвучал глухо, будто упал тяжелый шкаф.

Лощинин из тёмного, полного гари дома выскочил на крышу, и город открылся солнечной белизной. Из белизны поднимались два чёрных смоляных дыма. Мерцали разрывы. Пышные, как пух, летели дымы. Трещало, барабанило, ухало. Два вертолёта, нацелив клювы, пикировали, всаживая в город чёрные зубья ракет. И сквозь гарь и туманную муть сверкало синее море, необъятное, уходящее к горизонту, с далёкой россыпью солнца.

Лощинин развернул знамя. Оно колыхнулось от ветра, накрыло Лощинина с головой. Он вынырнул из-под алой волны, чувствовал, как ветер рвёт из рук знамя. Укрепил древко на штыре арматуры. Отошёл, слыша, как хлопает ветряное полотнище. Знамя налетало ему на лицо, превращало мир в красное зарево, а потом отлетало, и открывался белый город в дымах и разрывах и сверкающее синее море.

Николай Лощинин обнимал спящую тёплую Галю, слышал её неразборчивый во сне лепет. Будущее, ещё не случившееся, присылало ему свои несуществующие картины.

Лейтенант Николай Лощинин, командир взвода в составе воздушно-десантной роты, стоял в люке боевой машины десантника. Бронетехника, готовая к параду, набилась в Тверскую, раздвигая улицу стальными бортами. До начала парада оставались минуты. Колонна казалась длинным стальным слитком, застывшим среди нарядных фасадов, стеклянных витрин, разноцветных вывесок. Раздастся команда «Вперёд!», взревут моторы, саданут по асфальту гусеницы, взовьётся синий дым, город содрогнётся. Слиток расплавится, польётся стальной струёй к Манежу, на Красную площадь. Заискрит под гусеницами брусчатка, полыхнут золотые главы соборов, и Лощинин, стоя в люке, прижав ладонь к виску, отсалютует Президенту, готовый по его приказу рвануться в сражение.

Лощинин чувствовал гигантскую силовую линию, проходящую по Тверской. Непомерную мощь, готовую толкнуть вперёд громаду брони. Лощинин был встроен в силовую линию. Она дрожала в его мышцах, сердце, глазах. Эта линия угрюмо, упорно проходила через множество глаз и сердец, скрытых под бронёй. Начало линии терялось в пепельной дымке веков, а огненное, как горящий электрод, остриё смотрело на запад. Туда, на запад, с парада уйдет колонна. Умчится боевая машина десантника, увлекая за собой взвод, которым командовал Лощинин. Пятнадцать десантников, три башенных пушки, девять пулемётов, противотанковые гранатомёты, рации, тепловизоры, бронежилеты, каски, цинки с патронами, консервные банки — всё будет подхвачено силовой линией и вонзится в чудовищную громаду Европы, идущую на Россию войной.

Так чувствовал своё место в парадной колонне Николай Лощинин, глядя на люки других машин с командирами в танковых шлемах.

Он слышал, как истекают последние минуты перед началом парада. Сотни командирских глаз смотрели на часы, где трепетали стрелки. Истекут минуты, и толчок колыхнёт колонну, и она, качая пушками, дымя выхлопами, пойдёт на площадь. С площади, от её куполов и соборов парад уйдёт на войну, как другой далёкий парад под мокрым снегом ушёл в леса и лёг в подмосковном сражении. Николай Лощинин чтил тот давний парад, был готов разделить судьбу безвестных русских солдат.

Он смотрел на командирские часы с бегущей секундной стрелкой. Стрелка вдруг остановилась, циферблат стал голубой, как лёд, и стрелка застыла, вмороженная в лёд. Запаянные в лёд, стояли танки. Командир в люке соседней машины поднял руку, рука оледенела, и он не мог её опустить. Так и вмёрз в машину с поднятой рукой. Синий глобус на фасаде Почтамта перестал вращаться, скованный льдом. Женщина на балконе дома, махавшая красным флагом, замерла, и флаг, взволнованный ветром, застыл как нарисованный.

Лощинин чувствовал остановившееся время. Его жизнь не продолжалась, а билась перед невидимой преградой. Как птица, ударялась в стекло. Кто-то незримый своевольно остановил время, откладывал начало парада. Не пускал на парад Лощинина, не пускал его на войну, где Лощинину уготованы страдания, раны и смерть. Лощинин пытался пробиться сквозь лёд.

Мама приходит с мороза, и её меховой воротник полон душистого снега. Галя босая на половицах, залитая зарёй. Тополь за окном, изумрудный, весенний, глядит в его детскую кровать. Бегущая по розовой тропке крохотная резвая птичка. Голубая сосулька с солнечной, готовой упасть каплей.

Всё это не пускало Лощинина, удерживало в остановившемся времени. Он стремился сдвинуть остановившееся время, толкнуть туда, куда вела силовая линия. Лощинин всей дарованной ему волей, всеми силами жизни рванулся, пробивая лёд, раскалывая стеклянный мир. Стрелка часов побежала. Синий глобус на фасаде Почтамта закружился. Женщина на балконе махала флагом. В ларингофоне танкового шлема раздалась команда «Вперёд!».

Грозным храпом отозвалась колонна. Множество дымов вырвалось и заволокло Тверскую. Пошли танки, качая пушками, литые, дымные, с черепашьими клетками «активной брони», с ребристым блеском гусениц. Колыхнулись самоходки, сдвигая за собой весь город. Качнув отточенными носами, плавно заструились боевые машины десантников.

«Вперёд!» — скомандовал Лощинин. Корпус боевой машины задрожал, встрепенулся. Машина пошла, окружённая рокотом, звоном, отсветом тусклого солнца.

Лощинин, сбросив бремя прежней израсходованной жизни, вдыхал запах солярки, смотрел, как сквозь дым приближается розовый Кремль, янтарный, в каменных кружевах дворец, и думал: «Моё, моё дело!»

Машина шла в строю боевых машин. Чудесным казался белоснежный Манеж, отточенным веретеном казалась башня с рубиновой звездой. Площадь, ещё невидимая, громыхала барабанами, криками «ура», аханьем оркестра. Это шёл давнишний незабываемый Парад Победителей. Гвардейцы в касках, блестя орденами и золотыми погонами, несли к мавзолею тяжёлый бархат трофейных знамён с крестами, орлами и львами. Швыряли наземь штандарты разгромленных армий, и вождь с бриллиантовым орденом взирал с высоты на солнечную победную площадь.

«Мой, мой парад!» — думал Лощинин.

Проплыло кирпичное островерхое здание музея, церковь с иконой и горящей лампадой. Площадь с огромным небом, солнцем, золотом куполов, поднебесными золотыми часами, розовой зубчатой стеной, стальной брусчаткой озарила Лощинина ликующей красотой. Он жадно искал среди заполненных многолюдных трибун, флагов, погон, орденов — искал Президента, чья воля двигала стальные колонны, возносила золотые купола, вела Лощинина по силовой линии с этой восхитительной площади в огненное желанное будущее.

Увидел Президента среди военных, узнал его благородное светлое обожаемое лицо. Стремился к нему своим преданным любящим сердцем. Ждал его повелений, чтобы рвануться в сражение, где ждал его подвиг и, быть может, смерть, озарённая золотыми реющими куполами, синими прекрасными глазами Президента.

Лощинин салютовал, прижав ладонь к виску. Его глаза встретились с глазами Президента. Они увидали друг друга. Любили друг друга, были нерасторжимы.

Колонна покидала площадь мимо огромных колючих цветов собора. Спускалась к набережной с блеском реки. Уходила на окраины города, где на железных путях стоял эшелон и грузили на платформы бронетехнику.

Командир взвода лейтенант Николай Лощинин сидел на лесном пеньке рядом с боевой машиной десантника. Чернел ночной лес. Среди деревьев тёмными буграми угадывались другие машины. Рассыпанные по лесу, желтели огоньки. Солдаты вырыли в земле лунки, налили солярку, подожгли и грели банки с тушенкой. Два часа назад ротный собрал командиров взводов, постелил карту на сырую землю, осветил фонариком и довёл приказ о переходе украинской границы. Обозначил участок границы, населённые пункты, маршруты батальонов и рот и сказал, что приказ к выступлению последует на рассвете.

Николай Лощинин вернулся в расположение взвода, довёл приказ до личного состава, распорядился ещё раз проверить готовность машин. Прокручивались валы, катки, турели, петли люков. Промерцали и погасли циферблаты, вспыхнули и потухли габариты, колыхнулись пулеметы и пушки. В ароматы леса пролились запахи машинного масла, и сильнее запахла растревоженная броня. Старшина принёс ведро с краской, навернул на палку ветошь, макнул в ведро и вывел на башне опознавательный знак, букву «зет», белый зигзаг, в котором было что-то злое, колючее.

Николай Лощинин сидел на пеньке под буквой «зет» и думал, что теперь его жизнь будет проходить под этим знаком зодиака, под созвездием «зет».

Солдаты грели тушёнку. В лунке горела солярка. Будто в земле светилась жёлтая лампада. Солдаты склонились над лампадой, озарялись и пропадали их руки, загорались и гасли глаза. Лощинину казалось, что солдаты молятся.

— Мне вчера сон приснился непонятный. Будто подходит ко мне ротный и говорит: «Ступай за мной. Покажу корову». Иду за ним и вижу корову. Рога, морда губастая, глаза, а вместо вымени двухпудовая гиря, а из гири железные соски. Ротный приказывает: «Дои!» Я беру соски, а они холодные, железные, и молоко из них бьёт холодное, железное, и ведро гремит, будто в него железные гайки бросают. К чему бы это? — сержант Бурковский, позывной «Бур», поворачивал голову, глаза изумленно загорались и гасли, он хотел отгадать значение сна.

— Это тебе ротный приказывает из машины солярку слить. Иди, Бур, пошарь под машиной. Найдёшь вымя и железные соски — полапай! — хохотнул старший сержант Столяров, позывной «Стол». Наклонился, и в свете лампады появилось его большое носатое лицо.

— А мне раз сон приснился. Лежу на терраске у матери, и снится, будто надо мной шар плывёт. Такой белый, гладкий, прозрачный. А в нём переливается, и лучи света. Просыпаюсь, выхожу на крыльцо в ночь, а над садом шар плывёт, точно такой, как во сне. Белый, прозрачный, с лучами. Проплыл над садом, и будто из него молоко вытекло. В небе след остался. Что это было? — рядовой Ананьев, позывной «Няня», сунул в горящую лунку сухую ветку. Она загорелась, осветив его длинные пальцы. Бур достал сигареты. Все тянули из пачки сигареты, прикуривали от ветки. Она горела в руках Няни, и казалось, он дарит остальным робкий огонёк.

— Я говорю, беспилотник. Третья рота в посадках стояла, и с Украины прилетел беспилотник. Стали сбивать из стрелкового. Пошмаляли в воздух напрасно, и улетел. Как муха. В него не попасть, — ефрейтор Бузылёв, позывной «Буза», поднес к лунке большие чёрные руки, поправляя консервную банку, словно он сберегал огонь, держал в ладонях лампаду.

Николаю Лощинину казалось, что по земле, по лесу, по небу, по звёздам мчится бесшумное остриё. Летит, приближаясь, готово коснуться его, рассечь его жизнь, отбросить прошлое, перенести в другую половину жизни, в другое время. Там всё будет другое, и лес, и светлеющее в вершине небо, и жёлтый светлячок лампады, и солдаты, и он сам, сидящий на пеньке под знаком «зет». Этот знак будет знаком его новой жизни и, быть может, смерти, и надо успеть, пока не налетело остриё, не рассекло его жизнь, надо успеть что-то понять, додумать в этой прежней исчезающей жизни. Ибо потом будет поздно, прежняя жизнь забудется, а вместе с ней

всё неразгаданное, непонятое, не прощённое. Оно канет бесследно. Ему не отыщется места в другой, близкой жизни под созвездием «зет».

— Меня сегодня пчела укусила. Откуда? Рано для пчел. Налетела, куснула, стерва. И так больно! Вот, смотрите, рука распухла. Болит, — старший сержант Стол протянул к огню растопыренную пятерню, вертел ею. Остальные её рассматривали.

— Пчела тебя куснёт, а сама умирает. Самоподрыв, гранатой себя подрывает. В тебя жало метнёт, а себе нутро вырвет. Тебе больно, а ей смерть. Она подвиг совершает. Её, как героя, награждать надо, — сержант Бур укорял Стола за смерть пчелы.

— Пчелиная боль полезна. У меня дед пасечник был. Пчёлами искусанный, распухший. А до ста лет прожил. Муравьиная боль полезна. Старики деревенские, если спина болит, не разогнуться, они в лес шли, искали муравейник. Голой задницей садились и терпели. Кричат, а терпят. Так исцелялись, — рядовой Няня делился знаниями, доставшимися от деревенской родни, полагая, что они будут полезны товарищам.

— У нас в доме якут жил, — произнёс ефрейтор Буза. — Он боли не чувствовал. Каких-то грибов поест, выйдет во двор и говорит: «Тушите об меня сигареты!» Об него тушат, а он улыбается. Боли не знает. Есть такие грибы обезболивающие.

— Зачем тебе грибы? Достал шприц, вколол пармедол и отключился. Нет боли, — сказал рядовой Няня.

— А если руку оторвёт? Чем вкалывать? — хотел его уличить Бур.

— Другой рукой, — нашелся что сказать Няня.

— А обе оторвёт?

— Ты мне вколешь.

— А если мне оторвёт?

— Стол вколет.

— А если Столу башку оторвут? Кто вколет?

— Тогда некому. Терпи, — сдался Няня.

Николаю Лощинину казалось, что он, оставаясь на пеньке рядом с боевой машиной и солдатами, греющими тушёнку, покинул пенек, поднялся на воздух и смотрит на всё это сверху. Не с башни боевой машины, не с вершины дерева, а выше, гораздо выше, несравненно выше, и оттуда видит и себя на пеньке, и солдат у лампадки, и башню машины с мучнистой, неразборчивой в темноте буквой «зет». И за всем этим он наблюдает и старается запомнить, чтобы потом во всех подробностях рассказать кому-то, кто и так, без него, знает всё это.

— Я своей Людмиле говорю: «Если без рук, без ног останусь, не жди. Таким не вернусь. Ищи себе другого». Она плачет: «Ты что меня мучаешь? Пожалей меня!» — ефрейтор Буза улыбался виновато, винясь перед женой, которая провожала его на учения, не зная, что на войну.

— Значит, любит, — сказал рядовой Няня.

— А что такое «любовь»? Она человеку дана, чтобы детей рожать. Как слепой, бродишь, об углы ушибаешься, женщину ищешь. Нашёл, влюбился, детей нарожал и остыл. Где она, любовь? Деньги на семью зарабатывай, — раздраженно рассуждал сержант Бур.

— Я денег заработаю, вернусь. Мы с Катей квартиру купим, обставим. Будете квартиру обставлять, знайте — женщине кухня хорошая нужна, чтобы готовила, и зеркало большое, чтоб смотрелась. Вот и вся любовь! — произнес умудренный жизнью старший сержант Стол.

— Я, когда Ленку мою полюбил, трава зеленее стала, а небо голубее. Я хотел её платьем стать, подушкой, туфлями. О ней подумаю и улыбаюсь. «Ты что всё улыбаешься?» — спрашивают. А как объяснить? Я ей говорю: «Я тебя во всю жизнь не оставлю. Станешь старухой, буду любить», — ефрейтор Буза тихо смеялся.

— Ты еще до старости доживи, — хмыкнул старший сержант Стол.

Николай Лощинин чувствовал, как истекает прежнее время и нарождается новое. В этом новом времени ждут его горящие города, оплавленные дыры в броне, растерзанные тела, быть может, этих сидящих у лампады солдат. И это он поведёт их в смертельный бой, где они погибнут, и погибнет он, и случится то, что уготовано ему в новом времени, и он знает, что это непременно случится, и можно подняться с пенька и пойти в темноту через лес, мимо притаившихся боевых машин, к опушке, где начинается поле и небо чуть заметно светлеет, и идти под светлеющим небом, мимо озёр, в которых отражается голубая заря, мимо спящих сёл, где цветут сады, и заря над яблонями

алая, и цветы на яблонях алые, и он наклоняет к лицу усыпанную цветами ветку и целует белый цветок. А чёрный лес с притаившимися стальными машинами и греющими тушёнку солдатами исчезнет без него в новом времени, где горящие города и оплавленные дыры в броне, и растерзанное тело сержанта Бура, оторванные руки рядового Няни, вытекшие с кровью глаза ефрейтора Бузы, обожжённое лицо старшего сержанта Стола, и он сам в липких бинтах лежит на носилках, и в ведре, лиловая, в кровавой слизи, торчит его отсечённая нога.

Николай Лощинин останавливал бег своей испуганной мысли. Сидел на пеньке, ожидая, когда посветлеет небо и раздастся команда «Вперёд!». Знал, что вместе со всеми устремится в новое время, неотвратимое, громадное, забирающее с собой солдат, командиров, генералов, Президента, стоявшего на солнечной площади, жену Галю в подвенечном наряде, и это время для всех одно — для добрых и злых, богатых и бедных, стариков и младенцев. Подхватит всех и унесёт в бесконечность. Но теперь — холод весеннего леса, лампадки, озарённые лица солдат, и два часа до войны.

— Человек мало живёт. Не доживает. Если бы жил двести, триста лет, он бы дошёл умом до того, до чего сейчас не доходит. Сделал открытия, которые теперь не может сделать. Жизнь была бы райской. А то что? Только начнёт разбираться что к чему, и смерть. Всё захлопывается. Начинай сначала, — размышлял старший сержант Стол.

— Я считаю, пусть лучше сразу убьют, чем мучиться. Болеешь, хвораешь, койки больничные проминаешь. Пуля лучший доктор. Клюнула, и выздоровел, — ефрейтор Буза смотрел на огонь, и его синий глаз одиноко сиял на озаренном лице.

— Ты думаешь, пуля клюнула, и всё погасло? Ан нет! Пуля ключиком дверь в другую жизнь отворила, — старший сержант Стол был не согласен с ефрейтором Бузой, ибо знал больше него.

— Мне один верующий человек говорил: «Ты вот любуешься небом, озером, цветами. А в другой жизни будет всё то же, но в сто раз красивей. И бабки твои и деды встретят тебя, но будут молодыми», — произнёс рядовой Няня.

— Ты давай эту жизнь проживи. А для этого носи бронежилет и каску, — строго наказал ефрейтор Буза.

Николай Лощинин думал о ненаглядной Гале, когда она стояла на половицах в заре, и её белое подвенечное платье казалось розовым, как яблоневый сад на рассвете, и тихий батюшка держал над ними жестяной венец, и летела лесная бесшумная птица, и Галя, отпуская его на войну, сказала: «Вернёшься, а у нас уж будет сын».

Забулькала рация. Николай Лощинин схватил танковый шлем, прижал ухо к ларингофону.

— «Сойка! Сойка! Я Сова! Как слышите меня? — булькал голос ротного.

— Сова, я Сойка! Слышу вас хорошо!

— Боевая тревога! Повторяю, боевая тревога!

— Боевая тревога! По машинам! — командирским рыком крикнул Лощинин.

Ночной лес ожил. Заметались тени. Затопали солдатские башмаки. Лязгнули люки. Звякнули о броню автоматы. Загорелись рубиновые хвостовые огни.

«Ведь это война!» — Лощинин пропускал мимо нырявших в люки солдат, слышал, как чавкнула дверь десантного отделения. Ухватил скобу. Железо было мокрое от росы. Взметнулся на броню и кинул своё сильное послушное тело в люк.

— Вперёд!

Всхрапнули, рыкнули, загрохотали моторы. Пахнуло дымом. Брызнул свет, осветил деревья, бегущих солдат, струящиеся в свете машины. На каждой ослепительно белела буква «зет». Лощинин почувствовал, как полоснуло незримое лезвие, рассекая надвое жизнь, и он, сбросив старую жизнь, уже находился в новой, грохочущей и сверкающей. Стоял в люке, вдыхая гарь солярки. Пушка отливала голубой зарёй.

«Война!» — подумал Лощилин, стараясь запомнить голубой от зари ствол пушки, чтобы когда-нибудь вспомнить, как начиналась война.

Боевые машины, как топоры, прорубили лес и вынеслись в поле. Над полем стояла заря, тяжёлая, сырая, с малиновой мутью. Травяное поле было чёрное, но мелкие цветы в заре казались красными каплями. Батальон, утюжа опушку, построился в колонну. Дымя, тускло сияя башнями, ушёл к бетонке. Взвод Николая Лощинина получил приказ искать просёлок, войти в село, вести разведку на фланге.

Три машины, мягко качаясь на ямах, шли через поле. Заря стояла стеной, не пускала, отталкивала. Машины сталью, рёвом моторов взрезали зарю, мчались, обрызганные красным соком.

Заря побледнела, распалась на розовые облачка, летевшие в синеве. Машины нашли просёлок, рвали гусеницами. Земля была жирная, как чёрное сало. Лощинин на головной машине вёл две другие. В люках стояли командиры. В чёрных танковых шлемах светлели их лица. Лощинин чувствовал упругость машины, упрямое стремление заострённого корпуса, тревожную нацеленность пулемётов и пушки. Машину толкал невидимый вектор, одна из красных стрел, вонзённых в границу. Лощинин лбом чувствовал приближение границы. Его машина была на острие красной стрелы.

Впереди появилось строение, одинокое, у проселка, похожее на будку. Дорогу преграждала чёрно-белая чёрточка шлагбаума.

«Стоять!» — приказал Лощилин.

Эта была граница. Чёрно-белая чёрточка запрещала проезд, отделяла одно пространство от другого, таила угрозу. Будка являлась пограничным постом. В ней укрывались солдаты. Лощинин чувствовал враждебную, исходящую от будки и шлагбаума силу. Сила останавливала машины, ломала красный вектор удара.

— Держать под прицелом! — передал по машинам Лощинин, — Первый выстрел, и огонь на поражение!

Увидел, как качнулась пушка, поймала в прицел будку. Качнулись пушки других машин. Он ждал, что из будки откроют стрельбу, замерцает огонёк пулемёта, залязгают по броне пули, и тогда рявкнут орудия, превратят будку в горящие щепы.

Выстрелов не было.

— Вперёд! — приказал Лощинин.

Машина рванулась. В грудь ударила кромка люка. Ветер шлёпнул в лицо. Машина мчалась, приближаясь к шлагбауму. Налетела, разрубила хрупкое дерево. Обломки черкнули по броне. Будка с раскрытой дверью улетела назад, и Лощинин, пробив границу, мчался, углубляясь в чужую страну, вонзал в неё вектор удара.

Он испытывал счастливое веселье. Сталь боевой машины, ствол скорострельной пушки проткнули границу. Неудержимый, волевой, он мчался в чужую страну, делал её своей. Страна распахнула свою границу, не противилась, принимала его. Была его страной. Он погружался в её утренние солнечные дали.

Машины шли в полях. Тянулись зеленя, изумрудные молодые хлеба. Лощинин не мог отличить пшеницу от ржи, ячмень от овса. Радовался свежей зелени. Она становилась вдалеке зелёным туманом. В розовых полях цвёл клевер. Ветер был сладкий, душистый. Дорогу перелетали птицы, шарахались от машины, стеклянно сверкали крыльями. В стороне на бугре появилось село, далёкое, белое, в утреннем солнце. Проселок раздваивался. Одна ветвь уводила к селу, другая тянулась в поля.

— Вперёд! — Лощинин махнул рукой, указывая путь командирам машин.

Впереди забелело, словно в поля опустилось облако. Огромный сад возник, весь в цветах, в яблонях, от вершин до корней покрытых цветами. Лощинин с внезапной нежностью вспомнил жену в подвенечном платье и ночное виденье, когда подносил к губам яблоневую ветку и целовал цветок.

Сразу за цветущими яблонями начиналось село. Засверкали стёклами окна, промелькнула магазинная вывеска, у чьих-то ворот стоял грузовик. Просёлок превратился в широкую улицу, обсаженную тополями. Сквозь деревья мелькали цветные заборы. Людей не было. Боевые машины сбросили скорость, медленно пробирались вглубь села, где улица ширилась, превращаясь в площадь с деревянной церковью, похожей на короб, с круглой, как репа, главой. Однозвучно, частыми ударами бил колокол. Лощинин увидел людей. Их было много на площади. Стояли тесно, встречая машины. Их созвал колокол. Видно, звонарь с высоты увидел в полях боевые машины, известил село. Народ сошёлся, встречая машины. Русские встречали русских, состоялась долгожданная встреча, кончилось мучительное разделение, народ вновь обретал единство, ликовал под колокольные звоны. Лощинин своими машинами сломал утлую изгородь, мешавшую русским обнять друг друга.

Машины стояли, выбрасывая из кормы синий дым. Лощинин увидел, как из толпы вышли женщины. Они были в белых рубахах, от ворота на грудь спускались узоры. Женщины несли в руках свёртки. Это были караваи, ещё горячие, из печи, накрытые домашними полотенцами. Лощинин был готов оставить машину, спуститься к людям и принять от них каравай. Отломить душистую мякоть, макнуть в солонку, жевать, нахваливая, глядя на чудесные родные лица, произносить идущие от сердца слова благодарности.

Женщины приближались. Были видны алые цветы на белых рубахах. Колокол бил. Женщины подошли к машинам, положили поперёк дороги свои свёртки, и Лощинин, привстав из люка, увидел, что это грудные младенцы. Укутанные, похожие на коконы, они лежали перед гусеницами. Некоторые спали, закрыв глаза, чернея дырочками ноздрей. Другие плакали, открывая беззубые рты. Колокол бил. За кормой машин вставали дымы. Отливала броня бортов с белыми буквами «зет», и у самых гусениц лежали грудные младенцы.

Лощинину стало страшно — вдруг машина сойдет с тормозов, и гусеницы, чавкая, поедут по детям.

— Бур! — крикнул вглубь машины Лощинин — Иди убери детей! Отведи женщин!

Сержант Бур, что ночью у лампадки рассказывал сон о железной корове, выскочил из машины. В каске, бронежилете, с автоматом, упруго, вразвалку подбежал к женщинам, стал показывать на детей, на дорогу, оглядывался на машину, опять на женщин. Те стояли молча, не поднимая детей. Колокол бил. Народ на площади не двигался. Множество глаз смотрело на Лощинина, тёмных, суровых, вопрошающих.

— Бур, давай рули машиной, чтобы детей не задеть! Механик, обходим помеху! Ювелирно!

Машина попятилась, свернула, медленно пошла вперёд. Бур шёл впереди, махал руками, подманивал машину, обводил вокруг женщин. Машина вздрагивала, теснилась к заборам. Саданула кормой тополь, пошла вперёд. Взвод торопился пройти село. Колокол бил и бил. Народ на площади молча смотрел вслед уходящим машинам.

Солдаты покинули десантные отделения и облепили броню. Круглились каски, горбились спины, поблёскивали стволы. Всё так же сияли дали, зеленели хлеба, клубился розовый клевер, вдоль обочины желтели неведомые цветы. Но кругом таилась тревога. Лощинину казалось, что глаза, смотревшие на площади, тёмные, суровые, смотрят теперь из кустов, из полей, из разноцветных перламутровых далей. Страна не встречала его караваями, а отторгала, путала дороги, заманивала в свою тревожную глубину.

Просёлок уткнулся в ручей. Вода плоско блестела. Через ручей вёл деревянный мост, ветхий, разрушенный, просевший. Колея сворачивала в сторону, пропадала в ручье, выныривала по другую сторону. Машины рассекли ручей, взбивая буруны, поднимая радужные ворохи. Лощинина обрызгало. Он оглянулся и увидел за машиной павлиний хвост брызг.

Просёлок окреп, отвердел, на нём появился асфальт, в заплатах, трещинах, с вырванными ломтями. Машины зло вздрагивали. По сторонам появились деревья, и даль скрылась. Деревья были старые, чернели их безлистые ветви, но густые кусты сочно зеленели, и на некоторых белели цветы. Лощинин хотел угадать породы кустов и деревьев. Деревья были клёны, исчахли от времени, а кусты с цветами могли быть акацией, той белой, южной, которую не сыщешь на севере. Лощинин хотел уловить сладкий запах цветов, глотал ветер, и услышал сквозь рокот двигателя стук автомата. Пули звякнули по каткам. Лощинин присел в люке, оглядываясь на солдат. Увидел, как со второй машины отломился прилипший к броне солдат и упал на дорогу. Машины уносились, а он оставался лежать одиноко, отведя руки, как стреловидные крылья.

— Огонь! — рявкнул Лощинин, нажав тангенту.

Машины крутанулись винтом, и залязгали пушки. Били в упор в посадку. Пулеметы рубили кусты. Лощинин глохнул от работающей под ухом пушки. На машинах загорались огоньки автоматов. В посадке валились деревья, дрожали пробитые пулей кусты.

— Прекратить огонь! — Лощинин видел одиноко лежащего на дороге солдата, лесополосу, сквозь которую пронёсся свинец. Казалось, деревья трепещут от вонзившиеся в них пуль.

— Стол, Буза, осмотреть посадку! Остальным прикрывать!

Двое соскользнули с брони, держа автоматы. Стали красться, пригибаясь, медленно ставя ноги. Лощинин видел, как хвостовая машина вернулась к лежащему, загородила бронёй. Солдаты спрыгивали, обступали упавшего.

Никто не стрелял. Рокотали моторы, пыхтя дымками.

Вернулись Стол и Буза.

— Чисто, командир!

Лощинин спрыгнул на землю, подхватил автомат, пошёл к хвостовой машине.

Деревья у обочины были изгрызены снарядами. Под сорванной корой блестела древесина.

Солдат на асфальте был убит. Он находился во взводе недавно, Клюев, длиннорукий силач, удивлял Лощинина коричневыми жилами рук, которые хрустели, когда тот подтягивался на перекладине. Теперь эти руки были отведены назад, и Клюев казался стрелой, той, что на карте вонзалась остриём в Украину. Это острие обломилось и лежало на безвестной дороге. Пуля вошла под каску, и с носа стекала вялая струйка крови. Это был первый убитый в первые часы войны. И Лощинин, потерявший солдата, испытывал вину. В громаде войск, командирских приказов, генеральских решений затерялась его отдельная воля. Она подчинялась другой, высшей, превышавшей все остальные воле Президента. Но Лощинин был виноват в смерти солдата, не знал, как её искупить.

С убитого сняли каску, подобрали автомат, понесли в десантное отделение. Лощинин вернулся к машине.

— Вперёд! — моторы всхрипели, взвод шёл на больших скоростях. В хвостовой машине на днище колотилась о железо пробитая солдатская голова.

Батальон шёл в стороне, по трассе. Лощинин вёл взвод на фланге, докладывая командиру роты обстановку. Доложил о «двухсотом» Клюеве, о младенцах, уложенных под гусеницы. Он был потрясён. Видел детские открытые рты, струйку крови, стекавшую с носа Клюева, его полосатую тельняшку. Война обрастала подробностями. Он и сам, с глубокой царапиной на руке, с невнятным чувством вины, с тревожными, зыркающими из-под каски глазами, был подробностью войны.

Впереди показался посёлок, несколько пятиэтажных домов и мелких строений, окружённых огородами и цветущими яблонями. При въезде высилось нелепое, из железных коробов и угловатых башен

строение. Остатки хранилища или рухнувшей фабрики. Лощинин собирался обойти строение, но оттуда вырвалась дымная трасса с огненной жаркой головкой. Головня, дымя, подлетела, прошипела над головой и ухнула на обочине, подняв невысокий взрыв.

— Рассредоточься! — прокричал Лощинин, видя вторую трассу, излетевшую из ржавой развалины. Граната ухнула за кормой, взрыв взлетел и осыпался, а в воздухе ещё висела дымная бахрома.

— Огонь! — Лощинин скрылся за крышкой люка, боясь попаданий. Загрохотали три пушки, тупо, твёрдо дырявя ржавые короба, отрывая листы железа, наполняя развалину взрывами. Отгрохотали и смолкли. Короба осели, горели. Шёл чёрный маслянистый дым — так горят автомобильные шины.

— Бур, Буза, осмотреть! Остальным прикрывать!

Машина осторожно подвигалась к развалине.

Сержант Бур и ефрейтор Буза, прикрываясь бортом, переступали на согнутых ногах, мягко, по-кошачьи, готовые к броску. Скрылись в проломе. Сочился дым. Железо тлело. Пулеметы из бойниц были готовы работать по коробам. Из пролома появились Бур и Буза, показали на пальцах: «Всё чисто!»

Лощинин спрыгнул на землю. Солдаты слетели с брони, шли следом. Железные короба полнились мутью. Сквозь дым из дыр под разными углами било солнце. Лучи падали на ржавые колёса, транспортёрные ленты, гнилую ветошь, сквозь которую прорастала трава.

На ветоши валялся разорванный снарядом гранатомётчик. Снаряд отрубил ему голову, отсёк руки, оторвал ноги. Из пятнистых рукавов и порточин торчали мокрые обрубки, белые сухожилия, розовые расщеплённые кости. Голова, лысая, с остатками волос, выпучила глаза. Рот, полный выбитых зубов и крови, беззвучно кричал. Из обрубка шеи торчали пищевод и трахея. Высоко, зацепившись за железную балку, висели фиолетовые кишки. С них капало. Капля упала на Лощинина, и его стало рвать. Он прижался лбом к ржавому листу. Его трясло, колотило. Он кашлял, хрипел, бился о гулкое железо.

Лейтенант Николай Лощинин лежал в развалинах гаража, разрушенного гранатомётом. Среди кирпичей тлел остов мотоцикла. Стена гаража рухнула, и открылась высотка в девятнадцать этажей, которую штурмовал взвод Лощинина. Фасад высотки был залит солнцем, окна блестели. В некоторых стёкла были выбиты, и окна чернели. Из нескольких окон сочилась гарь, пачкала стену, и казалось, над окнами чернеют брови. На этажах угнездился украинский спецназ. В разбитых окнах мерцали пулемёты. Во дворе перед домом детская площадка пестрела разноцветными лесенками, качелями, каруселями. Лежала женщина в задранном синем платье с вывернутыми толстыми ногами. В стороне от высотки догорал грузовик. В него угодил снаряд боевой машины, взрыхлил капот, сдвинул кабину, но убитых не было. За грузовиком открывалась улица, ведущая к центру города. На ней солнечно сверкали осколки стёкол. Фонарный столб был подрублен и переломился надвое. Через улицу перебегали украинские солдаты, скрываясь в двухэтажном строении с надписью «Аптека». Вдоль улицы тянулись пятиэтажки и пропадали в дыму.

Взвод Лощинина штурмовал высотку вместе с ротой донецких ополченцев. Ополченцы, после очередной отбитой атаки, укрылись в сквере. Там на клумбах краснели цветы и бил фонтан. Солнечный нарядный фонтан превращал картину разрушений в неправду. Казалось, бутафорские дымы рассеются, поломанный фонарь распрямится, из высотки выйдут усталые актёры, побросают бронежилеты и каски, съёмочная группа сядет в автобус и покинет съёмочную площадку.

Высотка была украинским опорным пунктом, преграждала путь к морскому порту, и командование торопило, ещё и ещё посылало ополченцев и взвод Лощинина на штурм.

Из развалин гаража город был невидим. Его огромность угадывалась по разрывам. Они гуляли на окраинах, перемещались к центру, уходили в глубину и снова возвращались к окраинам. Лощинин угадывал по разрывам расположение самоходных гаубиц, установок залпового огня, тяжёлых миномётов. Представлял, как ползают в кварталах танки, пикируют самолёты, впрыскивают ядовитые дымы атакующие вертолёты. Город сотрясался, как огромное живое тело. Его глушили и вгоняли ножи. Он вздрагивал, не хотел умирать, а ему резали жилы, рассекали артерии, искали сердце, чтобы вонзить удар и умертвить.

Забулькала рация:

— Сойка, Сойка, я Сова! К вам идёт танк. Отработайте и берите дом! Бери его, мать вашу!

Лощинин слушал пузырьки рации, будто кипел чайник. Представлял ротного, засевшего в соседнем квартале. Небритый кадык, щербатый хрипящий рот, кривой подбородок, злые, в рыжих ресницах глаза. Рота потеряла четыре машины, одну потерял Лощинин. Теперь, глядя на высотку, на редкие пулемётные вспышки, на сквер с фонтаном, где группировались ополченцы, Лощинин думал, как станет атаковать. Как далеко подойдут к высотке боевые машины, прикрывая бронёй солдат. Где солдаты отлипнут от брони и бросятся через детскую площадку к подъезду, заваленному мешками с песком. И сколько атакующих успеют войти в дом и двинуться на этажи, где из открытых квартир в них полетят гранаты и хлестнут автоматы.

Город ахал, стенал, в нём ломались кости, хрустели поджилки, и Лощинин, участвуя в умерщвлении города, продумывал, как точнее взрезать сухожилие, взять штурмом высотку.

— Командир, нашей пушкой его не возьмёшь. Монолит.

Снаряд, как горох, отскакивает, — сержант Бурковский, позывной «Бур», тоскливо смотрел на залитый солнцем фасад высотки. Фасад был рябой от попаданий. Снаряд, ударяя в бетон, выбивал клубок дыма, дым рассеивался, и открывалась метина. Если снаряд влетал в чёрный квадрат окна, откуда бил пулемёт, в глубине квартиры раздавался взрыв, вырывалось рыжее пламя, валил дым. Пулемёт умолкал, но на другом этаже лопалось стекло, начинало трепетать пулемётное пламя. Пулемётчик оставлял квартиру до попадания снаряда, менял позицию, не пуская к высотке пехоту.

— Вызвать авиацию! Пусть бомбу положит и разнесёт к ядрене фене! — сержант Бур смотрел в синее небо, где проскользнул, как пятнистая рыба, вертолёт. Лицо Бура под каской казалось мятым, лоб морщился, морщины уходили под край каски. Глаза, большие, коричневые, как у лошади, тоскливо смотрели на высотку. Высотка из-под чёрных бровей глазами разбитых окон выискивала Бура среди развалин гаража. Метила снайперской винтовкой.

— Без танка её не взять, — Бур тосковал, ожидая приказа на штурм. — Ещё одну машину сожжём. Хорошо, нет «двухсотых». Бузу чуть зацепило.

— Как Буза? — Лощинин знал о ранении ефрейтора. Видел, как в машину, прикрывавшую ополченцев, угодила граната, полыхнула под гусеницей. Машина завертелась, слепо строча пулемётами. Ополченцы бестолково рассыпались, отступая в сквер. Машина покрутилась и встала обречённо, ожидая второго попадания. Лощинин видел, как из развалин выскочила машина ефрейтора, подлетела к подбитой, едва не ударив в корму. Буза скакнул из люка, сгорбился, набрасывая трос на крюк. Пятясь, оттащил машину от высотки, получив вдогон запоздалый удар гранатомёта.

— Сильно ранен? — спросил Лощинин.

— Осколок с песчинку, в коже застрял на лбу. Медик перевязал, и нормально. Буза живучий.

Лощинин чувствовал, как мается Бур, как тоскливо ждёт атаку, третью на проклятую высотку, после первых двух, захлебнувшихся, когда ополченцы, уйдя из-под прикрытия машины, ринулись на высотку, и она резала их пулемётами. Они отступали, волоча убитых, укрывались в сквере с фонтаном. Им вслед с крыши высотки бил миномёт, вздымая среди бегущих колючие взрывы. Бур ходил в обе атаки, вытаскивал ополченца, который умер у него на плечах, забрызгав кровью. Эта кровь запеклась на каске Бура. Дважды он выходил из атаки живой и боялся третьей.

— Танк почему не идёт?

Лощинину Бур досаждал. Мешал продумывать план атаки. Две боевые машины, ведя пулемётный огонь, поползут к детской площадке, где лежит убитая женщина и начинается «мёртвая зона». Третья подбитая машина с дальней дистанции станет бить из пушки по окнам. И тогда, у той карусели с разноцветными люльками, от тех качелей, совершить бросок к подъезду, к мешкам с песком, кидая в темноту подъезда гранаты. Нестись на этажи. В эту атаку, пропустив две предшествующие, пойдёт он сам, туда, где управление боем бессмысленно и бой развивается по законам взрыва. В этом взрыве он может погибнуть, как мог погибнуть и во всех прежних, где его сберегала судьба.

— Танком её раздолбать до фундамента, тогда и идти! — Бур размышлял, тоскуя, надеясь, что его размышления услышит тот, кто готовит атаку. Взводный, лейтенант с булькающей рацией. Или ротный, капитан с кривым подбородком и рыжими ресницами. Или майор комбат, пухлый толстячок с обручальным кольцом. Или командир полка с морщиной, не дающей срастись мохнатым черным бровям. Или неведомый генерал в кунге над картой города, пославший войска на штурм. Или всевластный, бесконечно удалённый от этой высотки, тлеющего мотоцикла, от убитой женщины в синем платье, от подъезда, заваленного мешками песка, среди которых темнеет оконце для пулемётного ствола, откуда прилетит смерть.

Лощинин слышал муку Бура, хотел от неё отмахнуться, послать Бура на фланг, где Буза собирал у машины ополченцев. Но, мельком взглянув на Бура, увидел тень, затемнившую лицо среди яркого солнца. Эта тень появлялась у многих и исчезала. Но теперь лежала на впалых щеках Бура, на переносице, на искусанных губах и не уходила. Лощинин знал природу тени. Это были предчувствия. Неслышные, они жили в каждом солдатском сердце и вдруг сгущались, проступали на лицах. Лощинин решил не посылать Бура в атаку, оставить в прикрытии. Пусть тень сойдёт с его лица и станет невидимой.

Лощинин услышал храп, железный лязг. Из развалин выполз танк, сначала длинная пушка, лобовая броня башни. Танк вылезал из развалин, как огромный жук, сбрасывая комья земли. Танк прокатил мимо гаража, перемолол гусеницами кирпичи, скрылся за трансформаторной будкой. Стал пятиться. Показалась корма с синей гарью, тяжкие катки. Танк появился из-за будки и встал, рокоча. Он был обшарпанный, закопчённый, шершавый, будто по нему водили рашпилем. Казалось, на нём висят горелые лохмотья. Такие танки поднимают со дна болот, куда они провались. Танк был в торфяной грязи, на башне, поверх активной брони, мутно проступала «зет». Болотом, куда провалился танк, была война. Его вытащили и направили на участок, где сражался взвод Лощинина. Это был его танк.

— Сойка, Сойка, я — Слон! — забулькала рация. Танк работал на частоте Лощинина. — Сойка, укажи цель! Пришли наводчика!

— Слон, я Сойка! Будет тебе наводчик!

Лощинин повернулся к Буру.

— Садись на танк. Покажи, куда бить. В подъезд, в четвёртый этаж, в шестой и двенадцатый. Пусть саданёт по крыше, где миномёт. Выполняй!

Бур встрепенулся, смотрел на танк, на Лощинина повеселевшими шальными глазами. Отжался, бодрыми скачками вынесся из гаража, взобрался на танк. Из люка показался танкист в танковом шлеме. Бур, оглядываясь на высотку, тыкал рукой, что-то жарко пояснял танкисту. Лощинин видел радость Бура. Тот

был избавлен от атаки, и тень, затемнившая его впалые щеки, сошла с лица и погрузилась обратно в сердце.

— Я — Первый! Идём двумя машинами! Танк отработал, и мы пошли! Как поняли меня? — Лощинин вызывал из развалин машины, подтягивал к рубежу атаки.

Отсюда, от гаража, одна за другой они двинут к высотке, укрывая бронёй пехоту. За первой машиной пойдёт взвод, за второй ополченцы. Лощинин пойдёт за первой, уже не управляя атакой, отдавая её вихрю. Вихрь внесет атаку в высотку, на её этажи, или отбросит назад к развалинам, оставляя на пути отступления горящие машины и разбросанные по детской площадке тела.

Он почувствовал слабость. Будто во рту мятный леденец холодил язык и гортань. Холод спускался к животу, под бронежилет, к ногам, обутым в тяжёлые башмаки. Было солнечно, жарко, кирпичи нагрелись, но он холодел. Высотка высасывала из него тепло, выманивала из развалин. Тёмные окна, как глаза с чёрными, намалёванными сажей бровями, видели его, звали на залитую солнцем площадку. Безвольный, переставляя холодные ноги, он выйдет, и его убьет пулемёт из разбитого окна на четвёртом этаже. Он будет лежать среди детских лесенок и качелей, рядом с женщиной в синем платье, с её толстыми вывернутыми ногами.

Слабость прошла. Тепло вернулось, превратилось в жар. Он ненавидел высотку, хотел её уничтожить. Каждый этаж, каждое окно, каждого засевшего в ней пулемётчика, каждую квартиру, пустившую к себе украинский спецназ. Желал взорвать, испепелить высотку, вставшую на пути его взвода, на его пути. И будь проклят тот, кто её построил, кто её заселил, кто соорудил нелепые карусели и лесенки, мешающие атаке, которую он через минуту начнёт и не остановит, пока не выйдет на плоскую крышу высотки, этой проклятой домины, что хочет его убить.

— Слон! Слон! Я Сойка! Приступай к работе!

Грохнуло страшно над головой Лощинина, ткнуло лицом в кирпичи. На фасаде высотки открылась дыра, проломленная снарядом. Из дыры валил дым. Дыра казалась чёрным ртом курильщика.

Снова жахнул танк. Пушка колыхнулась, выплюнула струйку дыма. На фасаде появилась ещё одна дыра, полная дыма. Из первой дыры вместе с дымом летели красные искры. Танк бил, и на фасаде открывались чёрные рты, выдыхавшие дым.

Лощинин считал дыры. После каждого выстрела дом вздрагивал, на мгновение выпадал из фокуса. Стены трепетали, снаряды застревали в высотке, рвали её жилы, ломали кости, и казалось, она рухнет, сползёт горой бетона. Но она стояла, в ней открывались рты, из них летели искры, вяло краснело пламя. Чёрные рты с красными языками.

— Слон, я Сойка! Долбани по подъезду! Захерачь, говорю, по входу!

Танк шевельнул пушкой, повёл вниз и ударил. Снаряд улетел в подъезд, расшвырял мешки с песком. Из подъезда хлынула муть, заволокла площадку.

«Бог даст!» — подумал Лощинин, подхватив автомат и пристраиваясь в хвост головной машины. Там топтались десантники и несколько ополченцев в касках не по размеру, без бронежилетов. Ополченец с черной бородой кричал в прилипшую к плечу рацию:

— Выкуривай, стрекозу их мать! Нехрень в кустах сидеть, стрекозу их мать!

«Бог даст!» — повторил Лощинин, оттесняя бородача, вставая рядом с рядовым Ананьевым, позывной «Няня», и ефрейтором Бузылёвым, позывной «Буза». Лоб Бузы был перевязан бинтом с проступившей кровью.

«Бог даст!» — Лощинин шёл за кормой машины, дыша горелой соляркой. Был зоркий, чуткий, пружинил ногами, пригибался, стараясь заслониться кормой машины, скрыться в синем дыму солярки. Все, кто шёл рядом, пригибались, пружинили ногами, будто подкрадывались к высотке. Высотка молчала, оглушённая танком. Горела внутри, осыпалась перебитыми балками.

«Бог даст!» — думал Лощинин, пересекая асфальтовую дорожку с чугунной оградкой, продавленной гусеницами. Машины медленно подвигались, поливая из пулемётов фасад. Высотка молчала, не огрызалась, дымила, истлевая внутри. Машина вползла на детскую площадку и шла среди пёстрых, покрашенных в красное, зелёное, жёлтое лесенок и качелей. За площадкой начиналась «мёртвая зона», место броска.

С этажей ударили два пулемёта. Проскребли броню. Очередь соскользнула с брони и взрыхлила землю рядом с убитой женщиной. Хлопнул гранатомёт. С девятого этажа понеслась курчавая трасса. Огонёк гранаты просвистел над машиной, ударил в асфальт дорожки, отпрыгнул и взорвался малым пепельным взрывом.

— Вперёд! — гаркнул Лощинин. Обогнул корму, увидел, как метнулись следом Буза, Няня, бородатый ополченец. Влетели в тёмный, развороченный взрывом подъезд. Буза швырнул гранату. Няня другую. С солнца в слепоту, в дым. Эхо взрыва летит на этажи. «Бог даст!» — Лощинин вспрыгнул на обломок лестницы, успел разглядеть висевшие на стене почтовые ящики, лифт с вырванной дверью, растерзанное безголовое тело. «Бог даст!»

Впереди скакали десантники. Квартира с номером «9». Латунные брызги гильз. Лепестки огня. К стене. Пронесло. Ещё квартира. Мимо, мимо. «Бог даст!»

Слепая раскалённая сила швырнула Лощинина. Он взбегал скачками среди грохота гранат и автоматного треска. Квартира с номером «20». Соседняя дверь раскрыта. Бородач-ополченец шарахается от стены

к стене. В квартире грохот, сыплется люстра, летят щепки шкафа. Выше, выше. «Бог даст!»

Два автоматчика на лестничной клетке. Бьют в упор. У животов рыжие розетки огня. Не целясь, рыча, матерясь, Лощинин водил стволом, вырезая круги, помещая в эти круги автоматчиков в пятнистой форме. Один без каски. Рыжие волосы, красный лоб, синие навыкат глаза. Скрылись в квартире. Им вслед, грохоча автоматом, ворвался Буза. Металось, орало, гремело. Очереди из квартиры вылетали на лестничную клетку. Мимо. Дальше. «Бог даст!»

Сверху из раскрытых дверей полетела граната. Ребристая, зелёная, как лягушка. Запрыгала под ногами, стуча по ступням. Конец. Соскользнула, упала в проём, и там, где мчались вверх ополченцы, грохнул взрыв. Закричали истошно. Выше. Пробегая мимо квартиры, увидел того, кто кинул гранату. Лежал на полу, спиной к стене. Голый по пояс. Грудь перевязана, в красных кляксах. Из-под чёлки чёрные ненавидящие глаза. В кровавые кляксы бинтов, в ненавидящие глаза короткую очередь. Выше, выше. «Бог даст!»

Он задыхался. Этаж за этажом. Его возносила яростная душная сила. За ним бежал взвод, топотали ополченцы. Растекались по квартирам. В каждой шёл бой. Высотка кипела схватками. Лощинин оставлял за спиной кипящие боем квартиры. Нёсся вверх. Была жуткая сладость в этом слепом вознесении, без мыслей, без страха, без жалости. Только вперёд. «Бог даст!»

Ослепляющий свет. Мелькание квартир. Проломы в стене. Синева. И только одно на устах: «Бог даст!»

На девятнадцатом этаже квартиры кончались. Тянулся длинный тусклый коридор с выходами на крышу. Лощинин искал дверь на крышу. Там оставался миномётный расчёт. Взбегая по лестнице, он расстрелял магазин. Отцепил пустой магазин, стал нащупывать на груди карман с запасным рожком. Фонарь на месте, индивидуальный пакет на месте. Гранаты он разбросал, пробегая по лестничным клеткам. Запасного магазина не было. Карман разгрузки был пуст. Должно быть, магазин выпал, когда Лощинин кувыркался, уклоняясь от очередей.

Он стоял, опустив незаряженный автомат. Придётся ждать подкрепление и с ним выбираться на крышу.

Он услышал, как в сумерках коридора захрустело. Появился верзила, громадный, в пятнистой форме, с засученными рукавами, с могучей сутулой спиной и огромными кулаками, в которых держал ручной пулемёт. Пулемётная лента, блестя латунью, свисала к полу. Рыльце пулемёта смотрело на Лощинина. На него же смотрели из под лобных дуг маленькие свирепые, мерцающие красным глаза. Пулемётчик был столь огромен, что занимал весь проход, почти касаясь плечами стен. Он шёл враскоряку, как ходят штангисты или «снежные люди». Пулемёт в его кулаках казался хрупким. Лощинин, держа пустой автомат, отступал, видя, как на лице пулемётчика открывается рот, губы раздвигаются, и видны зубы. Он был похож на оскаленного медведя, косолапо приближался к Лощинину. Чёрное рыльце пулемёта отыскало Лощинина, и он обессилел, сдался. Ждал, что истечёт секунда, из чёрной рюмочки дула полыхнёт, и тьма. Уже мёртвый, уронил автомат. Но рыльце чернело. Пулемётчик дёргал затвор, тряс пулемёт. Лента змеилась, блестела латунь. Пулемёт молчал. Верзила отбросил пулемёт, в котором заело ленту. Пулемёт звякнул о бетонный пол.

Лощинин и пулемётчик стояли, не двигаясь. Лощинин вернулся из смерти. Его мышцы дрожали. Рука потянулась к ремню, нащупала нож. Отстегнул ремешок на ножнах и достал нож. Верзила пошарил на бедре и вынул тесак. Тяжёлое тусклое лезвие, грубая рукоять. Лощинин держал нож наотмашь, чуть покачиваясь. Ждал, когда верзила пойдёт на него, чтобы гибко уклониться от тесака, нырнуть под промахнувшуюся руку и всадить нож в выпуклую грудь пулемётчика, в коричневое пятно его камуфляжа. Лощинин был, как пружина. Мышцы дрожали. Он был зоркий, чуткий. Рукоять ножа плотно сжимали пальцы. С лезвия скользнул белый луч и упал туда, куда следом вонзится светлая сталь.

Он увидел, как пулемётчик плоско выставил огромную ладонь, уложил на неё тесак. Сжал и, откинувшись, метнул тесак. Сталь пролетела и ударила остриём в бронежилет Лощинина. Удар был страшный, как пуля. Лощинина отбросило. Он качался,

оглушённый ударом. Удар гулял в нём, как пуля со смещённым центром тяжести. Гудело в голове, ломило в костях, рвало аорту. Пулемётчик взревел, пошёл, матерясь. Шёл, как матерящийся «снежный человек», растопырив огромные пятерни. Хотел ломать Лощинину горло. Лощинин чувствовал исходящее от пулемётчика зловоние, едкое, кислое. Так пахнет смерть. Руки пулемётчика сжали горло Лощинина, и тот, хрипя, выхаркивая сквернословия, ударил ножом. Нож плавно погрузился в мякоть, минуя ребро, воткнулся в сердце. Пулеметчик продолжал материться, ломал Лощинину шейные позвонки, но валился на Лощинина, как падающая стена. Лощинин отпустил нож, падал, и его заваливало зловонной горой.

Он лежал, слыша, как в громадном тулове хлюпает и пузырится. Горячая кровь заливала Лощинину грудь, плечи. Он выбирался из-под туши, и кровь, пропитав рубаху, текла по животу, в пах, по ногам, и он, боясь крутить головой, чувствуя боль в позвонках, встал, держась за стену. Отдышался, тяжело перевернул пулеметчика на спину. В коричневом пятне камуфляжа торчала рукоять ножа. Лощинин потянул, нож не поддавался. Что есть силы дёрнул. Лезвие, красное от крови, блеснуло. На груди пулеметчика забурлил фонтанчик.

Лощинин подобрал автомат, ткнул ближнюю дверь и вышел на крышу.

Ослепило солнце, ветер поднимал волосы. Белый город лежал перед ним, уходя к окраинам, где туманились леса. Из белых кварталов поднимались дымы. Чёрные, сизые, прозрачные. Одни громоздились, как башни, другие вяло текли, третьи клубились, как белые парики. Гремели удары. Мерцали в кварталах вспышки гаубиц, резали воздух реактивные трассы, вертолёты ныряли, как каракатицы, впрыскивая в белый город чёрную копоть. Громыхало, будто по городу перекатывали железные бочки. И за городом, за дымами сияла лазурь. Море, необъятное, безбрежное, восхитительное, омывало гибнущий город, сливаясь с небом.

Лощинин стоял на крыше. Торчали вентиляционные трубы. Валялась упавшая с опор труба миномёта. На этажах высотки продолжался бой, рвались гранаты. Кричали, матерились, стонали. Лощинину хотелось отвернуться от поверженного города, улететь от дымов, от ударов в лазурную бесконечность.

Город осыпался, крошился, проваливался. Падали высотные башни, оседали фасады, открывались пустоты. На космических снимках город казался клетчатой вафлей, отпечатком папортника на камне. Город был мишенью. На него пикировали вертолёты, вонзая чёрные когти разрывов. С больших высот, просверкав на солнце, самолёты бросали бомбы. Реактивные установки вырезали дымные просеки. Огнемёты катили пылающие шары, выжигая пустыри. С моря летели ракеты, пробивая жаркие дыры. Гаубицы долбили стены, прорубая проходы. Танки ползали в кварталах, перетирая кирпич. Штурмовые группы ссаживались с машин и забрасывали подъезды гранатами. Стучали пулемёты, потрескивали автоматы. Казалось, город грызло множество зубов, огромных и мелких. Его обгладывали, как кость, и он хрустел и крошился.

Украинские части вплавились в город, и их выкалывали зубилом. Они медленно отступали, оставляя в развалинах сгоревшие танки, изуродованные орудия, растерзанных снайперов, гранатомётчиков, пехотинцев. По вертолётам и самолётам с крыш били «стингеры», и охваченные огнём «Аллигаторы» падали с хвостами копоти. Когда на перекрёстках появлялись танки, из подворотен и подвальных окон били «джевелины», и танки горели, как бенгальские огни, разбрасывали сорванные взрывом башни.

Украинский спецназ, бригады морской пехоты, батальон «Азов» отступали, оставляя за собой дымящиеся зубцы развалин, языки пожаров, раскалённую жирную сажу. Они спускались в канализационные люки, проникали по туннелям в тыл наступающих русских, ударами в спину останавливали атаки и вновь уходили под землю.

Когда город превратился в гигантскую свалку строительных отходов, украинские части, уцелевшие среди спекшегося железа и оплавленных камней, отошли к окраинам, где высилась горбатая громада металлургического завода. Батальон «Азов» исчез, как невидимка. Просочился вглубь земли и всплыл

среди литейных цехов, плавильных печей, доменных башен, превратив завод в грохочущую огнями и взрывами крепость.

Комбат «Азова» Ральф и служившая снайпером Тайра лежали среди изломанных балок, скомканных баков, смятых труб. Их скрывала гора колючего железа, поднятых дыбом рельс, висящих на арматуре ломтей бетона.

— Уходи, Тайра, — сказал Ральф. — Батальону жизни три дня, и конец. Уходи. Ползи по трубе к реке и дальше вплавь.

— Ты меня гонишь?

— Не хочу, чтобы москали взяли тебя в плен и насиловали.

— Посмотри на меня. Разве я сдамся в плен?

Тайра отложила винтовку и встала. Медленно поворачивалась, чтобы Ральф мог её рассмотреть среди окислённой стали, чёрной копоти, клубков обгорелого кабеля. Она поворачивалась, как в медленном танце, воздев руку с тонкими длинными пальцами, на которых краснел маникюр. Её тело в пятнистой форме гибко, по-змеиному изгибалось, струилось. Рыжие волосы накрывал картуз. Глаза зелёные, яркие смеялись из-под козырька. Тяжёлые башмаки притоптывали на грязном бетоне. На груди, у горла, висел железный крест, побывавший в огне, с почернелой серебряной каймой и запекшейся свастикой. — Ну посмотри, Ральф, разве я могу сдаться в плен?

Лежа на шершавом бетоне, перед баком с сорванными заклёпками и выдранными лепестками стали, после двух бессонных ночей, оглушённый артиллерией, с металлической крошкой осколка в плече, Ральф вдруг испытал жар в немытом, перетянутом ремнями теле. Потянул к Тайре руку, но осколок остро кольнул в плечо, и рука не дотянулась.

— И все-таки хочу, чтобы ты ушла. Москали перестали стрелять, открыли коридор для мирных. Я выпущу пару десятков. Переоденешься в бабье платье и уйдешь. Не хочу, чтобы ты оставалась.

Орудия русских молчали. Не слышался грохот падающих конструкций, хряст пробиваемого бетона, гул железных баков, раздираемых взрывами. Вся громада изуродованного завода чуть слышно ныла, стенала, словно в разбитых цехах каталось эхо недавних попаданий. Сочилась едкая рыжая гарь, словно железо испарялось, и вся изувеченная махина завода отрывалась от земли и медленно уплывала в небо.

— Москали будут молчать час-другой. Ты успеешь уйти.

— Я успею раздеться, и ты будешь меня целовать.

Из развалин, где они лежали, открывалась насыпь с подбитым тепловозом. За насыпью высились глыбы разбитых цехов, тянулись ввысь две кирпичные трубы, огрызок третьей, в которую угодил снаряд, и она отломилась от основания и медленно, неохотно падала, роняя кирпичи, подняв на земле длинное облако пыли. Русский броневик с мегафоном укрылся за насыпью. Металлический голос, многократно повторяя, выталкивал металлические слова. Они излетали из гулкой чаши и плыли в металлической дымке. Просачивались сквозь развалины, цеплялись за груды конструкций, проникали под землю, где в туннелях под тусклыми лампочками стонали раненые, лежали на досках убитые, в тесном отсеке сгрудились горожане, бежавшие из-под огня.

— Всем, всем, всем! Командование российских войск обращается к окружённому гарнизону с требованием немедленно сложить оружие и сдаться в плен! Для выхода с территории завода оставлен безопасный гуманитарный коридор, действующий до девятнадцати часов ноль-ноль минут! Сложившим оружие гарантируется жизнь, достойное обращение, раненым предоставляется медицинская помощь! Опознавательным знаком сдающихся в плен является белый флаг! Всем, всем, всем!

Каждое слово плыло, окружённое металлической дымкой, чуть размытое и оплавленное. Его слышали бойцы, засевшие с пулемётами среди застывших слитков. Миномётчики на скрытых позициях у доменной печи, перевитой чёрными трубами. Танкисты последнего уцелевшего танка. Танк был спрятан в прокатном цеху под продырявленной крышей, сквозь которую под разными углами падали лучи, синие от дыма. Слова слушали раненые на операционных столах, хирурги, мерцавшие скальпелями, санитары, вливавшие в запекшиеся рты неразбавленный спирт. Их слушали женщины и дети, оглушённые бомбёжками, и кормящая мать с открытой грудью, у которой чмокал ребенок.

— Любуюсь твоим крестом, — Ральф рассматривал крест с чёрно-красной лентой, висящий на шее Тайры. — Он слегка подгорел на мангале. Помню, как ты награждала этим москалей в Алексеевке.

— Они визжали, как свиньи, и пахли палёной щетиной.

— Они пахли горелым мясом и чем-то кислым, как квашеная капуста. Все москали пахнут чем-то кислым, особенно женщины. Я их отличаю по запаху.

— У тебя было много русских женщин?

— Все они пахли кислой капустой и лежалой селёдкой.

— Чем пахнут украинские женщины?

— Ты пахнешь мёдом.

Металлические слова мегафона прилетали и ударяли Ральфа в лицо, и эти удары были похожи на слабые ожоги медуз, когда он плыл в море, и зелёная, пронизанная солнцем вода была полна млечных студенистых медуз, слабо ударявших в лицо. «Всем, всем, всем! Командование российских войск обращается к окруженному гарнизону!»

— От того москаля, что убил Курта, пахло кислой капустой и свиной тушёнкой, пролежавшей на солнце. Среди тысячи москалей я узнаю его по зловонию и убью. Он штурмует завод, мы встретимся, и я его убью.

Они лежали в развалинах цеха, и над ними висела ребристая сорванная снарядом конструкция из железных балок и проволочных жгутов. Она едва держалась, готовая упасть. Прилетавшие слова ударяли в неё, и она раскачивалась.

— Я их ненавижу, — сказала Тайра. — У меня только два чувства. Ненависть к москалям и любовь к тебе. Если мне попадётся живой москаль, я буду срезать с него кожу, как кожуру с картошки. Я обрежу ему уши, выколю глаза, вырву язык и отсеку член. Пленным москалям нужно выкалывать глаза, отрезать член и отправлять в Россию, к матерям и женам.

— Ты их так ненавидишь? — спросил Ральф.

— Моего прадеда Данилу замучили москали. Бабушка рассказывала, когда его нашли, он весь был в звёздах. На нём москали выжигали звёзды.

— Мы на них кресты, они на нас звёзды.

— Мы мстим москалям за наших дедов и прадедов. Я москаля убиваю и говорю: «За тебя, дед Данило!» Так его поминаю.

Тайра тонкими пальцам с красным маникюром погладила приклад снайперской винтовки. Надрезами было помечено число убитых в бою москалей. На облысевшем, лишённом лака прикладе виднелось восемь насечек.

— За тебя, дед Данило!

Они лежали среди чёрных огромных домен, остывших мартенов, слитков стали, остановленных колёс и моторов, разрубленных балок. Каждый вырванный металлический клок, каждый сломанный стык, каждая сорванная заклёпка таили в себе человеческий замысел, извлечённый и уничтоженный взрывом.

— Когда придёт подкрепление? — спросила Тайра.

— Президент сказал, что украинский народ с восхищением следит, как сражается наш батальон. О нас молятся в церквях, слагают стихи и песни. О подкреплении ни слова. Ему нужны мёртвые герои.

— Сколько сможем держаться?

— Дня три, не больше. Уходи. Я выпущу десяток москалей. Уйдёшь с ними.

— От тебя не уйду. Вместе с батальоном уйдём на небо.

Металлическая конструкция, как колючая люстра, качалась над ними. Из проломов кровли били голубые лучи. Подбитый тепловоз с красной полосой на боку криво застыл на насыпи. Торчал огрызок кирпичной трубы.

— Смотри! — Тайра сдвинула картуз к затылку, смотрела из-под козырька в небо. Маленький дрон, похожий на паучка, трепетал, медленно плыл, замирал, снижался, делал вираж и вновь, покачиваясь, катился по небу.

— Москали просматривают промзону. После девятнадцати ноль-ноль начнут бомбить.

— Когда начнут, ты выпусти этих вонючих. Пусть попадут под бомбы.

— Еще сгодятся. Вдруг ты их захочешь клеймить.

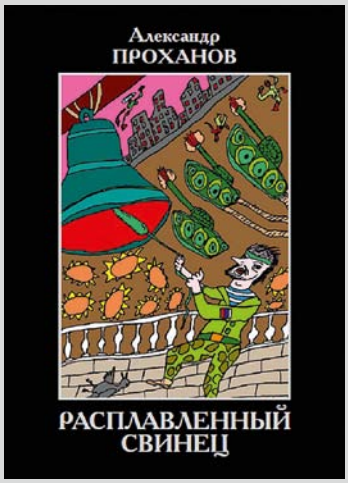
Дрон приближался. Казалось, паучок движется по невидимой паутине. Тайра вглядывалась в чёрное тельце дрона. Это был летающий глаз, окружённый ресницами. Он видел дымную руину завода с горбами остывших домен. Морской залив с закопчённой синью и торчащей кормой затонувшей баржи. Реку с обугленными причалами. Угадывал скрытые огневые точки, притаившихся бойцов, миномётные батареи, последний исхлёстанный осколками танк. Это всевидящее око видело насыпь с тепловозом и лежавших по обе стороны насыпи убитых, распухших на солнце. Видело вертолёт с перебитыми лопастями, застрявший в проломах крыши. Он видел Ральфа с красными от бессонницы белками, его большую, с наколками, пятерню на пенале гранатомёта. Видел Тайру, её рыжие волосы, крест на груди, пальцы с маникюром, приклад винтовки с зарубками. Этот глаз прилетел из мерзкой ненавистной страны, повис над городами, лазурными реками, золотыми полями, и там, куда доставал его взгляд, горели города, мутнели от слёз реки, отворачивались от неба лица подсолнухов. И такая хлынула ненависть, такое беспощадное желание вырвать из неба мерзкое око.

Тайра взяла винтовку. Передёрнула мягко чмокнувший затвор. Подняла ствол. Поводила прицелом. Дрон возник в оптике, с четырьмя лапками, вихрями винтов, с пухлым паучьим тельцем. Трепетал в сетке прицела. Тайра, ненавидя, чувствуя горячей щекой холодный металл винтовки, положила палец с накрашенным ногтем на спуск. Тихий лязг выстрела, толчок в плечо. Дрон рассыпался брызгами, мелким сором осыпался на землю. Тайра смеялась, лаская винтовку, как ласкают любимую собаку.

Ральф потянулся к Тайре, сгрёб. Увидел её груди, перевитые змеёй. Мял, душил, давил. Она хохотала, кричала от боли. Видела его бугристое, с красными белками лицо, кусала его губы. Над ними качалась металлическая люстра. Тайра хотела, чтобы конструкция сорвалась, упала, изодрала своим острым железом, и они исчезли в последнем вопле и хохоте.

— Всем, всем, всем! — неслось с броневика. Ральф и Тайра встали с бетонных плит. Подобрали гранатомёт и винтовку. Шли в дальний конец прокатного цеха, где был люк, ведущий в подземный туннель. За спиной загрохотало. Обернулись. Железная конструкция сорвалась и рухнула на бетон горой бесформенной стали.

Александр ПРОХАНОВ.
Расплавленный свинец. —
М.: Наше Завтра, 2023. – 64 с. (с цветн. иллюстрациями)



Красочный альбом Александра Проханова, включающий новые циклы стихов и 36 его авторских рисунков, был выпущен ограниченным тиражом к юбилею писателя. Названия циклов стихов — «Алеющий восток», «Певец», «Наковальня», «Поэмы на броне», «Чеканка». Все эти циклы стихов и рисунки объединяет тема «Донбасского периода русской истории», так или иначе они вращаются вокруг противостояния на Украине и Специальной военной операции 2022–2023 гг. При этом и в стихах, и в графике Проханова пробивается пронзительный лирический родник, в котором горячая боевая составляющая сливается воедино с высоким метафизическим и историософским созерцанием глубинных потоков времени.

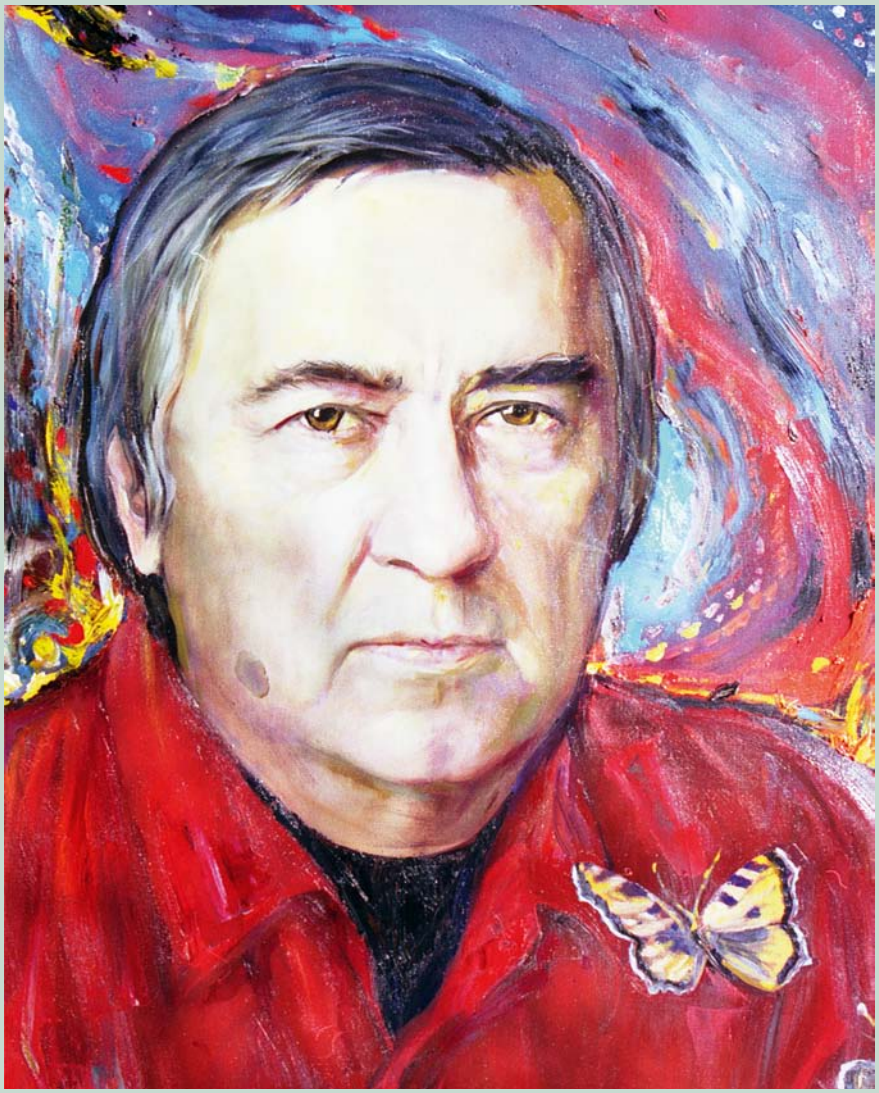
Александр ДУГИН.
Бытие и Империя.
Онтология и эсхатология Вселенского Царства. —
М.: АСТ, 2022. — 784 с.

Новая книга русского философа Александра Дугина представляет собой фундаментальное исследование идеи Империи — в онтологическом, историческом, религиозном, мистическом, эсхатологическом и геополитическом смыслах. Автор подробно разбирает сакральную природу Империи как духовного института в самых различных цивилизациях — древних и современных. Суть драматических современных событий предстаёт в книге как финальное столкновение Империи и анти-Империи. Издание предназначено для широкого круга читателей.

Юрий ПОЛЯКОВ.
Совдетство. Пионерская ночь. —
М.: АСТ, 2022. — 416 с.

Вышедшая годом ранее книга Юрия Полякова «Совдетство. Книга о светлом прошлом» сразу стала бестселлером, покорив читателей трогательной достоверностью картин минувшего и глубиной проникновения в сложный внутренний мир советского ребенка. И вот долгожданное продолжение — «Совдетство 2». Мы снова встретимся с полюбившимся нам шестиклассником Юрой Полуяковым, пройдём с ним по летней Москве 1968 года, отправимся на майский семейный пикник в Измайловский парк, предпримем путешествие на деревню к дедушке в волжскую глухомань, посидим у прощального пионерского костра и узнаем, как это непросто, если тебе нравится Ирма — самая красивая девочка третьего отряда…

Хронология мероприятий клуба



26 января 2023 года

В рамках XXXI Рождественских чтений в историческом парке «Россия — моя история» на ВДНХ прошёл круглый стол Изборского клуба по теме **«Русская Мечта и православная культура»**. Председательствовали на круглом столе митрополит Тихон (Шевкунов) и Александр Андреевич Проханов. Среди участников обсуждения — постоянные члены клуба Виталий Аверьянов, Михаил Кильдяшов, Георгий Мурадов, Фёдор Папаяни, Олег Розанов и другие, ряд экспертов клуба, представителей православной общественности, активисты Движения Русской Мечты.

26 февраля 2023 года

В этот день мы отмечали юбилей создателя и руководителя Изборского клуба — А. А. Проханову исполнилось 85 лет. Среди поздравивших крупнейшего писателя и патриарха русского патриотического движения были президенты В. В. Путин и А. Г. Лукашенко, политические и государственные деятели В. В. Володин, С. Е. Нарышкин, С. В. Киреенко, С. М. Миронов, многие другие известные лица. Также среди отправителей коллективных поздравительных адресов и телеграмм значился ряд крупных международных организаций и структур.

28 февраля 2023 года

В офисе Изборского клуба на Фрунзенской набережной состоялся семинар по теме **«Ельцин-центр: экспертная оценка деятельности в фокусе угроз национальной безопасности России»**, на котором был представлен большой экспертный доклад, созданный группой авторов во главе с членом клуба Варданом Багдасаряном. Багдасарян выступил с основным сообщением-презентацией, его соавторы — с краткими дополнениями. В дискуссии приняли участие постоянные члены клуба Виталий Аверьянов, Сергей Писарев, ряд других экспертов. Видеозапись семинара опубликована на телеканале «День-ТВ».

Март 2023 года

В Москве прошёл ряд мероприятий, связанных с **85-летним юбилеем Александра Проханова**.

2 марта в ресторане «Юра» состоялась дружеская встреча, на которой юбиляр нарушил традиционный алгоритм такого рода празднеств — вместо череды здравиц он взял в свои руки микрофон и в течение нескольких часов держал внимание собравшихся, поведав им о пройденном жизненном пути. При этом А. А. Проханов высвечивал его через короткие рассказы о каждом из своих гостей и друзей, присутствовавших на этом званом вечере.

16 марта в Общественной палате РФ прошёл творческий вечер Проханова, на котором он рассказал о своей судьбе, останавливаясь на её важнейших вехах, преломляя эти воспоминания через мастерские метафоры и уникальные символы, зафиксированные и отобранные его памятью. Под аккомпанемент гитары и саксофона известная певица, «душа Донбасса» Юлия Чичерина исполнила новые, недавно вошедшие в её репертуар песни на стихи из последних циклов Проханова («Поэмы на броне», «Наковальня» и др.).

4 627085 310013